

СТИВЕН ЭРИКСОН

ОРАДЫ ЛУНЫ

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ • КНИГА I

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Сады Луны

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

Эриксон С.

Сады Луны / С. Эриксон — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-389-21233-6

Тьма пала на некогда цветущий континент Генабакис. Могущественная Малазанская империя один за другим завоевывает Вольные города. Только два из них – Крепь и Даруджистан – еще остаются непокоренными. Но надолго ли им хватит сил сопротивляться? Да и сама империя, раздираемая внутренними противоречиями, стонет под властью жестокой императрицы Ласин. В небе висит Семя Луны – таинственная базальтовая крепость, о которой ходят самые невероятные слухи. Древняя магия противостоит боевому искусству. Коварные боги, наблюдая за смертными, ведут собственную игру. И предугадать исход противостояния абсолютно невозможно...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Кан)-445

ISBN 978-5-389-21233-6

© Эриксон С., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	9
Пролог	14
Книга первая	18
Глава первая	18
Глава вторая	43
Глава третья	68
Глава четвертая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Стивен Эриксон

Сады Луны

*Эта книга посвящается Иану Кэмерону Эсслемонту.
Покорять миры – значит делиться мирами.*

Steven Erikson
GARDENS OF THE MOON

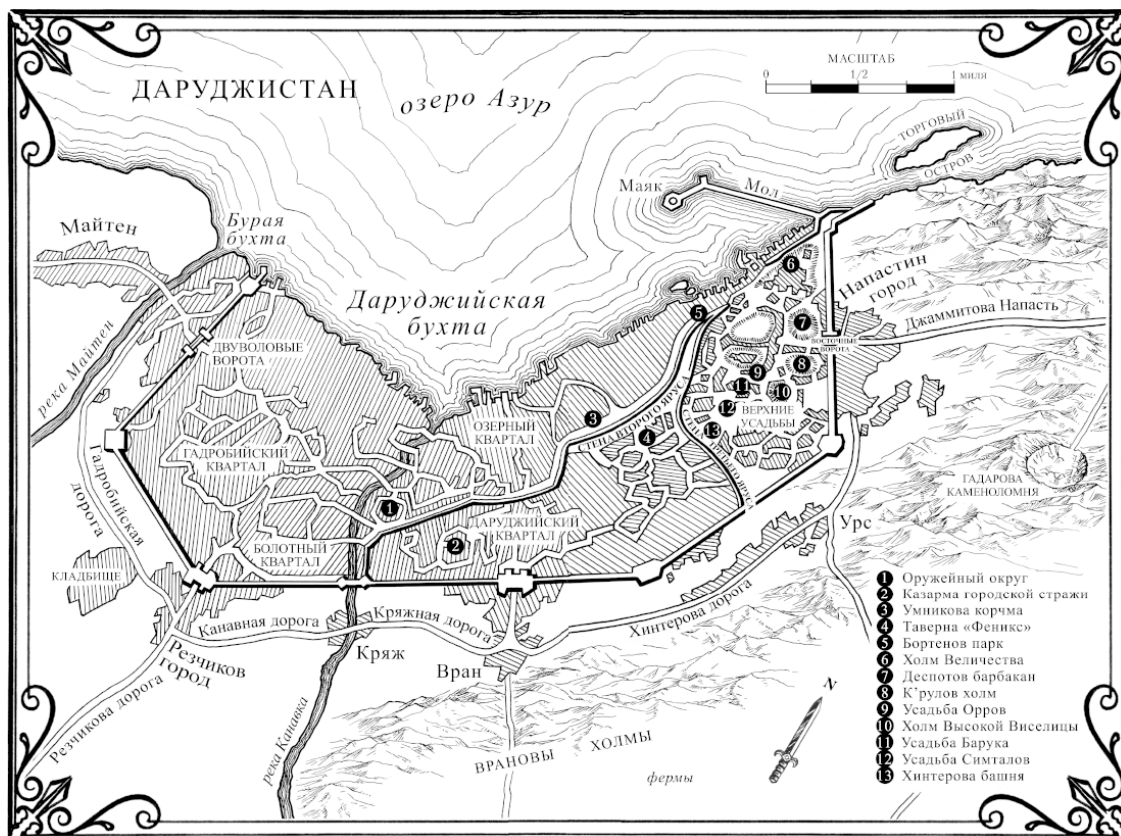
Copyright © Steven Erikson, 1999
First published as Gardens of the Moon in 1999 by Bantam Press, an imprint of Transworld Publishers. Transworld Publishers is part of the Penguin Random House group of companies.
All rights reserved

© Е. В. Лихтенштейн, перевод, 2014
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Ни один роман не создается в одиночестве. Автор хочет поблагодарить всех, кто поддерживал его на протяжении многих лет: Клер Томас, Боуэна, Марка Пакстона-Макрея, Дэвида Кека, Кортни, Райана, Криса и Рика; Мирэй Терьясельт, Дэнниса Волдрона, Кита Эдисона, Сьюзан, Дэвида и Херриэт, Клер и Дэвида Томаса-младшего; Криса Роделла, Патрика Кэрролла, Кейт Пич, Питера Ноульсона и Руна; Кента, Вэл и их детей; а также своего неугомонного агента Патрика Уолша и Саймона Тейлора, изумительного редактора.

Действующие лица

МАЛАЗАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Войско Дуджека Однорукого

Рваная Снасть – кадровая чародейка из Второй армии, умеет толковать Колоду Драконов

Локон – кадровый маг из Второй армии, ушлый соперник Тайскренна

Калот – кадровый маг из Второй армии, любовник Рваной Снасти

Ток-младший – вестовой из Второй армии, агент когтей; получил ужасный шрам при осаде Крепи

Сжигатели мостов

Скворец – Девятый взвод, сержант; бывший командир Второй армии

Калам – Девятый взвод, капрал; бывший коготь из Семиградья

Быстрый Бен – Девятый взвод, маг из Семиградья

Жаль – Девятый взвод, убийца в образе юной девушки

Колотун – Девятый взвод, сапер

Скрипач – Девятый взвод, сапер

Ходок – Девятый взвод, воин-баргаст

Молоток – Девятый взвод, целитель

Мураш – Седьмой взвод, сержант

Хватка – Седьмой взвод, капрал

Имперское командование

Ганос Стабро Паран – капитан, малазанский офицер благородного происхождения

Дуджек Однорукий – верховный кулак армии Малазанской империи, ветеран Генабакисской кампании

Тайскренн – высший маг на службе императрицы

Беллурдан – высший маг на службе императрицы

Ночная Стужа – высшая чародейка на службе императрицы

А'Каронис – высший маг на службе императрицы

Лорн – адъютантесса императрицы Ласин

Шик – глава когтей Малазанской империи

Императрица Ласин – правительница Малазанской империи

Дом Паранов (Унта)

Тавора – средняя сестра Ганоса

Фелисин – младшая сестра Ганоса

Гамет – стражник, отставной солдат

Из времен императора

Император Келланвед – основатель Малазанской империи; убит Ласин
Танцор – первый советник императора; убит Ласин
Стерва – имя, которое носила Ласин, когда была главой когтей
Дассем Ультор – первый меч Малазанской империи; убит у стен Й'Гхатана в Семиградье
Ток-старший – пропал без вести, когда Ласин проводила чистку старой гвардии

В ДАРУДЖИСТАНЕ

Завсегдатаи таверны «Феникс»

Крупп – человек ложной скромности
Крокус Новичок – молодой воришка
Раллик Ном – член гильдии убийц
Мурильо – щеголь, обладающий изысканными манерами
Колл – пьяница
Миза – постоянная посетительница
Ирильта – постоянная посетительница
Нахал – трактирщик
Салти – служанка
Шерт – неудачливый задира

Тайная ложа Т'орруд

Барук – высший алхимик, магистр
Дэрудан – ведьма (магический Путь Тэннес)
Маммот – верховный жрец магического Пути Д'рисс и выдающийся ученый; дядя Кро-
куса
Травейл – благочестивый солдат ложи
Толис – высший маг
Паральд – высший маг

Городской Совет

Тюрбан Орр – влиятельный сановник и любовник госпожи Симтал
Лим – союзник Тюрбана Орра
Симтал – хозяйка роскошного особняка
Эстраириан Д'Арле – соперник Тюрбана Орра
Ваза Д'Арле – его младшая дочь

Гильдия убийц

Воркан – глава гильдии убийц
Оцелот – глава клана, к которому принадлежит Раллик Ном

Тало Крафар – убийца из клана Джуррига Денатта
Крийт Тальентский – агент гильдии

Также в городе

Угорь – по слухам, великий шпион
Разрушитель Круга – агент Угря
Вилдрон – городской стражник
Стиллис – капитан стражи, усадьба Симталов

ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тисте анди

Аномандер Рейк – владыка Семени Луны, Сын Тьмы, Рыцарь Тьмы
Сэррат – первая помощница Рейка
Корлат – ночная охотница и кровная сестра Сэррат
Орфантал – ночной охотник
Горульт – ночной охотник

Т'лан имассы

Логрос – командир т'лан имассов, которые служат Малазанской империи
Онос Т'лэнн – воин, лишившийся клана
Пран Чоль – заклинатель костей (шаман) из Кроновых т'лан имассов
Киг-Авен – вождь клана

Прочие

Карга – великая ворониха и прислужница Аномандера Рейка
Силана – элейнт, спутница Аномандера Рейка
Рейст – яггутский тиран
К'рул – древний бог, Созидатель Троп
Каладан Бруд – военачальник, сражающийся против малазанской армии в Северной кампании; прозвище – Воевода
Каллор – правая рука Бруда
К'азз Д'Авор – князь, командир Багровой гвардии
Джоррик Острый Дротик – офицер из Багровой гвардии
Колтак – высший маг из Багровой гвардии
Сплин – капрал, шестой клинок Багровой гвардии
Перст – шестой клинок Багровой гвардии
Престол Тени/Амманас – Владыка Теней
Узел/Котильон – спутник Престола Тени и покровитель убийц
Икарий – создатель Колеса Веков в Даруджистане
Манно – спутник Икария
Паннионский Провидец – таинственный пророк, тиран, правитель земель к югу от Даруджистана

Псы Тени (Гончие Тени):

Барен
Бельмо
Ганрод
Доан
Зубец
Крест
Шан

*Древнюю книгу берем мы —
ныне, когда и сам пепел давно уж остыл.
Эти страницы, что в масляных пятнах,
нам о Павших поведать способны легенды
и расскажут словами бесстрастными
об империи ветхой, чей очаг
уж почти совершенно угас...
Да, бывшее сияние его или искры живые
ныне стали лишь отблесками воспоминаний
в потускневших навеки очах...
Что же тронет меня,
что оживит мои мысли,
когда Павших открою я Книгу
и вдохну глубоко я истории запах?
Слушай же эти слова,
дыханьем столетий рожденные,
ибо в сказаниях давних о нас говорится
и сие повторяется снова и снова.
Мы — история, вновь прожитая,
вот в чем мудрость таится,
Будет сие бесконечно, — и более ничего¹.*

*Мертв император!
И рука его правая — холодна и отрублена!
Но взгляни на уходящие тени:
сплетены, окровавлены и избиты,
утекают они прочь от взгляда...
Свободный от скипетра власти,
стекает свет с золоченого канделябра,
и очаг, что выложен самоцветами,
семь лет истекал, как кровью, теплом...*

*Мертв император!
И мертв его спутник, и узел разрублен.
Но взгляни на грядущее возвращенье —
дрожжащая темень, изорванный саван —
то чад избирают в умирающем свете империи...
Услышь, как вновь зазвучит
сей плач погребальный;
перед солнца закатом
день вновь истекает багрянцем*

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод стихотворных текстов Владимира Аренева.

*на искалеченный край,
и в очах из обсидиана
месть семь отбивает ударов...*

Фелисин (р. 1146). Призыв к Тени (строки 1–18)

Пролог

1154 год Сна Огни

96 год от основания Малазанской империи

Последний год правления императора Келланведа

Пятна ржавчины кровавыми морями растекались по черной шербохатой поверхности флюгера. Уже больше века он вертелся на острие старой пики, накрепко прибитой к внешней стене Паяцева замка. Огромный и уродливый флюгер этот был вхолостую выкован в форме крылатого, скалящегося в злобещей ухмылке демона, и теперь он ворочался туда-сюда и возмущенно визжал при каждом порыве ветра.

Переменчивый ветер играл столбами дыма, которые поднимались над Мышиным кварталом города Малаза. Молчание флюгера обозначило миг, когда вдруг стих морской бриз, штурмовавший изрезанные стены Паяцева замка, но потом демон снова ожил и заскрипел под напором полного искр, горячего и дымного дыхания Мышиного квартала, которое добралось уже и до этого высокого мыса.

Ганос Стабро Паран из дома Паранов встал на цыпочки, чтобы выглянуть за мерлон. У него за спиной высился Паяцев замок. Некогда Малаз был столицей, но теперь, после покорения материка, все изменилось, и сейчас в замке размещалась всего лишь резиденция местного кулака – так в Малазанской империи называли военных наместников.

Древняя замковая стена не слишком интересовала Ганоса: она казалась ему слишком знакомой и привычной. За последние три года мальчик трижды бывал здесь; давно уже облазил вдоль и поперек весь мощный неровными каменными плитами двор, старую башню (ее теперь отдали под конюшню, а на верхних этажах воцарились голуби, ласточки и летучие мыши) и саму цитадель, где прямо сейчас его отец торговался с портовыми служащими за пошлины на вывоз вина. В крепости, конечно, пускали далеко не всюду – даже отпрыска благородного семейства, – ведь там располагалась резиденция кулака, а стало быть, вершились государственные дела.

Позабыв о Паяцевом замке, Ганос внимательно смотрел вниз, на город, пытаясь разглядеть следы беспорядков, прокатившихся по беднейшему кварталу Малаза. Паяцев замок стоял на утесе, и на вершину вела виляющая лестница, высеченная в известняковом склоне. До города отсюда было саженьей восемьдесят, а то и больше, да плюс еще высота замковой стены составляла около шести саженьей. Мышиный квартал, или попросту Мышатник, находился на самой окраине города – запутанный лабиринт лагун, который рассекала пополам пробивавшаяся к гавани илистая речушка. Нет, слишком далеко: со своего наблюдательного поста Ганос не мог рассмотреть почти ничего, кроме толстых столбов черного дыма.

Солнце еще стояло в зените, но яркие вспышки и рокочущий грохот боевой магии превращали полдень в темные и густые сумерки.

Позвякивая доспехами, на стену рядом с Ганосом вышел воин, положил прикрывающую наручем руку на парапет, и ножны его длинного меча царапнули камень.

– Что, парень, небось радуешься, что родился в благородной семье? – спросил он, направив взгляд серых глаз на тлеющий внизу город.

Мальчик внимательно осмотрел воина. Он уже знал все подразделения вооруженных сил Малазанской империи и по форме без труда определил, что этот человек – офицер из элитной Второй армии, личной гвардии императора. На темно-сером плаще красовалась серебряная фибула: каменный мост, освещенный рубиновыми языками пламени. Сжигатели мостов.

Важные военные и гражданские чины империи частенько навещали Паяцев замок. Ганос таких уже навиделся. Ведь, хотя столицу и перенесли теперь в Унту, Малаз по-прежнему оставался важнейшим портом, особенно сейчас, когда на юге начались Корельские войны.

– Так это правда? – храбро спросил мальчик.

– Ты о чем толкуешь, сынок?

– Правда, что первый меч империи, Дассем Ультор, мертв? Нам рассказали об этом в столице, как раз перед самым отъездом. Неужели он и впрямь погиб?

Его собеседник вздрогнул, но не отвел глаз от Мышиного квартала.

– На войне такое случается сплошь и рядом, – вполголоса пробормотал он, как будто говорил сам с собой.

– Но вы же из Второй армии. Я думал, Вторая должна быть с ним, в Семиградье. У стен Й'Гхатана...

– Худов дух! Тело Дассема до сих пор ищут в дымящихся развалинах проклятого города, а тут вдруг ты, сын простого торговца, за три тысячи лиг от Семиградья, знаешь то, что положено знать лишь немногим. – Он по-прежнему смотрел вдаль. – Понятия не имею, откуда у тебя эти сведения, но послушай моего совета: держи их при себе.

Ганос пожал плечами:

– Говорят, Ультор предал одного из богов.

Вот теперь воин обернулся. Его лицо покрывали шрамы, а подбородок и левая щека были изуродованы ожогом. Но, несмотря на это, он выглядел слишком молодым для командира.

– Извлеки из этого урок, парень.

– Какой урок?

– Каждое твое решение может изменить мир. Лучшая жизнь – та, которую боги не замечают, сынок. Хочешь жить свободным – живи тихо.

– Но я хочу стать солдатом. Героем!

– Ничего, подрастешь – передумаешь.

Флюгер заскрипел, когда порыв ветра из гавани разогнал завесу дыма. Теперь Ганос чувствовал запах гниющей рыбы и ту вечную вонь, какая бывает в портовых городах.

К офицеру подошел другой сжигатель мостов; за спиной у него была привязана сломанная, обуглившаяся скрипка. Он был жилист и очень молод – всего на несколько лет старше Ганоса, которому едва исполнилось двенадцать. Лицо солдата и кисти его рук покрывали какие-то странные пятна наподобие оспин; форма была грязной, выдавшей виды; а доспехи и знаки отличия представляли собой весьма причудливую смесь – наверняка среди них были и иноземные. У бедра висел короткий меч в треснувших деревянных ножнах. Вновь пришедший без всяких церемоний прислонился к мерлону рядом с первым воином: сразу стало ясно, что эти двое – старые приятели.

– Нет хуже, чем когда колдуны пугаются, – заметил он. – Похоже, они там, внизу, совсем голову потеряли. Неужели нам нужен был целый взвод магов, чтобы выкурить парочку свечных ведьм?

Офицер вздохнул:

– Будем надеяться, что чародеи возьмут себя в руки.

– Впрочем, чего ждать от новобранцев? Они там все еще зеленые, необстрелянные, – хмыкнул солдат. – А тут вдруг такое! Боюсь, многих из них это навсегда изуродует. К тому же, – добавил он, – некоторые явно исполняют чужие приказы.

– Это только подозрения, – покачал головой офицер.

– Так вот же они, доказательства, – возразил его собеседник. – Достаточно посмотреть, что творится в Мышатнике.

– Может, и так. А может, и нет.

– Опять ты всех защищаешь? – спросил солдат. – Стерва говорит, что это самая большая твоя слабость.

– Ну, Стерва меня не колышет. Пусть о ней у императора голова болит.

В ответ молоденький солдат снова хмыкнул:

– Ох, как бы в скором времени она не стала головной болью для всех нас!

Командир молча повернулся и внимательно посмотрел на своего сослуживца. Тот пожал плечами:

– Просто чувство такое. Она же новое имя взяла, знаешь? Ласин.

– Ласин?

– Ага. Напанское словечко. Значит...

– Я знаю, как это переводится.

– Надеюсь, император тоже.

– Это означает «хозяин престола», – сказал Ганос. – Ну или «хозяйка».

Военные изумленно уставились на него.

Ветер снова переменился и заставил железного демона на пике стонать – повеяло холодным камнем самого замка.

– Мой учитель – напанец, – объяснил мальчик.

И тут у них за спиной раздался еще один голос – женский, властный и холодный:

– Эй, командир!

Оба воина повернулись, правда без особой спешки.

– Новой роте там, внизу, явно нужна помощь, – сказал своему товарищу офицер. – Пусть Дуджек пойдет туда со своими ребятами да еще и саперов прихватит. Надо остановить пожары: не дело, чтобы весь город выгорел дотла.

Солдат кивнул и зашагал прочь, не удостоив женщину даже взглядом. Она и двое ее телохранителей стояли рядом с дверью квадратной башни цитадели. Темная синеватая кожа выдавала в незнакомке напанку, но в остальном в ней не было ничего примечательного. Балахон покрывали пятна морской соли, бесцветные волосы были по-солдатски коротко острижены, а черты лица казались самыми заурядными. Однако при виде ее телохранителей Ганос вздрогнул. Они стояли по обе стороны от женщины: высокие, затянутые в черное; рукава полностью скрывают кисти, лица прикрыты капюшонами. Ганос никогда раньше не видел когтей, но сразу понял, что перед ним члены этого могущественного ордена. Значит, сама женщина...

– Ну вот, Стерва, опять ты устроила тут бардак, – сказал офицер. – А мне теперь придется расхлебывать.

Ганоса потрясло то, что в его голосе не прозвучало и намек на страх, – он произнес это чуть ли не с вызовом. А ведь именно Стерва создала организацию когтей и сделала их силой, соперничать с которой мог только сам император.

– Вообще-то, командир, меня теперь зовут иначе.

Он поморщился:

– Да, я слышал. Ты, видимо, уверенно чувствуешь себя в отсутствие императора. Хотя не только он один помнит, что в былые времена ты была всего лишь служанкой в Старом квартале. Но я так понимаю, что от некоторых бесполезно ожидать благодарности.

По лицу женщины невозможно было понять, задела ее слова собеседника или нет.

– Задача была совсем простая, – сказала она. – Однако твои новобранцы даже с этим не сумели справиться.

– Ситуация вышла из-под контроля, – ответил офицер. – Они ведь совсем еще неопытные...

– Это не моя забота, – отрезала Стерва. – Однако, может, и к лучшему, что все так обернулось. По крайней мере, те, кто противостоит нам, получили урок.

– «Противостоит»? Не слишком ли громко сказано? Тоже мне, нашла коварных заговорщиков! Горстка слабеньких ведьм, которые торгуют своими посредственными умениями! Они зарабатывают тем, что ищут косяки коравалов на мелководье. Худов дух, вот уж угроза для империи!

– Они делают это без разрешения. Нельзя потакать тем, кто нарушает новые законы...

– Законы, которые придумала ты, Стерва. Ну да ничего, это ненадолго. Как только император вернется, он мигом отменит твой запрет на волшебство, даже не сомневайся.

Женщина холодно улыбнулась:

– Ты будешь рад узнать, что с башни уже сообщили: подходят грузовые суда для твоих новобранцев. Мы тут не станем особо скучать ни по тебе, командир, ни по твоим беспокойным, вечно готовым к бунту солдатам.

Не сказав больше ни слова и даже не взглянув на мальчика, который стоял рядом, она развернулась и снова удалилась в цитадель, сопровождаемая своими безмолвными телохранителями.

Ганос и офицер снова уставились на охваченный беспорядками Мышатник. Сквозь дым пробивались языки огня.

– Когда-нибудь я тоже стану солдатом, – сказал Ганос.

Мужчина хмыкнул:

– Только если потерпишь неудачу во всем остальном, сынок. Взять в руки меч – это последний выход для отчаявшегося человека. Запомни мои слова и найди себе более достойную мечту.

Мальчик нахмурился:

– Вы не похожи на других солдат, с которыми я общался. Говорите в точности как мой отец.

– Но я-то не твой отец, – проворчал его собеседник.

– В мире и так хватает виноторговцев, – заявил Ганос. – Еще один без надобности.

Офицер прищурился и внимательно присмотрелся к нему. Открыл было рот, чтобы ответить, но потом передумал.

А Ганос Паран смотрел вниз, на горящий квартал, и был очень доволен собой.

«Вот так-то, командир! Даже мальчишка может сказать веское слово».

Флюгер снова повернулся. На стену накатился горячий дым и окутал обоих. Теперь к вонючим горящим тряпкам, обожженной краске и раскаленным камням добавился какой-то новый сладковатый запах.

– Скотобойня занялась, – констатировал Ганос. – Эти гады подожгли ее.

Командир скривился. Через некоторое время он вздохнул и снова прислонился к мерлону.

– Ладно, мальчик, решай сам. В конце концов, это твоя жизнь.

Книга первая

Крепь

...Чтобы противостоять наступлению Малазанской империи, на восьмой год войны Вольные города Генабакиса заключили контракты с несколькими армиями наемников; особняком среди них стояли Багровая гвардия под командованием князя К'азза Д'Авора (см. тома III и V), а также полки тисте анди из Семен Луны под командованием Каладана Бруда по прозвищу Воевода.

Возглавляемые верховным кулаком Дуджеком Одноруким силы Малазанской империи в том году состояли из Второй, Пятой и Шестой армий, а также из морантских легионов.

Сейчас, оглядываясь назад, следует отметить два принципиальных момента. Во-первых, заключение союза с морантами в 1156 году оказалось крайне плодотворным и привело к фундаментальным изменениям в военной науке Малазанской империи. Во-вторых, участие в боевых действиях чародеев тисте анди из Семен Луны ознаменовало начало так называемого Магического обстрела, который прокатился по всему континенту и имел самые разрушительные последствия.

В 1163 году Сна Огни осада Крепи завершилась столкновением магов, которое вошло в легенды...

Имригин Таллобант (р. 1151). Имперские войны 1158–1194 годов (том IV, «Генабакис»)

Глава первая

*По древним камням той дороги
грохотали железные
подковы и барабаны.
И видела я, как он поднимался от моря,
меж холмами, багрянцем облитый,
в закат уходящий,
мальчик в звучанье многоголосого эха
шеренги призрачных воинов,
наших братьев и сыновей...
Вот миновал он то место,
где сидела я у дороги
на камне истертом,
в заката последних лучах...*

*Шаги его ясно мне дали понять
все, что хотела узнать о нем
на этой дороге из камня:
вот снова мальчик идет,
солдат, воин с пламенным сердцем,
которое пока еще не обратили
в стылый, жестокий металл...*

Плач матери (автор неизвестен)

1161 год Сна Огни

103 год от основания Малазанской империи

7-й год правления императрицы Ласин

– Не кнутом, так пряником, – бормотала старуха, – но все одно императрица свое возьмет, как и сами боги. – Она отвернулась и сплюнула, а потом поднесла к сморщенным губам грязную тряпку. – Трех мужей да двух сыновей я на войну проводила.

Стоявшая рядом с ней девочка-подросток, дочь рыбака, горящими от возбуждения глазами смотрела на проезжавших мимо кавалеристов и почти не слушала, что там говорит старая карга.

«Ах, какие всадники, какие великолепные кони!»

Дыхание девочки участилось, и она почувствовала, что щеки ее пылают – однако совсем не от жары. День умирал, солнце окрасило багрянцем деревья справа от нее, а ветер с моря приятно охлаждал лицо.

– Это еще во дни императора было, – продолжила старуха, – чтоб его душу Худ на вертеле зажарил! Помяни мое слово, дитя: Ласин еще усеет землю костями. Хе-хе, она и начала-то с его косточек, верно?

Юная рыбацка бездумно кивнула. Как и положено простолюдинам, они ждали у обочины: старуха согнулась под мешком репы, постоянно передвигая его с одного костлявого плеча на другое, а девочка удерживала на голове тяжелую корзину. Спереди дорогу заполонили всадники, а позади них насыпь круто обрывалась, переходя в канаву с осколками камней, так что положить мешок было некуда.

– Говорю тебе: Ласин усеет все вокруг костями. Уж она их вволю поразбрасывает – косточки мужей и сыновей, жен да дочерей. Ей все равно. Империи все равно. – Старуха снова сплюнула. – Три мужа и два сына, по десять монет за голову каждого. Пятью десять, всего получается пятьдесят. Пятьдесят монет в год, – нечего сказать, щедрая плата за одиночество! Холодная зима да холодная постель. Вот так-то, дитя...

Девочка вытерла пыль со лба. Взгляд ее ясных глаз метался между проезжавшими солдатами. Юноши в высоких седлах, сохраняя суровый вид, смотрели строго перед собой. Немногочисленные женщины скакали с удивительно прямыми спинами и казались даже еще более неприступными, чем мужчины. Закатные лучи так блестели на шлемах, что у девочки заболели глаза и затуманилось зрение.

– Ты – дочь рыбака, – заявила старуха. – Я тебя видала на дороге и на берегу. Встречала вас с отцом на рынке. Он руку потерял, так ведь? Тоже подкинул косточек Ласин... – Она рубанула ладонью воздух, а потом кивнула. – Я живу в крайнем от дороги доме. Это уставший дом, и в нем полно уставших вещей, да и сама я им под стать. Я покупаю на свои монеты свечи. Пять свечей зажигаю каждый вечер – это все, что осталось у старой Ригги. А что это у тебя в корзинке?

Девочка не сразу поняла, что вопрос обращен к ней. Она неохотно отвлеклась от созерцания кавалерии и улыбнулась старухе:

– Извините, копыта так стучат. Я не расслышала, что вы сказали?

– Я спрашиваю, что у тебя в корзинке, дитя? – повторила Ригга уже громче.

– Бечева. На три сети хватит. Нам одну надо сделать к завтрашнему дню. А то папа последнюю в море потерял: какая-то рыба утащила на глубину. Ильгранд-ростовщик требует деньги, которые дал нам в долг, так что завтра непременно надо что-нибудь поймать. И хорошо бы побольше.

Девочка еще раз улыбнулась, снова перевела взгляд на солдат и вздохнула:

– Красиво, правда?

Рука Ригги быстро метнулась вперед и, ухватившись за черные волосы, молодые и густые, сильно их дернула. Юная рыбачка вскрикнула. Корзина у нее на голове зашаталась, а потом соскользнула на плечо. Девочка лихорадочно пыталась ее удержать, но корзина была слишком тяжелой – она ударилась о землю и треснула.

– Ой-ой-ой! – запричитала бедняжка и попыталась опуститься на колени, но Ригга снова потянула ее за волосы и повернула к себе.

– Слушай меня, дитя! – Кисловатое старческое дыхание ударило девочке в лицо. – Вот уже сто лет Малазанская империя грызет эту землю. Ты-то уже родилась в империи, а я – нет. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, Итко-Кан был вольной страной, со своим собственным флагом. Мы были свободны, красавица.

От зловонного дыхания старухи юную рыбачку замутило. Она плотно зажмурила глаза.

– Запомни эту истину, дитя, иначе покров лжи ослепит тебя навеки. – Голос Ригги стал тягучим и монотонным, и девочка вдруг окоченела.

«Ригга, Риггала-провидица, свечная ведьма, которая ловит души в свечи и сжигает их. Души горят в огне».

А старуха все не успокаивалась, и в словах ее звучали ледяные нотки пророчества:

– Запомни эту истину. Я последняя, кто говорит тебе правду. А ты последняя, кто меня слушает. Потому мы связаны – ты и я. Да так, что и не разорвешь. – Пальцы Ригги крепче вцепились в волосы девочки. – За морем императрица вонзила свой нож в девственную землю. Теперь кровь вздымается, словно прилив, и он унесет тебя, дитя, если ты не будешь осторожной. Тебе вручат меч, дадут славного коня и пошлют за море. Но тень окутает твою душу. Слушай внимательно! Глубоко внутри схорони эти слова! Ригга сбережет тебя, потому что мы связаны, ты и я. Но это все, что я могу сделать, понимаешь? Узри владыку, повелевающего Тьмой; это его рука освободит тебя, хотя сам он об этом и не узнает...

– Ты что это такое тут вытворяешь? – прогремел вдруг рядом чей-то голос.

Ригга резко обернулась к дороге. Один из кавалеристов осадил коня. Провидица отпустила волосы девочки. Та попятилась, запнулась о камень на обочине и упала. Когда она подняла глаза, всадник уже проскакал мимо. Вслед за ним прогрехотал второй.

– А ну отстань от милашки, старая карга! – прорычал какой-то солдат, проезжая мимо, наклонился в седле и взмахнул закованной в латную перчатку рукой.

Покрытая железной чешуей перчатка с хрустом врезалась в голову Ригги, да так, что от удара женщину развернуло на месте. Старуха упала.

Ригга рухнула буквально на колени девочке, и та в ужасе закричала. Нить алой слюны брызнула ей на лицо. Всклипывая, бедняжка отползла по камням прочь и ногами оттолкнула тело ведьмы. Затем встала на четвереньки.

Что-то из пророчества Ригги глубоко засело в голове юной рыбачки – что-то тяжелое, как камень, и скрытое от света. Она вдруг поняла, что не может вспомнить ни слова из того, что сказала ей провидица. Девочка протянула руку и, схватив шерстяную шаль Ригги, осторожно перевернула старуху. С одной стороны голова ее была вымазана кровью, стекавшей из-за уха. А еще кровь залила морщинистый подбородок и выступила на губах. Глаза слепо смотрели вдаль.

Девочка отшатнулась, не в силах даже вздохнуть. Она в отчаянии огляделась вокруг. Колонна солдат проехала мимо, оставив за собой только пыль и далекий стук копыт. Репа из мешка Ригги высыпалась на дорогу. Среди растоптанных овощей лежали пять восковых свечек. Девочка наконец сумела с трудом глотнуть пыльного воздуха. Вытирая нос, она посмотрела на свою корзину.

– Забудь про свечи, – пробормотала девочка каким-то глухим, странным голосом. – Их уж не вернуть, так ведь? Костью больше, костью меньше. Забудь. – Она подползла к моткам бечевы, которые выпали из треснувшей корзины, и, когда заговорила, голос ее снова стал моло-

дым. – Нам бечева нужна. Всю ночь будем работать, новую сеть сделаем. Папа ждет. Он стоит сейчас у двери, на дорогу глядит, все меня высматривает.

Она остановилась, и ее тело сотрясла дрожь. Солнечный свет уже почти померк. Странный холод сочился из теней, которые теперь текли по дороге, словно вода.

– Вот и все, – тихо прохрипела дочь рыбака чужим голосом.

На ее плечо опустилась рука в мягкой перчатке, и девочка в ужасе пригнулась.

– Успокойся, малышка, – произнес мужской голос. – Все кончено. Ей уже ничем не поможешь.

Девочка подняла глаза. Над ней склонился какой-то одетый в черное человек, лицо его скрывала тень от низко надвинутого капюшона.

– Это солдат ее ударил, – сказала девочка детским голосом. – А мне домой надо – будем с папой сети плести...

– Давай-ка для начала я помогу тебе встать, – ответил мужчина и подхватил ее под мышки.

Незнакомец выпрямился и играючи поднял девочку, да так, что, прежде чем он поставил ее на землю, ножки в сандалиях некоторое время болтались в воздухе. Теперь она увидела второго человека – значительно ниже ростом, но тоже в черном. Тот стоял на дороге и смотрел вслед кавалеристам.

– Эта жизнь немногого стоила, – не оборачиваясь, произнес он голосом тонким, как у камышовой дудочки. – Жалкая щепотка таланта, да и то дар уж едва теплился. Хотя, возможно, она и была способна на большее, но теперь мы этого уже не узнаем, верно?

Дочь рыбака нетвердой походкой подошла к мешку Ригги и подняла свечу. Затем выпрямилась, взгляд ее вдруг стал тяжелым, и девочка демонстративно сплюнула на дорогу.

Голова второго мужчины резко обернулась к ней. Под его капюшоном, казалось, были одни только тени. Девочка отшатнулась.

– Это была достойная жизнь, – прошептала она. – У Ригги были эти свечи, видите? Целых пять. Пять свечей для...

– Некромантии, – договорил низкорослый.

Высокий, который все еще стоял рядом с девочкой, тихо сказал:

– Да, дитя, вижу. И понимаю, что они значат.

Его спутник фыркнул:

– Пять слабых, безвольных душ, собранных ведьмой. Большое дело. – Он склонил голову набок. – Я их слышу. Они зовут ее.

Слезы навернулись рыбачке на глаза. Казалось, бессловесная боль истекает из какого-то черного камня в ее сознании. Она вытерла щеки и вдруг спросила:

– Откуда вы взяли? Мы вас не видели.

Первый незнакомец чуть развернулся к покрытой гравием дороге.

– Были там, на другой стороне, – ответил он с улыбкой. – Ждали, как и вы.

Второй мужчина хихикнул:

– Вот уж точно – на другой стороне. – Он снова обернулся и вскинул руки.

Девочка ахнула, когда вдруг резко опустилась тьма. На секунду воздух разорвал громкий треск, а потом тьма рассеялась, и рыбачка изумленно раскрыла глаза.

Теперь вокруг человека на дороге сидели семь крупных гончих. Глаза зверей светились желтоватым светом, и все были устремлены в ту же сторону, что и глаза странного незнакомца. Девочка услышала, как тот прошипел:

– Не терпится, да? Тогда вперед!

Псы бесшумно помчались по дороге. Их повелитель повернулся и обратился к своему товарищу:

– Теперь Ласин будет о чем подумать. – Он снова хихикнул.

– Зачем ты все усложняешь? – устало ответил второй мужчина. – Может, не стоит? Коротышка словно окаменел.

– Поздно. Они уже видят колонну. – Он склонил голову набок. Издалека донеслось отчаянное ржание. Он вздохнул. – Ты уже принял решение, Котильон?

Его собеседник иронически хмыкнул:

– Ты только что назвал меня по имени, Амманас, а значит, все решил за меня. Не можем же мы теперь оставить ее здесь.

– Разумеется, можем, мой старый друг. Но только бездыханной.

Котильон посмотрел на девочку.

– Нет, – тихо возразил он, – она нам вполне подойдет.

Девочка закусила губу. И, продолжая крепко сжимать свечу Ригги, сделала еще один шаг назад, испуганно переводя взгляд с одного человека на другого.

– Жаль, – заметил Амманас.

Котильон чуть заметно кивнул, после чего откашлялся.

– Потребуется время, – сказал он.

Похоже, Амманаса это позабавило.

– А есть ли у нас время? Настоящая месть требует, чтобы жертву выслеживали долго и тщательно. Ты ведь не забыл, какую боль она причинила нам однажды? Ласин и так уже прижали к стене. Она может пасть и без нашей помощи. Ну и какая от этого радость?

Котильон отозвался сухо и холодно:

– Ты всегда недооценивал императрицу. Поэтому мы и оказались в таком вот положении... Нет, – он указал на девочку, – она нам понадобится. Ласин вызвала гнев Семени Луны, разворошила осиное гнездо. Время выбрано идеально.

За ржанием лошадей послышались приглушенные крики, вонзившиеся в самое сердце девочки. Ее взгляд метнулся к неподвижному телу Ригги у обочины, а потом обратно к Амманасу, который медленно к ней приближался. Бедняжка хотела было кинуться прочь, но ноги вдруг ослабли и задрожали. Мужчина подошел вплотную и, казалось, внимательно изучал ее, хотя тени под капюшоном оставались непроницаемыми.

– Ты дочь рыбака? – участливо спросил он.

Она кивнула.

– А имя у тебя есть?

– Довольно, Амманас! – зарычал Котильон. – Не хватало еще играть в кошки-мышки. Поскольку это я ее выбрал, то и имя тоже дам ей сам.

Амманас сделал шаг назад.

– Жаль, – снова сказал он.

Девочка умоляюще подняла руки.

– Пожалуйста, – взмолилась она, обращаясь к Котильону. – Я же ничего не сделала! Мой отец – бедный человек, но он отдаст вам все деньги, какие у нас есть. Я ему нужна, и бечева тоже – он ведь ждет! – Она почувствовала, что между ног вдруг стало мокро, и быстро села на землю. – Я ничего не сделала! – Мучительный стыд обжег девочку, и она, сложив руки, вся сжалась. – Прошу вас!

– У меня нет выбора, дитя, – ответил Котильон. – Ты знаешь наши имена.

– Но я их никогда прежде даже не слышала! – воскликнула девочка.

Он вздохнул:

– После того, что сейчас происходит там, на дороге, тебя непременно допросят. С пристрастием. Есть те, кому наши имена хорошо известны.

– Видишь ли, девочка, – добавил Амманас, подавив смешок, – нас здесь быть не должно. Имена именам рознь. – Он обернулся к Котильону и уже ледяным тоном добавил: – С ее отцом тоже нужно бы разобраться. Послать гончих?

– Нет, – ответил Котильон. – Пусть живет.

– И как же тогда поступим?

– Полагаю, – произнес Котильон, – если предложить хорошее вознаграждение, алчность возьмет свое. – А в следующей его реплике отчетливо прозвучал сарказм. – Уж такое-то чародейство тебе под силу, не так ли?

Амманас хихикнул:

– Бойтесь теней, дары приносящих.

Котильон снова повернулся к девочке. Он широко развел руки. Тени, которые прежде скрывали лицо мужчины, теперь заструились по его телу.

Амманас заговорил, и рыбачке показалось, что его слова звучат откуда-то издалека.

– Она нам идеально подходит. Императрица никогда не сможет ее выследить, Ласин это даже в голову не придет. – Он возвысил голос: – Не так уж это и плохо, дитя, – быть пешкой бога.

– Не кнутом, так пряником, – быстро пробормотала дочь рыбака.

Котильон на миг удивился этому странному заявлению, но потом лишь пожал плечами. Тени рванулись вперед и окутали девочку. От их холодного касания сознание ее рухнуло куда-то вниз, во тьму. Последним ощущением был мягкий воск свечи в правой руке, который словно бы проступил между ее сжатыми в кулак пальцами.

* * *

Капитан поерзал в седле и бросил взгляд на женщину, которая ехала рядом.

– Мы перекрыли дорогу с обеих сторон, госпожа адъюнктесса. Всех направляем обходным путем, подальше от моря. Так что слухи исключены: не беспокойтесь, ни слова не просочится.

Офицер промокнул пот на лбу и поморщился. В шерстяном подшлемнике было жарко, да еще он вдобавок натер лоб.

– Что-то не так, капитан?

Он покачал головой, глядя на дорогу:

– Шлем болтается. Когда я в последний раз его надевал, волос у меня было побольше.

Адъюнктесса императрицы ничего не ответила.

В ярких лучах утреннего солнца белое пыльное полотно дороги ослепительно блестело. Капитан чувствовал, как по телу его стекает пот, а бармица шлема цепляется за волоски на шее. У него уже ныла поясница. Капитан вот уже много лет не садился на коня и успел порядком отвыкнуть от верховой езды. При каждом шаге лошади позвонки неприятно похрустывали.

Времена, когда он при виде любого, кто был выше его по званию, моментально вытягивался в струнку, давно миновали. Но эта женщина как-никак являлась адъюнктессой императрицы, личной посланницей Ласин, исполнительницей ее воли. Меньше всего капитану хотелось выказать слабость перед этой дамочкой, молодой и опасной.

Впереди дорога начинала петлять и уходила вверх. Слева дул солоноватый ветер, посвистывая между покрытыми свежими почками деревьями, что росли с этой стороны дороги. После полудня ветер станет горячим, как печка, и вместе с отливом поднимет вонь с полосы прибоя. Солнечный жар принесет и кое-что другое. Капитан надеялся, что к этому моменту он уже вернется в Кан.

Старый вояка пытался не думать о том месте, куда они направлялись. Пусть у его начальницы голова об этом болит. За годы службы Малазанской империи он научился понимать, когда следует перестать думать. И сейчас был именно такой момент.

– Давно тут служите, капитан? – заговорила адъюнктесса.

– Так точно, – проворчал он.

Женщина чуть подождала, а затем уточнила:

– Как давно?

Он замялся:

– Тринадцать лет, госпожа адъюнктесса.

– Значит, еще за императора сражались, – сказала она.

– Так точно.

– И благополучно пережили чистку.

Капитан покосился на свою спутницу. Если женщина и почувствовала его взгляд, то ничем этого не показала. Готовая к бою верхом, она продолжала смотреть на дорогу, легко покачиваясь в седле, слева у нее висел длинный меч в ножнах. Волосы адъюнктессы были либо коротко подстрижены, либо собраны под шлемом. И фигурка грациозная, подумал капитан.

– Что вы на меня уставились? – продолжила адъюнктесса. – Не понимаете, о чем я говорю? Я спрашиваю про чистку, которую проводила императрица Ласин после безвременной кончины своего предшественника.

Капитан скрипнул зубами и опустил подбородок, чтобы натянуть ремешок шлема, – он не успел побриться, и пряжка натерла кожу.

– Ну, положим, убивали далеко не всех. Жителей Итко-Кана не так-то легко расшевелить. Тут у нас обошлось без восстаний и без массовых казней, не то что в других частях империи. Мы просто сидели и выжидали.

– Я так понимаю, – с легкой улыбкой заметила адъюнктесса, – что вы не благородных кровей, капитан.

Он хмыкнул:

– Ну, будь я аристократом, не выжил бы даже тут, в Итко-Кане. Мы оба прекрасно это знаем. Приказания императрицы были предельно четкими, даже канские шуты не посмели бы ослушаться. – Капитан нахмурился. – Так что вы угадали, госпожа адъюнктесса, я и впрямь выслужился из рядовых.

– А в каком последнем сражении вы участвовали?

– На Виканских равнинах.

Долгое время они ехали молча, минуя то одного, то другого солдата на дороге. По левую руку деревья уступили место вересковой пустоши, за которой виднелись белые гребни морских волн.

– Скольких стражников вы поставили на охрану оцепленной территории? – снова заговорила адъюнктесса.

– Одиннадцать сотен, – ответил капитан.

Она повернула к нему голову, взгляд холодных глаз из-под шлема стал жестче. Капитан изучил выражение ее лица. И пояснил:

– Побоище тянется на пол-лиги от моря, госпожа адъюнктесса, и еще четверть лиги по берегу.

Женщина промолчала.

Они подъехали к вершине. Там столпились десятка два солдат, остальные ждали на склоне. Все обернулись к всадникам.

– Лучше приготовьтесь заранее, госпожа адъюнктесса. Зрелище еще то.

Женщина изучала лица солдат, стоявших у обочины. Она знала, что это закаленные в боях мужчины и женщины, ветераны осады Ли-Хена и Виканских войн на северных равнинах. Но тут они увидели нечто такое, что сделало их слабыми и уязвимыми. Солдаты смотрели на посланницу Ласин с таким вниманием, что ей стало не по себе, они словно бы жаждали получить ответ. Адъюнктесса подавила желание заговорить с ними, проезжая мимо. Может, следовало бы хоть как-то успокоить людей? Но она никогда не обладала даром утешения. В этом они с императрицей были похожи.

Откуда-то с той стороны гребня раздавались крики чаек и ворон, их гомон слился в несмолкаемый гул, когда всадники достигли вершины. Не обращая на солдат внимания, адъютантесса направила коня вперед. Капитан последовал за ней. Они поднялись на гребень и посмотрели вниз. Дорога здесь опускалась примерно на одну пятую часть лиги, а потом снова поднималась по склону прибрежного холма.

Землю укрывали тысячи чаек и ворон, копошившихся в канавах и среди зарослей низкого вереска и дрока. Под этим подвижным черно-белым морем вся земля была равномерно багрово-алой. То тут, то там выпирали ребристые туши лошадей, а между пронзительно кричащими птицами угадывался блеск железа.

Капитан расстегнул ремешок, медленно снял с головы шлем и поставил его на лук седла.

– Госпожа адъютантесса...

– Меня зовут Лорн, – тихо сказала женщина.

– Сто семьдесят пять мужчин и женщин. Двести десять лошадей. Девятнадцатый полк Итко-Канской Восьмой кавалерийской дивизии. – На миг у капитана перехватило дыхание. Он посмотрел на Лорн. – Погибли все, без исключения. – Конь почуял запах мертвечины и заплясал под ним. Капитан резко натянул поводья, и животное задрожало и замерло, прижав уши и широко раздувая ноздри, все его мускулы напряглись. Жеребец адъютантессы даже не шелохнулся. – Все успели обнажить оружие и дрались с неведомым врагом. Однако все погибли, не убив при этом ни одного из нападавших. Загадочная история.

– Берег внизу осмотрели? – спросила Лорн, по-прежнему глядя на дорогу.

– Никаких следов высадки, – ответил капитан. – Вообще нигде никаких следов – ни у моря, ни на суше. Трупов на самом деле больше, госпожа адъютантесса. Фермеры, крестьяне, рыбаки, просто путники на дороге. Всех разорвали на куски – детей, собак, скот. – Он вдруг замолк и отвернулся. – В общей сложности больше четырехсот погибших, – хрипло проговорил он. – Точное число так и не установили.

– Понятно, – произнесла Лорн лишенным эмоций голосом. – Свидетели есть?

– Ни одного.

По дороге к ним приближался молодой всадник. Он пригнулся к холке, успокаивая своего коня, которому предстояло пройти через побоище. Птицы с возмущенными воплями взлетали перед юношей, но стоило ему проехать, как они сразу же снова усаживались на трупы.

– Кто это? – спросила адъютантесса.

– Лейтенант Ганос Паран, – проворчал капитан. – Недавно к нам переведен. Из Унты.

Лорн прищурилась и посмотрела на всадника. Он добрался до края долины и остановился, чтобы отдать приказание солдатам, расчищавшим дорогу, а потом выпрямился в седле и бросил взгляд в их сторону.

– Паран. Из дома Паранов?

– Так точно. Благородных кровей парень, и все такое.

– Позовите его сюда.

Капитан взмахнул рукой, и Паран прищпорил лошадь. Вскоре он осадил ее рядом с командиром и отдал ему честь.

Сам лейтенант и его конь с ног до головы были покрыты кровью и ошметками плоти. Вокруг жадно кружили мухи и осы. Вблизи лейтенант Паран оказался постарше, чем думала Лорн. И в любом случае лицо у него было красивое и мужественное.

– Были на той стороне, лейтенант? – спросил капитан.

Паран кивнул:

– Так точно, был. Там, внизу, есть рыбацкая деревушка. Около дюжины хибар. Трупы обнаружены во всех, кроме двух. Все лодки вроде как на причале, хотя, может, и не хватает парочки.

– Опишите пустующие дома, лейтенант, – вмешалась Лорн.

Он отмахнулся от обезумевшей осы.

– Первая хижина находится далеко от берега, почти у самой дороги. Мы думаем, госпожа адьюнктесса, что там жила старуха, тело которой нашли на обочине примерно в полулиге к югу отсюда.

– Основания?

– Вещи в доме явно принадлежат одинокой пожилой женщине. К тому же она там часто жгла свечи. Восковые. У старухи на дороге были обнаружены мешок с репой и несколько восковых свечей. В этих краях они дорого стоят.

– Сколько раз вы уже проехали по этому полю, лейтенант? – спросила Лорн.

– Достаточно, чтобы привыкнуть, госпожа адьюнктесса, – скривился тот.

– Хорошо. А что во втором доме?

– Мы полагаем, там жил рыбак с дочерью-подростком. Хибара стоит на самом берегу, напротив причала.

– Оба бесследно исчезли?

– Да, госпожа адьюнктесса. Но мы до сих пор обнаруживаем новые тела в полях рядом с дорогой.

– Однако не на берегу?

– Никак нет, не на берегу.

Адьюнктесса нахмурилась, недовольная тем, что мужчины выжидающе смотрят на нее.

– Капитан, а каким оружием убили ваших солдат?

Капитан замялся, а потом перевел взгляд на лейтенанта:

– Вы там все облазили, Паран. Выскажите свое мнение.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Паран и натянуто улыбнулся. – Естественным оружием.

Капитан почувствовал в животе холод. Он очень надеялся, что ошибается.

– Как это понимать? – изумилась Лорн. – В каком смысле – естественным?

– Ну, в основном клыками, – пояснил молодой человек. – Очень крупными и чрезвычайно острыми.

Капитан откашлялся:

– Волков в Итко-Кане не было уже лет сто. В любом случае их трупов нигде не обнаружено...

– Если это были волки, – сказал Паран, глядя на море, – то размером с мулов. Однако не обнаружено вообще никаких следов, госпожа адьюнктесса. Ни одного клочка шерсти.

– Значит, не волки, – заключила Лорн.

Паран пожал плечами.

Женщина набрала полную грудь воздуха, на некоторое время задержала его, а потом медленно выдохнула.

– Я хочу осмотреть рыбацкую деревню.

Капитан уже приготовился надеть шлем, но адьюнктесса покачала головой:

– Вполне достаточно, если меня будет сопровождать лейтенант Паран. А вы, капитан, лучше займитесь ликвидацией последствий. Тела нужно убрать как можно скорее. Все свидетельства бойни – тщательно уничтожить.

– Будет исполнено, госпожа адьюнктесса, – ответил капитан, надеясь, что сумел скрыть облегчение.

Лорн обернулась к молодому дворянину:

– Ну что, лейтенант, вперед?

Он кивнул и развернул коня.

* * *

Когда птицы разлетелись с их пути, адьюнктесса невольно позавидовала капитану, который ехал первым. Перепуганные падальщики обнажили перед нею зловещий ковер из сломанного оружия, осколков костей и ошметков плоти. Воздух был горячим, липким, тошнотворным. Она видела солдат, головы которых, несмотря на шлемы, раздавили чьи-то гигантские, невероятно сильные челюсти. Видела разорванные кольчуги, треснувшие щиты и оторванные от тел конечности. Лорн не смогла заставить себя долго осматривать трупы и, пытаясь осмыслить масштаб этого страшного побоища, перевела взгляд на мыс впереди. Ее жеребец, родом из лучшей конюшни Семиградья, потомок многих поколений приученных к крови боевых коней, сбился со своего гордого шага и теперь осторожно выбирал путь среди мертвых тел.

Лорн поняла, что ей нужно отвлечься, и решила занять себя разговором:

– Вы уже получили назначение, лейтенант?

– Нет, госпожа адьюнктесса. Но я рассчитываю служить в столице.

Она приподняла бровь:

– Да ну? И как же вы собираетесь этого добиться?

Паран прищурился и невесело улыбнулся:

– Все устроится наилучшим образом.

– Ясно. – Лорн замолчала. – Отпрыски благородных семейств уже давно не пытаются делать карьеру в армии и держатся тише воды ниже травы, не так ли?

– Это верно. Покойный император с самого начала не питал к нам особой любви. Да и императрица Ласин недалеко от него в этом ушла.

Лорн внимательно посмотрела на спутника.

– Вижу, вы любите рисковать, лейтенант, – сказала она. – И как вам только хватает дерзости поддразнивать посланницу самой императрицы? Вы играете с огнем.

– Я всего лишь говорю правду.

– Как же вы молоды...

Эти слова, похоже, задели Парана за живое. Его гладко выбритые щеки покраснели.

– Госпожа адьюнктесса, я целых семь часов бродил по полю по колено в крови. Я отгонял от трупов ворон и чаек – рассказать вам, чем эти птицы тут занимаются? Вы и правда хотите это знать? Отрывают куски плоти и дерутся за них, пируют, наслаждаясь глазными яблоками и языками, клюют печень и сердце. Угощения тут в изобилии, и они просто разбрасывают мясо во все стороны... – Паран замолчал, с трудом взял себя в руки и выпрямился в седле. – Я больше не молод, госпожа адьюнктесса. Если вы сочли меня излишне дерзким, то мне все равно. Я предпочитаю правду, а не все эти реверансы и расшаркивания.

Они добрались до дальнего склона. Слева узкая тропинка спускалась к морю. Паран указал на нее и направил туда коня.

Лорн последовала за ним, задумчиво взглянула на широкую спину лейтенанта, а затем осмотрела окрестности. Узкая тропа огибала крутой выступ мыса. С одной стороны открывался обрыв, в шестидесяти футах внизу виднелось каменистое дно. Настало время отлива, и волны разбивались о рифы в сотне ярдов от берега. Черные провалы и трещины были наполнены водой, которая тускло блестела под затянутым тучами небом.

Тропа повернула, и они увидели внизу пляж, раскинувшийся полумесяцем. Над ним, у подножия мыса, простирался широкий, поросший травой уступ, на котором сгрудилась дюжина лачуг.

Женщина взглянула в сторону моря. Рыбачьи шаланды покачивались у причала, пусто-вало лишь одно-единственное место. Птиц поблизости видно не было, да это и понятно.

Адьюнктесса придержала коня. Паран оглянулся и тоже остановился. Он заметил, что его спутница сняла шлем и встряхнула длинными рыжеватыми, мокрыми от пота волосами. Лейтенант развернул коня, подъехал поближе и вопросительно взглянул на нее.

– Хорошо сказано, лейтенант Паран. Люблю прямолинейных людей. – Лорн глубоко вдохнула солоноватый морской воздух, а потом посмотрела юноше в глаза. – Но боюсь, назначения в Унту вам не видать. Отныне вы переходите в мое подчинение.

Он слегка прищурился:

– Что случилось с этими солдатами, госпожа адьюнктесса?

Она ответила не сразу, откинулась в седле и уставилась на далекое море.

– Здесь побывал некий очень могущественный чародей. Трудно сказать, что он затеял, но, полагаю, это все лишь отвлекающий маневр, чтобы мы не догадались об истинной его цели.

Паран от удивления разинул рот.

– Смерть четырехсот людей – это отвлекающий маневр?

– Если бы тот рыбак с дочерью ушли в море, то они бы вернулись с отливом.

– Но...

– Вы не найдете их тел, лейтенант.

Паран был сбит с толку.

– И что теперь?

Лорн развернула коня.

– Возвращаемся.

– И это все? – Юноша ошеломленно посмотрел на нее, а затем поскакал следом. – Погодите, госпожа адьюнктесса, – сказал Паран, поравнявшись с нею.

Женщина бросила на него предостерегающий взгляд.

Лейтенант покачал головой:

– Нет, так не пойдет. Если вы берете меня к себе на службу, я должен знать больше о том, что происходит.

Она снова надела шлем и туго затянула ремешок под подбородком. Длинные волосы слипшимися космами свисали поверх плаща с имперской символикой.

– Хорошо, я объясню. Как вы знаете, лейтенант, я не чародейка...

– Это точно, – с холодной ухмылкой заметил Паран. – Вы просто находите магов и уничтожаете их.

– Не перебивайте. Да, я действительно занимаюсь истреблением колдунов. А это значит, лейтенант, что хотя сама я и не практикую магию, однако имею к ней отношение. В некотором роде. Я разбираюсь в чародействе, знаю, как оно работает, и представляю, как мыслят те, кто его использует. Предполагалось, что мы сочтем, будто эта резня была случайной и якобы тут уничтожали всех подряд, без разбору. Но и то, и другое неправда. Тут наверняка есть ниточка, потянув за которую можно добраться до истины, и мы должны ее найти. Понимаете?

Паран медленно кивнул.

– Вот вам и первое задание, лейтенант, – отправляйтесь в ближайший торговый городок, в... как он там называется?

– Герром.

– Да, в Герром. Местные жители наверняка знали жителей этой деревушки, поскольку покупали у них улов. Расспросите всех, выясните, какая рыбацкая семья состояла из отца и дочери. Добудьте их имена и описание внешности. Если местные начнут упираться, примените силу.

– Это не понадобится, – сказал Паран. – Канцы с готовностью идут на сотрудничество.

Они поднялись по тропе и остановились на дороге. Внизу среди тел медленно катились повозки, волы мычали и били по земле окровавленными копытами. Солдаты громко кричали,

и у них над головой вились тысячи птиц. В воздухе пахло паникой. На дальнем конце долины стоял капитан, шлем висел на ремешке у него на локте.

Адьюнктесса некоторое время смотрела на долину суровым взглядом.

– Вы уж постарайтесь, лейтенант, – сказала она, – сделайте это ради них.

* * *

Глядя, как приближаются двое всадников, капитан почему-то понял, что для него спокойные дни службы в Итко-Кане сочтены. Шлем на руке вдруг показался ему очень тяжелым. Капитан впился глазами в Парана.

«А все этот хлыщ-дворянчик виноват. Похоже, сотни нитей тянут его шаг за шагом к тепленькому местечку в каком-нибудь мирном городке».

Когда всадники поднялись на гребень, капитан заметил, что Лорн внимательно на него смотрит:

– У меня к вам просьба.

Старый вояка хмыкнул.

«Просьба, как же! Знаем мы эти просьбы. С тобой, голубушка, надо держать ухо востро».

– Конечно, госпожа адьюнктесса. Сделаю все, что в моих силах.

Женщина спешила, как и Паран. Выражение лица лейтенанта было бесстрастным.

«Что это – заносчивость, или же она подкинула ему какой-то повод для размышлений?»

– Капитан, – начала Лорн, – насколько я знаю, в Кане сейчас идет набор рекрутов. Скажите, вы берете людей из сельской местности?

– В армию? Само собой. Горожане туда не шибко рвутся: им есть что терять. К тому же до них дурные вести доходят быстрее. Ну а крестьяне по большей части еще и не слышали, что в Генабакисе все провалилось в тартарары. Да и вообще, уж больно городские жители изнеженные, вечно ноют. А позвольте поинтересоваться, госпожа адьюнктесса, почему вы спрашиваете?

– Позволяю. – Лорн отвернулась и сейчас наблюдала, как солдаты расчищают дорогу. – Мне нужен список новобранцев. За последние два дня. Горожане меня не интересуют. Только сельские жители, женщины и старики.

Капитан снова хмыкнул.

– Тогда это будет совсем коротенький список, госпожа адьюнктесса.

– Очень надеюсь.

– Вы выяснили, что за всем этим стоит?

– Понятия не имею, – ответила Лорн, по-прежнему следившая за тем, что происходит на дороге.

«Ну-ну, – подумал капитан, – так я тебе и поверил».

– Очень жаль, – проворчал он.

– Кстати, – женщина обернулась к нему, – лейтенант Паран отныне переходит под мое командование. Извольте подготовить соответствующие документы.

– Как прикажете. Обожаю возиться с бумагами, – рискнул пошутить капитан.

Этим он заслужил со стороны адьюнктессы улыбку, впрочем совсем мимолетную.

– Лейтенант Паран уезжает. Прямо сейчас.

Капитан посмотрел на молодого дворянина и сочувственно усмехнулся.

«Служить адьюнктессе – все равно что быть червяком на крючке. А за леску будет дергать сама императрица. Да уж, парню не позавидуешь. Ох уж он и поизвивается!»

Паран, судя по мрачному выражению лица, и сам был не в восторге от подобной перспективы.

– Выполняйте мой приказ, лейтенант, – обратилась к нему Лорн.

– Слушаюсь. – Юноша снова забрался в седло, отдал честь и ускакал прочь по дороге. Капитан посмотрел ему вслед, а потом уточнил:

– Что-то еще, госпожа адъютантесса?

– Да.

Ее тон заставил его обернуться.

– Я бы хотела услышать мнение бывалого солдата насчет присутствия отпрысков благородных семей в высшем имперском командовании.

Капитан внимательно посмотрел на нее:

– Боюсь, вам это не понравится, госпожа адъютантесса.

– Ничего, говорите.

И капитан заговорил.

* * *

Шел восьмой день набора в армию, и старший сержант Араган сидел за столом, осоловело глядя на очередного молокососа, которого вытолкнул вперед капрал. Тут, в Кане, им, в общем-то, повезло. Рыбачить лучше всего в тихом омуте, как сказала здешняя военная наместница, кулак Кана. Местные знают о войне лишь понаслышке. Ну а рассказы – штука безобидная. От них кровь не течет, с голоду не пухнешь и мозоли себе не натираешь. Если ты молод, полон сил и тебе надоело выгребать в свином хлеву навоз, то, наслушавшись всяких баек, поневоле согласишься, что никакое оружие в мире тебе не страшно, и сам захочешь оказаться героем этих рассказов.

Ох, права старуха. Впрочем, она всегда права.

«Погодите, ребята, – подумал Араган, – жизнь еще преподаст вам урок. Вот увидите, как оно все обстоит на самом деле, и сразу захотите обратно в свою деревню».

День выдался плохой: местный капитан сорвался с места, прихватив с собой три роты, но куда и зачем – никто понятия не имел. И, будто этого мало, не прошло и десяти минут, как прямо из Унты явилась адъютантесса императрицы – наверняка через один из этих проклятых магических Путей. Хотя сам Араган никогда и не видел Лорн, одного имени этой женщины было достаточно, чтобы он задрожал и покрылся холодным потом на горячем сухом ветру. Убийца магов, этакий ядовитый скорпион в кармане Малазанской империи.

Араган уставился в бумаги на столе и подождал, пока капрал откашляется. Потом поднял глаза.

Увидев очередного рекрута, старший сержант опешил. Хотел даже разразиться тирадой, специально придуманной для того, чтобы гнать взащей малышню, однако уже в следующую секунду передумал и ничего не сказал. Кулак Кана выразилась вполне ясно: если у рекрута есть две руки, две ноги и голова на плечах – берите. В Генабакисе сейчас такое творится, что постоянно нужно свежее пушечное мясо.

Он ухмыльнулся, глядя на девочку. Она точно соответствовала требованиям кулака. И все же...

– Послушай, дитя, ты хоть представляешь себе, что такое служить в армии?

Девочка кивнула. Она смотрела на Арагана сосредоточенным и холодным взглядом.

Лицо вербовщика помрачнело.

«Проклятие, ей же лет двенадцать-тринадцать, не больше. А если бы это была моя дочь?... И почему у нее глаза кажутся такими старыми?»

В последний раз он видел нечто подобное у Моттского леса, в Генабакисе: они шли по сельской местности, опустошенной пятилетней засухой и десятью годами войны. Такой взгляд бывает у тех, кто пережил голод и видел смерть. Он нахмурился:

– Как тебя зовут, девочка?

– Значит, вы меня берете? – тихо спросила она.
Араган кивнул, его череп неожиданно сдавила сильная боль.
– Получишь назначение через неделю, если у тебя нет особых пожеланий.
– Я хочу участвовать в Генабакисской кампании, – тут же ответила девочка. – Служить под командованием верховного кулака Дуджека Однорукого.
Араган заморгал.
– Я сделаю соответствующую пометку, – тихо сказал он. – Как тебя зовут, солдат?
– Жаль. Меня зовут Жаль.
Араган быстро записал имя.
– Можешь идти, солдат. Капрал тебе все объяснит. – Когда девочка подошла к двери, он поднял глаза. – И ноги помой.
Араган еще некоторое время продолжал писать, но потом остановился.
«Странно... Дождя не было вот уже несколько недель. И грязь в этих краях была серо-зеленая, а не темно-красная. – Он бросил перо на стол и начал растирать виски. – Хорошо хоть головная боль отступила».

* * *

Герром находился в полутора лигах от моря, если ехать по Старо-Канскому тракту, проложенному еще в давние времена. Но с тех пор как Малазанская империя построила вдоль берега новую дорогу, им пользовались редко. Теперь по тракту в основном передвигались пешком – местные крестьяне и рыбаки со своим товаром. Сейчас тут было безлюдно: только разорванные тюки с одеждой, треснувшие корзины да растоптанные овощи – вот и все свидетельства их недавнего присутствия. Хромой мул, последний свидетель этого исхода, бездумно стоял, перебирая ногами, посреди целой горы риса. Животное бросило вслед Парану печальный, безнадежный взгляд. Похоже, мусор лежал здесь не дольше дня, фрукты и зелень только-только начали гнить на послеполуденной жаре.

Пустив коня медленным шагом, лейтенант смотрел, как в пыльном мареве проступают первые дома торгового городка. Между ветхими кирпичными постройками не было заметно никакого движения; всадника не облаивали собаки, только брошенная тачка одиноко кренилась на единственном колесе. Вокруг царил мрачная тишина, воздух был неподвижен, не пели птицы. Паран чуть выдвинул меч из ножен.

Рядом с первыми домами он остановил коня. Похоже, бегство местных жителей было быстрым и паническим. Однако, несмотря на спешку, в которой они покинули город, лейтенант не обнаружил ни трупов, ни каких-либо следов борьбы. Паран глубоко вздохнул, а потом направил лошадь вперед. Главная – и по сути единственная – улица городка вела к т-образному перекрестку у двухэтажного здания Имперской управы. Окованные жестью ставни были закрыты, тяжелая дверь заперта. Приближаясь к управе, Паран внимательно смотрел по сторонам и вообще держался начеку.

Перед зданием он спешил, привязал кобылу к коновязи и оглянулся на улицу позади. Никакого движения. Обнажив клинок, лейтенант шагнул к двери.

И тут же остановился, услышав изнутри низкий звук, слишком тихий, чтобы его можно было уловить раньше, – что-то вроде невнятного бормотания, от которого волосы поднялись дыбом на загривке. Паран просунул в щель меч и задвинул острие под щеколду. Он поднимал железную планку вверх, пока та не свалилась с крюка, а потом распахнул дверь.

В сумраке внутри он уловил какое-то движение, что-то хлопнуло, и тихое гудение воздуха донесло до Парана сильный запах гниющей плоти. Во рту пересохло, и, тяжело дыша, молодой человек стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте.

Перед ним был вестибюль управы, и он оказался наполнен неясным движением, жутковатым гудением голосов. В помещении было множество черных голубей, которые продолжали ворковать с ледяным спокойствием. На полу лежали облаченные в форму тела – среди птичьего помета и покачивающегося черного покрова. Смешанный запах пота и смерти висел в воздухе – густой, как дым.

Паран шагнул внутрь. Голуби зашуршали, но по большей части не обратили на него внимания. Ни один даже не порхнул к открытой двери.

Из тени на лейтенанта взирали мертвецы: распухшие лица с безжизненными глазами, посиневшие, словно от удушья. Паран посмотрел на одного из солдат.

– Кажется, теперь носить форму стало опасно для здоровья, – пробормотал он.

«И черные птицы словно бы служат по мертвецам шутовскую заупокойную. Впрочем, такой мрачный юмор мне больше не по душе».

Он встряхнулся и прошел по комнате. Голуби с курлыканьем расступались перед его сапогами. Дверь в кабинет начальника управы была нараспашку. Через щели в ставнях сочился слабый свет. Паран вложил меч в ножны и вошел в кабинет. Мертвый капитан по-прежнему сидел на своем месте, его лицо распухло, окрасившись всеми оттенками синего, зеленого и серого.

Лейтенант смахнул влажные перья со стола и просмотрел свитки. Листы папируса рассыпались от его прикосновения, оставляя между пальцами маслянистую труху.

«А они тщательно заматают следы».

Паран развернулся, быстро миновал вестибюль и снова вышел на солнечный свет. Он аккуратно притворил за собой дверь в управу – как сделали это уходящие жители городка.

Мало кто решится иметь дело с темной порчей колдовства. Можно ведь ненароком и запачкаться.

Паран отвязал кобылу, забрался в седло и поскакал прочь из покинутого городка. Не оглядываясь.

* * *

Солнце тяжелым, распухшим шаром зависло среди багровых туч на горизонте. У Парана слипались глаза. День выдался долгим. «Кошмарный денек, что и говорить». Земли вокруг, совсем еще недавно такие знакомые и безопасные, стали вдруг чем-то другим, по ним теперь катились темные потоки чародейства. Проводить ночь под открытым небом лейтенанту совсем не хотелось.

Его лошадь тяжело ступала, низко опустив голову, а сумерки меж тем медленно сгущались. Парана сковали цепи мрачных мыслей, он устало пытался разобраться во всем, что произошло с утра.

Он наконец-то вырвался из этого болота, не придется больше служить под началом унылого немногословного капитана в Канском гарнизоне. Судя по всему, теперь перспективы перед ним открываются просто блестящие. Еще неделю назад лейтенанту бы и в голову не пришло, что его карьера может сделать такой крутой поворот и он станет помощником самой адъютантессы. Хотя отец и сестры были не слишком довольны тем, какую профессию выбрал для себя Ганос, наверняка родные сильно удивятся, а может, даже и придут в восторг. Как и многие отпрыски благородных фамилий, Паран с детства подумывал о военной службе, потому что мечтал о славе, да и вообще скучная и размеренная жизнь аристократии ему претила. Юноша хотел заниматься чем-то более важным, нежели торговать вином или следить за разведением лошадей.

Словом, он был одним из многих, кто поступил на военную службу, мечтая сделать карьеру и дослужиться до высоких чинов. Однако Ганосу не повезло: его послали в Кан, где

гарнизон опытных ветеранов вот уже почти шесть лет подряд зализывал раны. Здесь мало кто уважал не нюхавшего порошу лейтенанта, а уж тем более – отпрыска аристократического семейства.

Хотя после той резни на дороге отношение к нему, скорее всего, изменилось. Паран справился лучше многих ветеранов, чему в значительной степени способствовало и то, что его лошадь была самых лучших кровей. Да еще и вдобавок, чтобы продемонстрировать окружающим хладнокровие и выучку, он сам вызвался осмотреть место побоища.

И ведь хорошо справился, хотя осмотр дался ему, прямо скажем, нелегко. Блуждая среди трупов, Паран слышал беспрестанные крики, которые звучали у него в голове. Юноша высматривал детали, подмечал странности – необычная поза, необъяснимая улыбка на лице мертвого солдата, – но хуже всего было то, что произошло с лошадьми. Покрытые коркой засохшей пены ноздри и губы – свидетельство охватившего их ужаса – и еще эти раны, кошмарные, огромные и смертельные. Желчь и испражнения замарали коней, и все вокруг было покрыто блестящим ковром из пятен крови и ошметков плоти. Паран едва не плакал, глядя на этих некогда гордых животных.

Он поерзал в седле, чувствуя, как ладони становятся влажными там, где касаются резной луки. Целый день Паран не позволял себе дать слабину, но теперь его мысли настойчиво возвращались к ужасной сцене побоища. Все это время он держался твердо и решительно, однако сейчас в душе юноши вдруг словно бы что-то сломалось, зашаталось, угрожая лишить его равновесия. Пожалуй, напрасно Ганос с демонстративным презрением взирав на ветеранов из своего отряда, когда они падали на колени у обочины дороги, сотрясаясь от рвотных позывов. Последней каплей стало то, что Паран увидел в управе Геррома: страшное зрелище обрушилось беспощадным ударом на его и так уже вконец измученное сердце, разрывая в клочья панцирь невозмутимости, который до сих пор позволял лейтенанту владеть собой.

Паран с трудом выпрямился. Он сказал адъютантессе, что его молодость закончилась. Да и много чего еще наговорил – бесстрашно, равнодушно, позабыв про осторожность, которой отец учил его встречать многоликую махину империи.

И где-то невообразимо далеко в памяти Парана вдруг прозвучали давным-давно услышанные слова: «Живи тихо». Он отмахнулся от этой мысли еще тогда, отвергал ее и теперь. Что ж, адъютантесса его заметила. Однако сейчас юноша впервые засомневался, стоит ли этим гордиться. Интересно, что бы сказал сейчас тот хлебнувший лиха воин, которой много лет назад стоял рядом с ним на стене Паяцева замка? Наверное, презрительно плюнул бы Парану под ноги. «Ну что, стал героем? Лучше бы ты меня послушался, сынок».

Кобыла вдруг остановилась, неуверенно перебирая на месте копытами. Паран схватился за оружие, с тревогой оглядываясь в наступивших сумерках. Дорога шла среди рисовых полей, ближайшие крестьянские лачуги стояли на гряде холмов в сотне шагов отсюда. Но путь его преграждала какая-то фигура.

Чье-то холодное дыхание обдало его – или то был ветер? Лошадь задрожала, раздула ноздри и прижала уши.

Незнакомец – мужчина, судя по росту, – был в одежде всех оттенков зеленого: из-под плаща с капюшоном выглядывали выцветшая туника и льняные рейтузы, прикрытые снизу сапогами из зеленой кожи. За тонкий ремень был заткнут длинный нож – излюбленное оружие воинов Семиградья. На руках мужчины, бледно-серых в вечернем свете, поблескивали многочисленные кольца – по два на каждом пальце. Он вскинул руку, в которой держал глиняный кувшин.

– Хотите пить, лейтенант? – Голос у незнакомца был мягкий и удивительно мелодичный.

– У вас ко мне дело? – спросил Паран, не отпуская меча.

Странный человек улыбнулся и отбросил на спину капюшон. Вытянутое лицо, светло-серая кожа и необычные раскосые глаза. Выглядел незнакомец лет на тридцать, но волосы его были седыми.

– Госпожа адъюнктесса попросила меня об услуге, – сказал он. – Она с нетерпением ждет вашего доклада. Я должен вас сопроводить к ней... и побыстрее. – Он потряс кувшин. – Но сначала – трапеза. В моих глубоких карманах припрятано славное угощение – куда лучшее, чем способны предложить никчемные канские крестьяне. Давайте присядем здесь, на обочине, лейтенант. Можем побеседовать и понаблюдать, как селяне трудятся. Меня зовут Шик.

– Я слышал это имя, – кивнул Паран.

– Что ж, неудивительно, – ответил Шик. – Я личность известная. Кровь тисте анди течет в моих жилах, хотя ей и тесно в человеческом теле. Кстати, именно от моей руки пал королевский род Унты – король с королевой, их сыновья и дочери.

– А также двоюродные и троюродные родственники...

– Ну да, необходимо было известить всех под корень. В этом заключался мой профессиональный долг когтя, тем паче что я отличаюсь непревзойденным мастерством. Но вы так и не ответили на мой вопрос, лейтенант.

– На какой вопрос?

– Жажда вас мучает?

С недовольным видом Паран спешился.

– По-моему, вы сказали, что госпожа адъюнктесса просила нас поспешить.

– И мы поспешим, лейтенант, едва лишь наполним желудки и побеседуем, как пристало воспитанным людям.

– Вот уж не думал, что среди когтей, особенно таких, кто отличается непревзойденным мастерством, ценятся хорошие манеры.

– Однако именно этот навык я чуть превыше других, хотя в наши невеселые дни он и не слишком часто находит себе применение, лейтенант. Надеюсь, вы не откажетесь уделить мне немного своего драгоценного времени, раз уж мне выпала честь сопровождать вас?

– О чем бы вы там ни договорились с адъюнктессой, это ваше дело, – сказал, подходя поближе, Паран. – Лично я не испытываю к вам никаких чувств, Шик. Кроме неприязни.

Коготь присел и извлек из карманов несколько свертков и два хрустальных кубка. Затем откупорил кувшин.

– Старые раны не заживают, да? Но мне-то сказали, что вы избрали иной путь, покинули унылые и тесные ряды аристократии. – Он наполнил кубки вином янтарного цвета. – Вы теперь едины с телом Малазанской империи, лейтенант. Она командует вами, а вы беспрекословно подчиняетесь ее приказам. Вы – крошечный мускул в этом теле. Не больше. Но и не меньше. Время старых обид давно миновало. И поэтому, – Шик отставил кувшин и протянул Парану кубок, – давайте выпьем за ваше новое назначение, лейтенант Ганос Паран, личный помощник адъюнктессы Лорн.

Продолжая хмуриться, Паран принял кубок.

Они выпили.

Шик усмехнулся, достал шелковый платок и промокнул губы.

– Ну вот, не так уж и трудно найти общий язык, верно? Позвольте называть вас по имени?

– Лучше просто лейтенант Паран. А вы? Какой титул носит командир когтей?

Шик снова усмехнулся:

– Когтями по-прежнему командует Ласин. А я просто ей помогаю, выполняю различные поручения. Да, представьте, я тоже всего лишь помощник адъюнктессы. Обращайтесь ко мне без церемоний: просто по имени, которое вам известно. Я считаю, что не стоит бездумно следовать формальному этикету, когда люди уже достаточно знакомы.

Паран сел на грязную дорогу. И поинтересовался:

– А с чего это вы вдруг решили, что мы уже свели близкое знакомство?

– Ну, видите ли... – Шик начал разворачивать свертки, и на свет появились сыр, пирожки, фрукты и ягоды. – Я свожу знакомство с людьми двумя способами. Вы видели второй.

– А первый?

– Увы, в таких случаях у меня обычно нет времени на формальные представления.

Паран устало снял шлем.

– Хотите узнать, что я обнаружил в Геррومه? – спросил он, приглаживая рукой свои черные волосы.

Шик пожал плечами:

– Если хотите, можете рассказать.

– Пожалуй, я лучше подожду встречи с адьюнктессой.

Коготь улыбнулся:

– А вы быстро учитесь, Паран. Правильно, никогда не разбрасывайтесь сведениями.

Слова, как и монеты, выгодно накапливать.

– Пока не умрешь на золотом ложе, – заметил Паран.

– Вы голодны? Ненавижу есть в одиночестве.

Лейтенант принял от Шика кусок пирога.

– Так адьюнктесса и вправду требует спешки или вы здесь по каким-то другим причинам?

Коготь с улыбкой поднялся.

– Увы, наша приятная беседа окончена. Нам пора в путь, – сказал он и обернулся к дороге.

Паран увидел, как завеса над трактом разорвалась тусклым желтоватым светом.

«Да это же магический Путь, тайная тропа чародеев».

– Худов дух! – выдохнул лейтенант, пытаясь совладать с внезапной дрожью.

Оказавшись внутри, Паран разглядел ограниченную с обеих сторон невысокими насыпями сероватую тропу, с нависшим над ней непроницаемым охряным туманом. Воздух врывался в портал, словно дыхание, и, когда невидимый сквозняк поднял небольшие пыльные смерчи, лейтенант понял, что земля там густо усыпана пеплом.

– Вам придется к этому привыкнуть, – сказал Шик.

Паран взял кобылу под уздцы и повесил шлем на луку седла.

– Я готов.

Коготь бросил на спутника быстрый оценивающий взгляд, а затем первым шагнул на магический Путь.

Паран последовал за Шиком. Портал позади закрылся, и там появилось продолжение тропы. Итко-Кан исчез, а вместе с ним пропали все признаки жизни. Мир, в который попали Паран и Шик, был бесплоден и мертв. Насыпи по сторонам дороги тоже оказались из пепла. Воздух царапал горло и оставлял на языке привкус металла.

– Добро пожаловать на имперский магический Путь, – с некоторой ноткой сарказма провозгласил Шик.

– Благодарю вас.

– Он создан силами тех... кто жил здесь раньше. Кому по плечу подобное? Это ведомо лишь богам.

Они двинулись вперед.

– Я так понимаю, – сказал Паран, – что на самом деле ни один бог не претендует на этот магический Путь. Просто таким образом вы успешно морочите головы сборщикам податей, привратникам, стражам невидимых мостов и всем прочим, кто, как говорят, обитает на магических Путиях, якобы принадлежащих бессмертным хозяевам.

– Думаете, на магических Путях столько народу? – хмыкнул Шик. – Фантазии невежд меня всегда забавляли. Что ж, полагаю, в этом кратком путешествии вы будете для меня приятным спутником.

Паран замолчал. За спрессованными кучами пепла горизонт – место схождения охряного неба и серо-черной земли – казался совсем близким. Лейтенант почувствовал, как под кольчужой по телу его побежали ручейки пота. Кобыла тяжело фыркнула.

– Если вам интересно, – проговорил через некоторое время Шик, – госпожа адъютантесса сейчас в Унте. Мы воспользуемся этим магическим Путем, чтобы преодолеть расстояние в три сотни лиг всего за несколько часов. Некоторые думают, что империя слишком разрослась, кое-кто даже воображает, что рука императрицы Ласин не дотянется до дальних провинций. Однако, как вы только что могли убедиться, Паран, так могут считать только глупцы.

Лошадь снова фыркнула.

– В чем дело? Я вас так пристыдил, что вы замолчали? Прошу прощения, лейтенант, за то, что насмеялся над вашим невежеством... Это была всего лишь шутка.

– Шутники всегда рискуют, – ответил Паран.

Теперь уже надолго замолчал Шик.

* * *

Прошли часы, но освещение не изменилось. Несколько раз они миновали такие места, где боковые насыпи из пепла были разрушены, словно там неуклюже проползло некое гигантское существо: широкие, склизкие следы уходили прочь, в сумрак. В одном из таких мест они обнаружили темное пятно, покрытое ржавой коркой, и обрывки кольчужных колец, рассыпанные в пыли. Шик внимательно все осмотрел. Паран не сводил с когтя пристального взгляда.

«Не так уж здесь и безопасно, как ты хотел меня убедить. Тут ходят чужаки, и они отнюдь не дружелюбны».

Лейтенант вовсе не удивился, когда заметил, что после этого Шик ускорил шаг. Вскоре они оказались возле каменной арки. Ее поставили тут недавно, и Паран понял, что она сделана из так называемого унтийского базальта, который добывали в одном из карьеров неподалеку от столицы. Стены их фамильного особняка были выложены из этого же серо-черного блестящего камня. В центре арки, высоко над их головами, был вырезан герб Малазанской империи – когтистая рука, сжимающая хрустальный шар.

За аркой царил тьма.

– Ну что, прибыли? – прочистив горло, спросил Паран.

Шик резко обернулся к нему:

– Нельзя ли быть повежливее, лейтенант? Вам бы лучше отбросить присущую знати надменность.

Паран с улыбкой поднял руку:

– Ведите же, проводник.

Взмахнув плащом, Шик шагнул под арку и исчез.

Лошадь начала упираться, когда Паран потянул ее к арке, и вскинула голову. Он попытался успокоить кобылу, но тщетно. Наконец лейтенант забрался в седло, потянул поводья и сильно прищипорил лошадь, которая резко прыгнула в пустоту.

Темнота взорвалась, и они вновь оказались в привычном мире, полном света и красок. Когда лошадь приземлилась, из-под копыт у нее во все стороны с треском полетели кусочки гравия. Паран остановил кобылу, моргая и оглядываясь. Огромный зал, потолок поблескивает чеканным золотом, стены украшены гобеленами. И к ним приближаются вооруженные стражники.

Кобыла испуганно попятилась – и сбила с ног Шика, который моментально растянулся на полу. Тяжелое копыто устремилось к нему и чуть-чуть не пробило бедняге голову. Снова раздался хруст: только это был не гравий, понял Паран, а кусочки мозаики. Шик перекатился набок, вскочил на ноги, громко выругался и злобно уставился на лейтенанта.

Стражники, будто подчинившись беззвучному приказу, медленно отступили на свои места у стен. Паран отвел взгляд от Шика. Впереди виднелось возвышение, на котором располагался престол из изогнутых костей. На троне восседала императрица Ласин.

В зале воцарилась тишина, которую нарушал только хруст полудрагоценных камней под копытами кобылы. Поморщившись, Паран спешился, с опаской поглядывая на женщину на троне.

Ласин мало изменилась с момента их первой встречи; одета просто, украшений нет совсем, а коротко стриженные волосы кажутся светлыми на фоне голубоватого оттенка ее непримечательного лица.

При взгляде на Парана карие глаза императрицы недовольно сузились. Лейтенант поправил перевязь с мечом, скрестил руки на груди и поклонился в пояс:

– Ваше величество.

– Я вижу, – протянула Ласин, – ты не внял совету, который семь лет назад дал тебе бывалый командир.

Юноша удивленно заморгал.

– Правда, и сам он тоже, – продолжила императрица, – не прислушался к моему совету. Любопытно, какое божество свело вас тогда вместе на крепостной стене, – я бы заказала службу, чтобы почтить его чувство юмора. Да ты никак вообразил, лейтенант, что имперская арка ведет в конюшню?

– Моя лошадь не хотела входить в нее, ваше величество.

– И на то у нее, безусловно, имелись причины.

Паран улыбнулся:

– Ее порода славится умом, в отличие от меня. Прошу принять мои глубочайшие извинения.

– Шик сопроводит тебя к адъюнктессе. – Императрица взмахнула рукой, и стражник шагнул, чтобы забрать поводья лошади.

Паран снова поклонился, а затем с улыбкой обернулся к когтю.

Шик провел его к боковой двери.

– Идиот! – прошипел коготь, когда дверь за ними плотно закрылась.

Затем быстро зашагал по узкому коридору. Лейтенант даже не старался угнаться за провожатым – наоборот, заставил того остановиться и ждать в другом конце коридора, где началась лестница.

Лицо Шика потемнело от ярости.

– А что там ее величество говорила про крепостную стену? Вы уже встречались прежде? Когда?

– Поскольку сама императрица не пожелала этого объяснить, я могу лишь последовать ее примеру, – ответил Паран. Он посмотрел на истертые ступени. – Значит, мы в Западной башне, да? Ее еще называют башней Праха...

– Поднимайтесь на верхний этаж, лейтенант. Адъюнктесса ждет вас в своих покоях – других дверей нет, так что не заблудитесь, просто идите на самый верх.

Паран кивнул и зашагал по лестнице.

Дверь в верхнюю комнату башни была распахнута. Паран постучал костяшками пальцев по косяку и вошел. Адъюнктесса сидела на скамье в дальнем конце комнаты, спиной к широкому окну. Через раскрытые ставни в комнату лился розовый свет восходящего солнца. Женщина одевалась. Паран замер в смущении.

– Я не отличаюсь стыдливостью, – сказала Лорн. – Входите и закройте дверь.

Паран исполнил эту ее просьбу. Он осмотрелся. Стены были увешаны выцветшими гобеленами. Каменный пол покрывали истертые шкуры. Мебель – весьма немногочисленная – была старой, напанского стиля, то есть безыскусной.

Адьюнктесса поднялась, чтобы втиснуться в свой кожаный доспех. Ее волосы заблестели в розоватом утреннем свете.

– Вы, похоже, устали, лейтенант. Прошу, садитесь.

Паран обернулся, нашел стул и благодарно опустился на него.

– Ну, докладывайте.

– Следы хорошо замели, госпожа адьюнктесса. Те люди, что остались в Герроме, теперь уже вряд ли заговорят.

Она затянула последний ремешок.

– Если только я не пошлю туда некроманта.

Юноша хмыкнул:

– Может, голубей спросим? Полагаю, такую возможность тоже предусмотрели.

Она взглянула на него, изумленно приподняв бровь.

– Простите, госпожа адьюнктесса. Сейчас объясню. Похоже, в роли предвестников смерти там выступили... птицы. Если мы будем смотреть глазами мертвых солдат, то, боюсь, только их и увидим.

– Вы сказали – «голубей»?

Он кивнул.

– Любопытно.

Лорн помолчала. Паран еще некоторое время смотрел на нее. А потом поинтересовался:

– Я выступал в роли приманки, госпожа адьюнктесса?

– Нет.

– А удивительно своевременное появление Шика?

– Я просто воспользовалась удобным случаем.

Молодой человек замолчал. Стоило лишь закрыть глаза, как его голова качнулась. До этого Паран и сам не понимал, насколько вымотался. Даже не сразу сообразил, что адьюнктесса обращается к нему. Он встряхнулся и выпрямился:

– Виноват!

Лорн стояла прямо перед ним.

– Спать будете потом, лейтенант. Не сейчас. Я говорила о вашем будущем: так что стоило бы послушать. Итак, вы выполнили свое задание, как и было приказано. Более того, вы показали себя... э-э-э... весьма жизнестойким. Для всего внешнего мира, лейтенант, наши с вами дела окончены. Вы вернетесь в офицерский корпус здесь, в Унте, и получите новое назначение. Что же касается вашего пребывания в Итко-Кане, ничего странного там не происходило, вы меня поняли?

– Так точно.

– Вот и прекрасно.

– А позвольте поинтересоваться, госпожа адьюнктесса, что же там на самом деле случилось? Мы прекращаем расследование? И никогда не узнаем правду? Мы готовы с этим смириться? Или же меня просто отстраняют от дела?

– Лейтенант, тут следует действовать с предельной осторожностью, но мы непременно продолжим расследование, причем вы сыграете в этом важнейшую роль. Я решила – быть может, ошибочно, – что вы захотите пройти весь путь до конца и быть рядом, когда настанет час отмщения. Я права? Или, возможно, вы уже видели достаточно и теперь хотели бы вернуться к нормальной жизни?

Он зажмурился:

– Госпожа адъютантесса, я не намерен отступать и хочу быть там, когда придет время.

Женщина молчала, и, даже не открывая глаз, лейтенант знал, что она внимательно изучает его, оценивает. Ну что же, Паран свое желание высказал; теперь решение за ней.

– Мы станем действовать без особой спешки. Приказ о вашем новом назначении будет подписан через несколько дней. А пока что возвращайтесь домой, в поместье своего отца. Отдохните.

Паран открыл глаза и поднялся на ноги. Когда он подошел к двери, Лорн снова заговорила:

– Лейтенант, надеюсь, вы не повторите ту свою выходку в тронном зале?

– Сомневаюсь, что второй раз это будет выглядеть столь же забавно, госпожа адъютантесса.

Оказавшись на лестнице, Паран услышал в комнате за спиной некие подозрительные звуки, похожие на кашель. Ведь вряд ли это могло быть чем-то другим.

* * *

Ведя лошадь по улицам Унты, Паран чувствовал себя полностью опустошенным. Знакомые места, плотная, бесконечная толпа, громкие голоса и смешение языков – все это казалось странным, непривычным. На самом деле изменился не внешний мир, а что-то внутри самого юноши, поскольку он теперь воспринимал все иначе. Он вдруг ощутил себя в родном городе чужаком, изгоем.

Но Унта была все той же, прежней: перед Параном один за другим открывались привычные виды столицы. Преимущество благородной крови позволяло удерживать окружающий мир на расстоянии, разглядывать его со стороны, отгородившись от простонародья невидимым барьером.

«Да уж, аристократическое происхождение – это дар... и проклятие».

Правда, теперь Парана не сопровождали телохранители. Знать давно уже утратила былые преимущества, и сейчас юношу защищала только военная форма. При взгляде на него было сразу ясно, что перед тобой не ремесленник, не разносчик, не торговец, а солдат. Клинок Малазанской империи, каких у нее – десятки тысяч.

Лейтенант миновал Высокие ворота и поднялся по Мраморной дороге, вдоль которой уже начали появляться первые дома богатых торговцев – в стороне от мощеной улицы, полускрытые заборами. Пестрая листва терялась на фоне ярко раскрашенных стен; многочисленная толпа постепенно рассеялась, возле арочных ворот по обеим сторонам стояли наемные стражники. В знойном воздухе уже не чувствовалось вони сточных вод и подгнившей еды, сейчас ветер приносил прохладу невидимых фонтанов и ароматы цветов.

Запахи детства.

Паран поднимался все выше в Благородный квартал; теперь повсюду встречались роскошные особняки. Тут жила родовая знать, по праву гордившаяся вековой историей и золотом, приобретенным еще в незапамятные времена. Малазанская империя со всеми ее прозаическими заботами казалась отсюда чем-то далеким и нереальным. Здесь многие семьи прослеживали свою историю на семь веков назад, к тем кочевникам, которые впервые пришли в эти земли с востока. Они, как водится, не отличались миролюбием, а потому огнем и мечом покорили дальних родичей канцев, которые выстроили свои деревни на побережье. Постепенно воинственные всадники превратились в процветающих коневодов и торговцев вином, пивом и тканями. Власть клинков сменилась властью золота, теперь аристократы вели совсем иные сражения: интриговали и заключали торговые договоры, не гнушаясь обмана и подкупа... Паран считал, что, поступив на военную службу, замкнет круг, вновь взяв в руки оружие, как его дав-

ний предок, много веков назад положивший начало их роду, сильному и жестокому. Однако, сделав этот выбор, Ганос навлек на себя отцовское проклятие.

Юноша подошел к знакомой калитке – высокой двери на боковой стене, выходившей в переулочек, который в другой части города считался бы широкой улицей. Стражника тут не было, и Паран дважды потянул за тонкую цепочку колокольчика. После чего в одиночестве застыл посреди переулочка в ожидании ответа.

С другой стороны звякнул засов, кто-то выругался, и дверь распахнулась. Громко, словно бы протестуя, взвизгнули петли.

Паран с изумлением уставился на незнакомого мужчину, который открыл ему. Старик, все лицо покрыто шрамами, серые глаза слезятся. Одет в латаную-перелатаную кольчугу, чей неровный край обрывается у колен. Потхельм² весь бугрится от выправленных вмятин, но ярко начищен.

Стражник внимательно осмотрел Парана с ног до головы и проворчал:

– А гобелен-то ожил.

– Что? – изумился юноша.

Стражник пошире раскрыл дверь.

– Постарше стал, конечно, но узнать можно без труда. Вот что значит хороший художник, ну все сумел передать: и манеру держаться, и выражение лица. Добро пожаловать домой, Ганос.

Паран провел лошадь через узкий дверной проем. Дорожка шла между двумя хозяйственными постройками усадьбы, над головой виднелся клочок неба.

– Я тебя не знаю, солдат, – сказал Паран. – Но, судя по всему, мой портрет видели все местные стражники. Он теперь у вас в казарме вместо половой тряпки?

Старик хмыкнул:

– Что-то вроде того.

– Как тебя зовут?

– Гамет, – ответил стражник. Он запер калитку и теперь топал вслед за лошастью. – Служу вашему отцу вот уж три года.

– А чем ты занимался прежде, Гамет?

– Таких вопросов не задают.

Они вышли на двор. Паран задержался, чтобы рассмотреть спутника.

– Мой отец тщательно изучает прошлое всех, кого собирается взять на службу.

Гамет ухмыльнулся, продемонстрировав полный набор белых зубов.

– Он так и сделал. И вот я тут. Стало быть, никаких особых прегрешений не обнаружилось.

– Я смотрю, ты успел повоевать?

– Давайте, сударь, я уведу вашу лошадь.

Паран передал поводья Гамету, а затем обернулся и оглядел двор. Тот показался ему меньше, чем прежде. Старый колодец, вырытый безымянным народом, который жил тут еще до канцев, уже почти обвалился и теперь напоминал пыльный пригорок. Однако ни один ремесленник не возьмется вернуть на место эти древние камни с затейливой резьбой – просто из страха, что тем самым разбудит каких-нибудь призраков. На таких же старых камнях, выложенных в качестве фундамента, стояла и родовая усадьба Паранов. В глубоких подвалах было полно каких-то тупиков и коридоров, настолько сырых и низких, что пользоваться ими просто невозможно.

Слуги, включая садовников, сновали туда-сюда по двору. Прибытия Парана никто пока даже и не заметил.

² Потхельм – горшковидный шлем, одна из ранних, более примитивных разновидностей средневекового шлема. – Здесь и далее примеч. В. Аренева.

Гамет откашлялся:

– Ваших родителей сейчас нет в столице.

Юноша кивнул. В их загородном поместье Эмалау теперь, должно быть, полно жеребят, о которых следует позаботиться.

– Но обе ваши сестры дома, – продолжил Гамет. – Я прикажу слугам прибрать вашу комнату.

– Неужели она так и стоит нетронутая?

Старик снова ухмыльнулся:

– Надо только вынести оттуда лишнюю мебель и сундуки. Места под кладовки совсем не хватает...

– Как всегда. – Паран вздохнул и, не сказав больше ни слова, вошел в дом.

* * *

Гулкое эхо раздалось под сводами пиршественного зала, когда Паран, стуча сапогами, подошел к длинному столу. Кошки молниями разлетелись в стороны. Юноша расстегнул закатку дорожного плаща, бросил его на спинку одного из стульев, а потом, усевшись на длинную скамью, прислонился к обшитой деревянными панелями стене. И зажмурился.

Прошло несколько минут, прежде чем прозвучал женский голос:

– А я думала, ты в Итко-Кане.

Он открыл глаза. Тавора, средняя сестра, на год младше его самого, стояла у торца стола, положив руку на отцовское кресло. Тавора выросла с тех пор, как они расстались, перестала быть неуклюжим угловатым подростком, однако по-прежнему осталась все такой же невзрачной: мелкие черты бледного лица, рыжеватые волосы острижены короче, чем требовала мода. Сейчас сестра смотрела на него с непроницаемым выражением.

– Я получил новое назначение, – сказал Паран.

– Сюда? Странно, что мы об этом не слышали.

«Ну да, конечно. Ты ведь обожаешь собирать всякие слухи», – подумал юноша. Однако миролюбиво произнес:

– Это стало неожиданностью для меня самого. И служить я буду не в Унте. Приехал в столицу всего на несколько дней.

– Тебя повысили? – оживилась Тавора.

Он улыбнулся:

– Прикидываешь, окупится ли вложение? Какие выгоды из этого можно извлечь? Станет ли теперь наша семья более влиятельной?

– Заботиться о положении семьи – больше не твоя забота, братец.

– А чья? Уж не твоя ли? Отец отошел от повседневных дел?

– Почти. Здоровье подводит его. А тебе и горя мало: уехал в свой Итко-Кан – и как в воду канул...

Ганос вздохнул:

– Все пытаешься заменить меня, Тавора? Компенсировать то разочарование, которое я доставил отцу? Вообще-то, я отсюда не по ковру из цветочных лепестков ушел, если помнишь. Ну не лежит у меня душа к торговле, что поделывать! Так или иначе, я никогда не сомневался, что домашние дела попадут в умелые руки...

Бесцветные глаза сестры сузились, но гордость не позволила девушке показать, что она довольна комплиментом.

– А как поживает Фелисин? – спросил Парна.

– Сидит у себя в комнате и сочиняет стихи. Еще не слышала о твоём возвращении. Представляю, как она обрадуется – и как огорчится, узнав, что ты приехал всего лишь на несколько дней.

– Теперь она твоя соперница, да, Тавора?

Сестра фыркнула и отвернулась:

– Кто, Фелисин? Она слишком мягкая для этого мира, братец. Я бы даже сказала: для любого реального мира. Она за это время нисколько не изменилась. И будет счастлива тебя видеть.

Ганос смотрел, как Тавора с подчеркнута прямой спиной вышла из комнаты.

Только сейчас юноша понял, что от него пахло потом – его собственным и конским, – долгой дорогой, пеплом и еще чем-то... «Старая кровь, старые страхи. – Паран огляделся. – Надо же, и пиршественный зал на самом деле тоже намного меньше, чем мне запомнилось».

Глава вторая

*Когда явились моранты,
то волны двинулись вспять.
И, словно суда у причала,
имперское море накрыло
Вольные города.
Двенадцатый год войны,
Луны Расколотой год
настал – и семя ее
пролилось смертельным дождем,
посулами черных крыл.
Из городов лишь два
не поддались тогда
сей малазанской волне.
Первый – прочно стоял:
горделивые реяли стяги
под Тьмы властным крылом.
Второй же – раздором расколот,
без войска,
друзьями оставленный...
Первым пал тот, что был прочен.*

Фелисин (р. 1146). Призыв к Тени

*Два года спустя
1163 год Сна Огни
105 год от основания Малазанской империи
9-й год правления императрицы Ласин*

Бледную завесу дыма рассекали вóроны. Их пронзительные крики заглушали стоны раненых и умирающих солдат. Запах горелого мяса тяжело висел в неподвижном мареве.

На третьем холме у стен павшего города Крепь стояла в одиночестве Рваная Снасть. Вокруг чародейки лежали груды искореженных обломков оружия и доспехов – поножей, нагрудников, шлемов и клинков. Еще час назад все это принадлежало мужчинам и женщинам, от которых теперь даже и следа не осталось. Тишина внутри пустых металлических раковин отдавалась в голове колдуньи погребальной песней.

Она обхватила себя руками. Бордовый плащ с серебряным значком, который она носила как командир кадровых магов Второй армии, теперь висел на ее покатых плечах лохмотьями обожженной, заляпанной кровью ткани. Округлое полное лицо Рваной Снасти, обычно озаренное беззаботной детской улыбкой, прорезали глубокие морщины, щеки ввалились и побледнели.

Вопреки бушевавшему вокруг урагану звуков и запахов чародейка вслушивалась в глубокую тишину. Та словно бы выплескивалась из раковин-доспехов пустотой, которая уже сама по себе была обвинением. Но у тишины имелся и другой источник. Сегодня здесь неистовствовали столь мощные колдовские силы, что их вполне хватило бы, чтобы разрушить преграду, разделявшую миры. То, что скрывалось по ту сторону, на магических Путиях Хаоса, казалось, было где-то совсем близко, на расстоянии вытянутой руки.

Рваная Снасть думала, что уже совершенно лишилась эмоций – все они сгорели в пережитом ею ужасе, но, глядя на то, как в город плотными рядами входит легион черных морантов, колдунья почувствовала, что ненависть застит ей глаза под опухшими веками.

«Союзники. Предвкушают долгожданное кровопролитие».

Всего лишь через какой-то час жителей Крепи станет тысяч на двадцать меньше. Чаши весов, раскачанные многолетней враждой между соседними народами, уравновесит отмщение. Вот они, вооруженные мечами.

«Милостивая Шедунуль, неужели и без того было мало смертей?»

В разных концах города пылало с дюжину пожаров. Осада Крепи наконец закончилась – после трех долгих лет. Но Рваная Снасть знала: это еще не все. Что-то скрывалось в безмолвии и ждало своего часа. Ничего, она тоже подождет. Хотя бы это колдунья должна сделать для погибших сегодня, ведь во всем остальном она их подвела.

Внизу равнину покрывали тела малазанских солдат – страшный ковер из трупов. То тут, то там торчали мертвые руки и ноги, на которых по-хозяйски восседали вбóроны. Солдаты, пережившие бойню, ошеломленно бродили среди тел, искали павших товарищей. Рваная Снасть с болью смотрела на них.

– Они идут, – проговорил голос в дюжине футов слева от нее.

Чародейка медленно обернулась. Боевой маг Локон лежал, распластавшись на груде опаленных доспехов, в бритом черепе его отражалось мутное небо. Волной колдовства ему оторвало нижнюю половину туловища. Из вспоротой грудной клетки вываливались окровавленные внутренности. Из последних усилий он удерживал в себе жизнь – над ним реяла слабая дымка магии.

– Я думала, ты погиб, – пробормотала Рваная Снасть.

– Сегодня мне везет.

– Что-то непохоже.

Локон захрипел, и прямо из-под его сердца выплеснулась струйка темной густой крови.

– Они идут, – повторил колдун. – Видишь их?

Чародейка обернулась к склону холма, и ее светлые глаза сузились. К ним приближались четверо солдат.

– Кто это?

Маг не ответил.

Рваная Снасть снова оглянулась на Локона и увидела, что он буравит ее тяжелым взглядом – так, как правило, смотрит тот, кому осталось жить считанные мгновенья.

– Думал пропустить волну сквозь кишки, да? Что ж, тоже, в общем-то, верный способ отсюда выбраться.

Ответ Локона удивил ее:

– Показная грубость не идет тебе, Рваная Снасть. Тебе никогда не удавалось казаться циничной. – Он нахмурился и быстро заморгал, как будто отгоняя приближающуюся тьму. – Всегда есть риск узнать слишком много. Радуйся, что я тебя пощадил. – Локон улыбнулся, показав залитые кровью зубы. – Думай о хорошем. Плоть слаба.

Она пристально вгляделась в его глаза, удивляясь этой внезапной... *человечности*. Быть может, умирая, мы оставляем привычные игры и все напускное притворство. А может, она просто не готова была увидеть, как за привычным фасадом Локона вдруг проступил простой смертный. Рваная Снасть разомкнула руки, которыми с силой сжимала собственные плечи, и прерывисто вздохнула.

– Ты прав. Сейчас не время для притворства. Я тебя никогда не любила, Локон, но ни разу не усомнилась в твоей отваге – и не усомнюсь. – Она оглядела обрубок тела и в глубине души поразилась тому, что столь ужасное зрелище не слишком-то ее испугало. – Сейчас тебя даже искусство самого Тайскренна не спасет.

Во взгляде Локона промелькнуло лукавство, и он расхохотался болезненным смехом.

– Девочка моя, – прохрипел маг, – твоя наивность просто очаровательна. Она всегда меня восхищала.

– Кто бы сомневался! – отрезала чародейка; ей было больно оттого, что она купилась на его внезапную искренность. – Что ж, посмейся надо мной в последний раз, в память о былых временах.

– Ты не понимаешь... Меня рано списывать со счетов...

– Серьезно? Считаешь, что еще не все кончено? Настолько ненавидишь нашего высшего мага, что полагаешь, будто ненависть позволит тебе вырваться даже из хладных пальцев Худа? Надеешься отомстить с того света?

– Похоже, ты плохо меня знаешь, если до сих пор не поняла, что я всегда оставляю себе запасной выход.

– Ты даже ползти не можешь. Как ты собираешься добраться до этого своего запасного выхода?

Маг облизал потрескавшиеся губы.

– Это часть сделки, – тихо проговорил Локон. – Выход сам придет ко мне. Он уже совсем близко. Обернись!

Рваная Снасть услышала сзади хруст доспехов и позвякивание железа: звуки обрушились на нее, как ледяной ветер. Внутри у колдуньи все тревожно сжалось. Она обернулась и увидела, что на вершину поднялись четверо солдат. Трое мужчин и одна девушка, все измазанные кровью и грязью, с мертвенно-бледными лицами. Взгляд чародейки привлекла девушка, которая держалась чуть позади своих спутников, словно неприятная мысль, которую пытаются отогнать. Девушка была молодой и красивой, но какой-то холодной, словно бы ожившая сосулька.

«Ох, что-то тут не так, – сказала себе колдунья. – Будь осторожней».

Предводитель – сержант, судя по торквесу³ на руке, – подошел к Рваной Снасти. Его глубоко посаженные темно-серые глаза бесстрастно встретили ее взгляд.

– Эта? – спросил он, обернувшись к высокому и худому чернокожему человеку, который остановился рядом с ним.

Его спутник покачал головой.

– Нет, нам нужен вон тот. – Хотя он и говорил по-малазански, гортанный акцент выдавал в нем выходца из Семиградья.

Третий и последний мужчина, тоже чернокожий, обошел сержанта слева и, несмотря на внушительное телосложение, словно бы скользнул по воздуху вперед, не сводя глаз с Локона. Он вообще не обратил внимания на Рваную Снасть, и это ее даже слегка обидело. Она хотела было поставить незнакомца на место, но вдруг почувствовала, что у нее уже нет сил на препирательства. А вместо этого сказала сержанту:

– Если вы из похоронной команды, то слегка поторопились. Он еще не умер. Хотя, – продолжила она, – вы наверняка пришли с иной целью. Я знаю, что Локон заключил с вами сделку: думает, будто сможет как-то выжить, лишившись половины тела.

Губы сержанта сжались под жесткой, с проседью бородой.

– О чем ты говоришь, чародейка?

Чернокожий человек рядом с сержантом бросил взгляд назад, на девушку, остановившуюся в дюжине шагов за ними. Рваной Снасти показалось, что он вздрогнул, но, когда мужчина перевел глаза на колдунью, его худощавое лицо уже ничего не выражало – он лишь пожал плечами, а потом обогнул ее.

³ *Торквес* – кельтская разновидность шейной гривны; носился также на талии или на руке, как браслет. Был известен не только у кельтов, однако является ярким маркером, отсылающим именно к кельтскому миру, когда тот столкнулся с Римской империей.

Почувствовав незримое давление силы, чародейка судорожно вздохнула.

«Да он же маг».

Чернокожий присоединился к своему товарищу, стоявшему над изувеченным телом Локона, а Рваная Снасть тем временем пыталась рассмотреть его мундир под слоем грязи и запекшейся крови.

– И кто ж вы такие будете?

– Вторая армия, Девятый взвод.

– Девятый? – выдохнула колдунья сквозь сжатые зубы. – Да неужто сжигатели мостов? –

Она прищурилась, глядя на потрепанного сержанта. – Девятый. Стало быть, ты – Скворец.

Он вздрогнул. У Рваной Снасти пересохло во рту.

– Разумеется, я о тебе слышала. Говорят, будто...

– Не важно, – хрипло перебил он. – Мало ли что болтают. Старые сказки растут, как сорняки.

Женщина потерла лицо, чувствуя, как грязь собирается под ногтями. Сжигатели мостов. Они были элитным подразделением старого императора, его любимцами. Но после кровавого переворота, совершенного Ласин, их швыряли в самые глубокие крысиные норы, какие только могли найти, затыкали ими все дыры. В результате меньше чем за десять лет численность подразделения сократилась настолько, что теперь едва-едва наберется один взвод. Имена уцелевших (по большей части командиров) стали известны во всех малазанских армиях на Генабакисе и на других континентах. Имена, которые расцвелили и без того знаменитую легенду о войске Дуджека Однорукого: Деторан, Мураш, Игла, Скворец. Имена, овеянные славой и насквозь пропитанные горьким цинизмом. Они, будто почетное знамя, воплотили в себе все безумие этой бесконечной кампании.

Сержант Скворец разглядывал обломки доспехов, которыми был усеян весь холм. Рваная Снасть видела, как он постепенно начинает понимать, что здесь произошло. Его щеку передернуло от нервного тика. На этот раз сержант посмотрел на чародейку по-новому, взгляд серых глаз стал чуть мягче, и это надрывало ей сердце.

– Из кадровых магов осталась только ты одна?

Рваная Снасть отвернулась, чувствуя себя ужасно хрупкой и уязвимой.

– Да, я последняя, кто еще стоит на ногах. Но дело вовсе не в моем мастерстве. Просто повезло.

Если Скворец и расслышал горечь в ее ответе, то не подал вида – молча глядел, как двое его бойцов, уроженцев Семиградья, склонились над Локоном.

Рваная Снасть облизнула губы, поежилась и покосилась на солдат. Они переговаривались. Чародейка услышала, как Локон вдруг рассмеялся, и этот тихий отзвук радости заставил ее болезненно поморщиться.

– Скажи, а вон тот, высокий, – спросила она, – он ведь маг?

Скворец хмыкнул:

– Его зовут Быстрый Бен.

– Бьюсь об заклад, родители назвали его иначе.

– Угадала.

Рваная Снасть расправила плечи под весом плаща, и глухая боль в пояснице на краткий миг отступила.

– Я должна бы его знать, сержант. Такую силу сразу замечают. Он ведь не новичок?

– Не новичок, – подтвердил Скворец.

Она почувствовала, что начинает злиться.

– Я требую объяснений. Что здесь происходит?

Скворец скривился:

– Да ничего, судя по всему. – Он повысил голос: – Эй, Быстрый Бен!

Маг обернулся.

– Утрясаем последние детали, сержант, – пояснил он и сверкнул белозубой ухмылкой.

– Худов дух! – вздохнула Рваная Снасть, отворачиваясь.

А девушка, что пришла вместе с мужчинами, по-прежнему стояла на вершине холма и, казалось, изучала колонны морантов, которые входили в город. Словно почувствовав взгляд Рваной Снасти, она резко обернулась. Выражение ее лица потрясло чародейку. Рваная Снасть быстро отвела глаза.

– Это все, что осталось от твоего взвода, сержант? Два мародера да жадная до крови девчушка-новобранец?

– У меня осталось семеро бойцов, – ровным голосом ответил Скворец.

– А сколько было утром?

– Пятнадцать.

Рваная Снасть почувствовала, что тут что-то не так. И, не в силах молчать, сказала, чтобы просто хоть что-то сказать:

– Неплохой результат. Лучше, чем у большинства. – Увидев, как кровь отливает от лица сержанта, чародейка мысленно обругала себя: «Это надо же такое ляпнуть!» – Но уверена, – добавила она, – те, кого вы потеряли, были хорошими солдатами.

– Они хорошо умели умирать, – сказал Скворец.

Рваную Снасть потрясла жестокость его слов. В смятении она плотно закрыла глаза, чтобы удержать слезы отчаяния и разочарования.

«Слишком много сегодня всего произошло. Я к этому не готова. Не готова к встрече с сержантом Скворцом, человеком, который согнулся под тяжестью собственной легенды и, верно служа империи, взошел не на одну гору трупов».

Последние три года сжигателей мостов было почти не видно. С тех пор как началась осада Крепи, их отправили делать подкопы и минировать древние массивные стены города. Приказ поступил прямо из столицы, и это была либо чья-то злая шутка, либо результат чудовищного невежества: город стоял в долине, которая стала нагромождением валунов еще в ту пору, когда по ней прошел ледник: гряда камней нависала над расселиной такой глубины, что даже маги едва могли дотянуться до ее дна.

«Эти люди три года провели под землей. Когда же они в последний раз видели солнце?»

Рваная Снасть вдруг словно окаменела.

– Скажи, сержант, – она открыла глаза, – а этим утром вы снова отправились в эти свои тоннели?

Мучительное понимание пришло к ней, когда она увидела, как боль на миг исказила лицо собеседника.

– В какие еще тоннели? – тихо спросил он, а потом попытался отойти в сторону.

Но женщина схватила сержанта за руку. Его тело била крупная дрожь.

– Скворец, – прошептала она, – ты ведь уже догадался. Про... про меня, про то, что случилось здесь, на холме, со всеми солдатами. – Она запнулась, но потом все же выговорила: – Это наше общее поражение. Сочувствую.

Не глядя ей в глаза, он отстранился.

– Не стоит, чародейка. – Затем сержант наконец нашел в себе силы встретиться с ней взглядом. – Мы не можем позволить себе сожаления.

Она смотрела, как Скворец подошел к солдатам.

– Сегодня утром нас было четырнадцать сотен, чародейка! – Девичий голос зазвучал прямо за спиной у Рваной Снасти.

Колдунья обернулась. Вблизи было очевидно, что девушка совсем юная: никак не больше пятнадцати. Вот только ее глаза, блестящие тускло, как потертый оникс, казались древними, словно все чувства в них давно обратились в прах.

– А теперь сколько осталось?

Девушка пожала плечами – почти беззаботно:

– Человек тридцать, может – тридцать пять. Четыре из пяти тоннелей обрушились. Мы были в пятом и смогли прорыть лаз наружу. Скрипач и Колотун пытаются раскопать другие тоннели, но, скорее всего, больше никто не выжил. Они собирались позвать кого-нибудь на помощь. – На ее чумазом личике появилась холодная улыбка все знающего человека. – Но твой хозяин, высший маг, запретил это делать.

– Тайскренн остановил их? Но почему?

Девушка нахмурилась, словно была разочарована непонятливостью собеседницы. Потом просто отошла в сторонку и снова принялась разглядывать город с вершины холма.

Рваная Снасть уставилась ей в спину. Девушка проронила последние слова так, будто ожидала совершенно определенной реакции, надеялась получить объяснения. Уж не считает ли она ее соучастницей? В любом случае это большая ошибка. Напрасно Тайскренн настраивает всех против себя. Штурм Крепи обернулся ужасной катастрофой, и вина за случившееся целиком лежала на плечах высшего мага.

Чародейка посмотрела на город, а потом подняла глаза на затянутое дымом небо над крепостью.

Огромная, смутная тень, которая встречала ее каждое утро все три долгих года, теперь вдруг исчезла. Рваная Снасть настолько привыкла к этому зрелищу, что сейчас просто отказывалась верить собственным глазам.

– А ведь нас предупреждали, – прошептала она пустому небу, когда на нее нахлынули воспоминания о страшных событиях сегодняшнего утра. – Нас ведь предупреждали, не так ли?

* * *

Рваная Снасть спала с Калотом последние четыре месяца: маленькая радость, которая помогала развеять скуку бесконечной осады. Так, по крайней мере, она объясняла это себе. На самом деле все было серьезнее, намного серьезнее. Но умение быть честной с собой никогда не входило в число добродетелей Рваной Снасти.

Сегодня внезапный магический призыв разбудил ее раньше, чем Калота. Маленькое, но очень ладное, хорошо сложенное тело колдуна уютно устроилось на мягких подушках ее плоти. Открыв глаза, она увидела, что любовник жмет к ней, как ребенок. Потом Калот тоже почувствовал магический призыв и проснулся – открыл глаза навстречу ее улыбке.

– Локон? – спросил он и, дрожа от холода, выбрался из-под одеяла.

Рваная Снасть поморщилась:

– А кто же еще? Похоже, этот тип вообще никогда не спит.

– Хотел бы я знать, что на сей раз? – Калот стоял, оглядываясь в поисках своей туники.

Чародейка наблюдала за любовником. Он был такой худой, что рядом они смотрелись очень странно. В жидком утреннем свете, который сочился сквозь брезентовые стенки шатра, его угловатая фигура смягчилась, стала детской. Для столетнего мужчины Калот отлично сохранился.

– Локон исполнял какие-то поручения Дуджека, – пояснила она. – Теперь, наверное, хочет отчитаться.

Калот хмыкнул, натягивая сапоги.

– Вот тебе кара за то, что взялась командовать отрядом чародеев, Снасть. По-моему, лучше бы ты и дальше отдавала честь Нидариану. Когда я вижу тебя, мне хочется...

– Ты бы лучше пошевеливался, Калот, – сказала Рваная Снасть. Она намеревалась произнести это шутливо, но слова прозвучали раздраженно, и Калот недовольно покосился на любовницу.

– Да что случилось-то? – тихо спросил он и нахмурился, отчего на его высоком лбу прорезались привычные морщины.

«Ну вот, снова обиделся».

Рваная Снасть вздохнула:

– Не знаю, но не зря же Локон связался с нами обоими. Будь это простой отчет, ты бы сейчас по-прежнему храпел.

Молча, ощущая, как в душе растет напряжение, оба принялись одеваться. Не пройдет и часа, как Калот сгорит в волне синего пламени, и лишь вброды откликнутся на отчаянный вопль Рваной Снасти. Но сейчас два мага просто готовились к незапланированному военному совету в шатре верховного кулака, Дуджека Однорукого.

На раскисшей от дождей тропинке рядом с палаткой Калота часовые, сгрудившись вокруг жаровни с горящим конским навозом, протягивали руки к огню. Остальной лагерь был по большей части пуст – слишком рано. Ряды серых шатров тянулись по склонам холмов, окаймляющих равнину перед Крепью.

Полковые знамена тяжело колыхались на слабом ветру – за ночь он изменил направление и теперь нес с собой вонь выгребных ям. Последняя пригоршня звезд таяла в светлеющем небе над головой. Картина казалась мирной, почти идиллической.

Рваная Снасть плотнее запахнулась в плащ, защищаясь от холода, и обернулась посмотреть на громадную гору, которая висела в небе в четверти мили над Крепью. Чародейка окинула взглядом изрезанную поверхность Семени Луны – так эта глыба называлась, сколько она, Снасть, себя помнила. Источенная, словно сгнивший зуб, базальтовая цитадель служила домом самому могущественному врагу, с которым когда-либо сталкивалась Малазанская империя. Парившее высоко над землей Семя Луны невозможно было взять приступом. Даже личная армия Ласин, т'лан имассы, которые перемещались легко, как пыль на ветру, не смогла – или же не захотела – пробиться сквозь магическую защиту крепости.

Да уж, колдуны Крепи нашли себе могущественного союзника. Рваная Снасть вспомнила, что однажды малазанцы уже пытались бодаться с таинственным повелителем базальтовой крепости, то было давно, еще во дни императора. Дело могло закончиться плохо, но Семя Луны вдруг отступило. Никто из ныне живущих не знал почему, – это был один из тысячи секретов, которые император унес с собой в подводную могилу.

Новое появление базальтовой крепости здесь, над Генабакисом, стало для всех сюрпризом. И на этот раз исчезать она явно не собиралась. Шесть легионов колдунов тисте анди под командованием военачальника по имени Каладан Бруд спустились с Семени Луны и объединили силы с наемниками из Багровой гвардии. Вместе они принудили Пятую армию Малазанской империи к отступлению и оттеснили ее на восток вдоль равнины Рхиви. На долгих четыре года потрепанная Пятая армия завязла в Чернопсовом лесу, где ей пришлось раз за разом отбивать атаки Бруда и Багровой гвардии. Это противостояние грозило погубить малазанцев.

Причем Каладан Бруд и тисте анди явно не были единственными обитателями Семени Луны. Сам владыка цитадели, переместивший ее сюда и заключивший договор с могучими чародеями Крепи, пока еще так и не появлялся.

Рваная Снасть понимала, что в бою с такими противниками у отряда малазанских магов почти нет шансов. Неудивительно, что осада затянулась, и только сжигатели мостов упорно пытались подкопаться под древние стены города.

«Останься там, в небе, – как всегда, попросила она Семя Луны. – Крутись вокруг своей оси без конца, не дай запаху крови и крикам умирающих воцариться на этих землях. Задержишься там, где ты есть».

Калот стоял рядом и ждал. Он ничего не говорил, понимая, что эта молчаливая мольба стала для нее своего рода ритуалом. Именно за это понимание, помимо всего прочего, Рваная

Снасть и любила Калота. Как друга, разумеется. Ничего серьезного – просто любовь к другу и сослуживцу. Что тут такого страшного?

– Чувствую, Локон теряет терпение, – пробормотал наконец Калот.

Она вздохнула:

– Я тоже это чувствую. Именно поэтому и не спешу.

– Понимаю, но слишком задерживаться все равно не стоит. – Он коварно улыбнулся. –

Невежливо.

– Гм, догадываюсь, о чем ты. Можно ведь натолкнуть их на определенные выводы, да?

– Ну, положим, особо подталкивать и не придется... Так или иначе, – его улыбка слегка поблекла, – нам пора.

Через несколько минут они добрались до штабного шатра. Одиноким пехотинец, который стоял на карауле у входа, нервно отдал им честь. Задержавшись, Рваная Снасть поймала его взгляд.

– Седьмой полк?

Стражник кивнул, отводя глаза.

– Так точно, чародейка. Третий взвод.

– То-то выглядишь знакомым. Передавай от меня привет Ржавому, своему сержанту. –

Она подошла поближе. – Что-то витает в воздухе, да, солдат?

Он моргнул.

– Высоко в небе, чародейка. Выше не бывает.

Рваная Снасть взглянула на Калота, который, ожидая ее, тоже не входил в шатер.

Надув щеки, Калот скорчил рожу:

– Я прямо чую жуткий запах.

Женщина поморщилась. Она заметила, что из-под железного шлема стражника градом катится пот. Часовой мог неправильно истолковать слова мага, решив, будто тот намекает, что от него разит потом. Но не объяснять же парню, что имелось в виду.

– Спасибо за предупреждение, солдат.

– Всегда, пожалуйста, чародейка. Мы ведь не чужие люди и должны помогать друг другу, – проникновенно произнес караульный и снова отсалютовал, на этот раз резче и как будто с чувством.

«Вторая армия – осколок некогда блистательной гвардии покойного императора. А ведь там до сих пор меня помнят и считают чуть ли не членом семьи. Так почему же я всегда чувствую себя среди них такой чужой?»

Рваная Снасть отсалютовала ему в ответ.

Они вошли в шатер. Чародейка сразу почувствовала присутствие силы – то, что Калот называл «запахом». У него от этого слезились глаза, а у нее – начиналась мигрень. Рваная Снасть очень хорошо знала это конкретное проявление Силы: та была совершенно противоположна ее собственной, из-за чего голова болела еще сильнее.

Шатер был перегорожен пополам. В первой его части лампы лили сумрачный, дымный свет на дюжину деревянных стульев. На походном столике у стены стояли кувшин с разведенным водой вином и шесть потускневших кубков, на которых поблескивали капли влаги.

– Худов дух, Снасть, как же я все это ненавижу! – пробормотал Калот.

Когда ее глаза привыкли к полумраку, чародейка увидела в проеме, ведущем во вторую комнату, знакомую фигуру в длинных одеяниях. Склонившись над картами, человек оперся руками о большой стол Дуджека. Пурпурный плащ колыбался волнами, хотя сам его хозяин не шевелился.

– Только его тут не хватало, – прошептала Рваная Снасть.

– Ты прямо мои мысли читаешь, – ответил Калот, вытирая глаза.

– Как ты думаешь, – спросила колдунья, когда они заняли свои места, – он просто рисуется?

Калот ухмыльнулся:

– Наверняка. Высший маг императрицы не сумеет разобраться в военной карте, даже если от этого будет зависеть его жизнь.

– А если от этого будут зависеть наши жизни? – раздался голос с ближайшего стула. – Сегодня всем придется хорошенько потрудиться.

Рваная Снасть хмуро посмотрела на сверхъестественную темноту, которой был окутан пустой стул.

– Ты ничем не лучше Тайскренна, Локон. И радуйся, что я на тебя не села.

Тускло блеснули желтые зубы, а потом появился и сам Локон, отменивший заклятие невидимости. Капельки пота выступили на покрытом шрамами лбу и выбритой макушке мага – ничего удивительного: Локон вспотел бы даже в ледяной бездне. Он чуть склонил голову набок, так что в его облике сейчас причудливым образом сочетались самодовольная отрешенность и откровенный вызов. Маленькие темные глазки всюду буравили Рваную Снасть.

– Ты ведь еще не забыла, что значит трудиться? – Его ухмылка стала шире, а сплюснутый кривой нос теперь казался совсем плоским. – Напоминаю: это то, чем ты занималась до того, как запрыгнула в постель к умнице Калоту. Прежде чем раскисла.

Рваная Снасть уже набрала полную грудь воздуха, дабы дать наглецу достойный ответ, но ее остановил неторопливый говорок Калота:

– А тебе одиноко, да, Локон? Верно ли говорят, будто маркитантки берут с тебя за интимные услуги двойную плату? – Он дернул рукой, словно отмахиваясь от неприятных мыслей. – Знаю, тебе не дает покоя то, что после гибели Нидариана в Моттском лесу Дуджек назначил командовать боевыми магами Рваную Снасть. Если тебе это не нравится – твоя беда. Но придется смириться: такова плата за двуличие.

Нагнувшись, Локон смахнул пылинку со своих атласных туфель, которые невероятным образом остались чистыми: просто удивительно, учитывая, какая грязь повсюду была в лагере.

– Слепая вера, дорогие мои соратники, – удел дураков...

Он не договорил, поскольку полог шатра откинулся и внутрь вошел верховный кулак, Дуджек Однорукий. На щеках его виднелись следы мыльной пены, оставшейся после утреннего бритья. Во все стороны начал распространяться аромат камфарной воды.

За прошедшие годы этот аромат стал очень много значить для Рваной Снасти. Он ассоциировался у колдуньи с безопасностью, стабильностью, здравомыслием. Дуджек Однорукий воплощал в себе все эти качества – и не только для нее, но и для всей армии, которая сражалась под его командованием. Когда Дуджек остановился в центре помещения и оглядел троих магов, Рваная Снасть чуть откинулась на спинку стула и, в свою очередь, посмотрела на верховного кулака из-под тяжелых век. Три года вынужденного безделья в затянувшейся осаде действовали на стареющего военачальника как чудодейственное омолаживающее средство. Хотя ему уже исполнилось семьдесят девять, он выглядел, пожалуй, лет на пятьдесят. Серые глаза остро и твердо смотрели с худого загорелого лица. Дуджек держался очень прямо, так что казался выше своих пяти с половиной футов, носил простые кожаные доспехи, которые пот разукрасил не меньше, чем имперский пурпур. Культия левой руки чуть ниже плеча была перехвачена кожаными повязками. Под шагреновыми ремешками напанских сандалий виднелись волосатые, белые как мел икры.

Калот достал из рукава носовой платок и швырнул Дуджеку. Верховный кулак ловко поймал его.

– Опять? Проклятый брадобрей! – проворчал он, вытирая с лица пену. – Клянусь, он делает это нарочно! – Дуджек скомкал платок и бросил его на колени Калоту. – Итак, все здесь.

Хорошо. Сперва обсудим текущие дела. Локон, ты успел поболтать с парнями внизу? Как там у них успехи?

Локон с трудом подавил зевок.

– Один сапер, по имени Скрипач, мне все показал. – Он сделал паузу, чтобы снять ниточку со своего парчового рукава, а потом встретился взглядом с Дуджеком. – Еще каких-нибудь шесть-семь лет, и они докопаются до городских стен.

– Это бессмысленная трата времени и сил, – сказала Рваная Снасть. – И я писала об этом в своем докладе. – Она покосилась на Дуджека. – Если, конечно, он вообще добрался до имперской канцелярии.

– Верблюд еще плывет, наверное, – заметил Калот.

Дуджек издал короткое бурчание – этот звук у него заменял смех.

– Ладно, маги, слушайте меня внимательно. На повестке дня два вопроса. – По его изборрожденному шрамами лицу пробежала тень. – Первый: императрица прислала когтей. Они сейчас в городе, охотятся на чародеев Крепи.

Волна холода скользнула вверх по позвоночнику Рваной Снасти. Мало кто чувствовал себя комфортно, когда рядом вертелись когти. У этих имперских убийц – верной гвардии Ласин – имелись отточенные и отравленные клинки для всех и каждого, включая соотечественников.

Кажется, Калот подумал примерно то же самое, потому что резко выпрямился:

– Если когти объявились здесь еще по какой-то причине, то...

– Им сперва придется иметь дело со мной, – отрезал Дуджек и положил единственную руку на эфес своего длинного меча.

«Все это говорится не для нас, а для того, кто слушает там, в соседней комнате. Дуджек сразу заявляет человеку, который командует когтями, как все обстоит. Благослови тебя Шеду-нуль, верховный кулак».

– Они залягут на дно, – сказал Локон. – Они же маги, а не идиоты.

Рваная Снасть не сразу поняла, о чем он.

«Ах да. Конечно. Маги Крепи».

Дуджек оценивающе посмотрел на Локона, а потом кивнул.

– Пункт второй. Сегодня мы атакуем Семя Луны.

При этих словах высший маг Тайскренн, находившийся в соседней комнате, повернулся и медленно двинулся к присутствующим. Темное лицо под капюшоном прорезала улыбка – мимолетная трещина среди безупречных черт гладкого лица. Впрочем, улыбка тут же пропала, и его неподвластная времени кожа снова разгладилась.

– Здравствуй, коллеги, – произнес он с издевкой и в то же время угрожающе.

Локон фыркнул:

– Давай обойдемся без спектакля, Тайскренн, так всем будет лучше.

Не обращая внимания на слова Локона, высший маг продолжал:

– Присутствие Семени Луны переполнило чашу терпения императрицы...

Дуджек склонил голову набок и перебил его тихим, хриплым голосом:

– Императрица перепугана настолько, что готова нанести удар первой – причем ударить из всех сил. Говори прямо, чародей. Перед тобой стоят твои передовые бойцы. Прояви хоть каплю уважения, Худ тебя дерит.

Высший маг пожал плечами:

– Разумеется, верховный кулак. – Он обернулся к магам. – Ваш отряд, я и еще трое высших магов в течение ближайшего часа атакуем Семя Луны. Большая часть его обитателей отсутствует – погрязла в Северной кампании. Мы считаем, что владыка Семени Луны сейчас там один. Три года само присутствие базальтовой крепости удерживало нас. Сегодня утром, коллеги, мы проверим этого владыку Семени Луны в бою и узнаем, чего он стоит.

– Будем искренне надеяться, что до сих пор он блефовал, – добавил Дуджек, нахмурившись так, что морщины на лбу залегли еще глубже. – Вопросы?

– Как скоро я могу перевестись в другую армию? – спросил Калот.

Рваная Снасть откашлялась:

– Что мы знаем о правителе Семени Луны?

– Боюсь, очень мало, – прикрыв глаза, ответил Тайскренн. – Он тисте анди, это наверняка. Архимаг.

Локон наклонился вперед и демонстративно сплюнул под ноги Тайскренну:

– И это все, что тебе известно? А тебе не кажется, высший маг, что не мешало бы сперва собрать о противнике побольше информации?

Головная боль усилилась. Рваная Снасть поняла, что задержала дыхание, и медленно выдохнула, оценивая реакцию Тайскренна на слова Локона, который бросил ему вызов.

– Он архимаг, – повторил Тайскренн. – Возможно, самый могущественный чародей среди тисте анди. А тебе, любезный Локон, – добавил он чуть более низким голосом, – давно уже пора бросить свои замашки. Что за манера – плевать на пол? Ты не у себя в Семиградье.

Локон оскалился:

– Тисте анди – первые дети Тьмы. Ты ведь наверняка почувствовал, как дрожат магические Пути, Тайскренн? Вот и я тоже. Спроси Дуджека о том, какие донесения поступают с Северного фронта. Это же древняя магия – Куральд Галейн. Владыка Семени Луны – великий архимаг, и ты знаешь его имя не хуже меня.

– Ничего такого я не знаю, – огрызнулся высший маг, окончательно потеряв терпение. – Может, *ты* просветишь нас, Локон? А уж потом я непременно выясню, из каких источников ты почерпнул подобные сведения.

– Ага! – Локон подпрыгнул на стуле, и на его напрягшемся лице отразилась откровенная злоба. – Тайскренн мне угрожает. Дожили! Лучше ответь-ка мне на парочку вопросов: почему ты берешь с собой всего лишь трех высших магов? Не настолько же нас потрепали. Более того, почему мы не сделали этого еще два года назад?

Между Локоном и Тайскренном явно назревала ссора, однако их прервал Дуджек, который что-то невнятно проворчал себе под нос, после чего сказал:

– Положение отчаянное, чародеи. Северная кампания на грани краха. От Пятой армии почти ничего не осталось, и подкрепления они не получают до следующей весны. Суть в том, что владыка Семени Луны может в любой момент перекинуть свои силы обратно. Я не желаю посылать вас в бой против тисте анди и уж точно не хочу, чтобы Вторая армия оказалась в ловушке. Это плохая тактика, и, кем бы ни был этот Каладан Бруд, он уже показал, что способен заставить нас заплатить сполна за подобные ошибки.

– Каладан Бруд... – пробормотал Калот. – Клянусь, я уже где-то слышал это имя. Странно, что не вспомнил его раньше.

Рваная Снасть прищурилась и внимательно посмотрела на Тайскренна. Калот был прав: имя военачальника, который командовал тисте анди и Багровой гвардией, ей тоже казалось знакомым, но у него был привкус древности, будто оно пришло из старинных легенд – может, даже из какой-то эпической поэмы.

Тайскренн спокойно встретил ее взгляд, словно бы он все это предвидел и просчитал заранее.

– Дискуссия закрыта, – сказал он, обернувшись к остальным, – хватит уже бессмысленных споров. Императрица отдала приказ, и мы должны подчиниться.

Локон снова фыркнул:

– Если уж дошло до выкручивания рук, – он откинулся на спинку стула, по-прежнему вызывая улыбаясь Тайскренну, – вспомни, как мы играли в кошки-мышки в Арене. От этого

плана так и смердит тобой. Ты уже давно подыскивал такую возможность. – В его ухмылке прорезалась жестокость. – Кто же тогда остальные три высших мага? Дай угадаю...

– Довольно! – Тайскренн шагнул к Локону, который вдруг замер, только глаза блестели от возбуждения.

Свет ламп померк. Калот взял с коленей платок, чтобы вытереть со щек слезы.

«Вот же проклятая сила магии, у меня сейчас голова треснет».

– Ну хорошо, – прошептал Локон, – давай выложим карты на стол. Не сомневаюсь, что верховный кулак кое-что подозревает и будет только рад, если ты слегка прояснишь ситуацию. Говори прямо, дружище, не стесняйся.

Рваная Снасть взглянула на Дуджека. Лицо командира застыло, глаза пристально буравили Тайскренна. Он над чем-то серьезно размышлял.

Калот склонился к ней:

– Да что тут такое творится, Снасть?

– Понятия не имею, – прошептала она, – но явно становится все жарче.

Чародейка попыталась произнести это небрежно, хотя мысли ее сплелись в холодный узел страха. Локон служил империи дольше, чем она, – дольше, чем Калот. Он был среди тех колдунов, которые дрались против малазанцев в Семиградье, прежде чем пал Арэн и святые фалах'ды разбежались, прежде чем ему предложили выбор – умереть или служить новым хозяевам. Локон вступил в ряды Второй армии в Пан'потсуне, – как и Дуджек, он был со старой гвардией, когда зашевелились змеи узурпации, в день, когда Дассем Ультор, первый меч империи, пал жертвой предательства и был зверски убит. Локон явно что-то знал. Но что?

– Ладно, – протянул Дуджек, – поболтали, и хватит. Пора приниматься за дело.

Рваная Снасть вздохнула. Старый Дуджек умеет вовремя сказать нужное слово. Она бросила взгляд на Однорукого. Чародейка хорошо знала его: не как друга, нет – у Дуджека не было друзей, – но в качестве лучшего военачальника империи. Если, как только что намекнул Локон, первый меч империи и впрямь пал жертвой предательства и если Тайскренн как-то в этом замешан...

«Мы – согнутая ветвь, – сказал как-то Калот о боевых магах. – И страшись, империя, того дня, когда она сломается. Призраки воинов Семиградья, побежденных, но непобедимых, вызывают к мести...»

Тайскренн подал знак ей и другим колдунам. Рваная Снасть поднялась, за ней встал и Калот. Локон остался сидеть, прикрыв глаза, словно бы уснул. Калот обратился к Дуджеку:

– Так что насчет моего перевода?

– Позже, – проворчал верховный кулак. – Когда у тебя только одна рука, вся эта возня с бумажками превращается в сущий кошмар.

Он осмотрел свой отряд чародеев и уже собирался что-то добавить, но Калот заговорил первым:

– «Аномандарис».

Глаза Локона широко распахнулись и с неприкрытым наслаждением впились в Тайскренна.

– А-а-а, – проговорил он в тишине, которая последовала за единственным словом Калота. – Конечно. Значит, еще три высших мага? Всего три?

Рваная Снасть смотрела на бледное неподвижное лицо Дуджека.

– Так называется поэма, – тихо пояснила она. – Теперь и я вспомнила.

И продекламировала:

– Каладан Бруд, по прозвищу Воевода,
менгиру подобный и зиму несущий,
в кургане лежащий и горя не знающий...

Калот подхватил следующие строки:

– ...ныне в гробнице, которая слов лишена,
Ну а в руках его, что наковальни крушили...

Рваная Снасть продолжила:

– ...молот песни его —
живет он, не просыпаясь, так дайте всем знать
безмолвно – его не будите!
Его не будите.

Когда затихли эти слова, все в шатре усталились на Рваную Снасть.

– Кажется, он проснулся, – сказала чародейка, хотя во рту у нее пересохло. – «Аномандарис», эпическая поэма Рыбака Кельтата.

– Но эта поэма не о Каладане Бруде, – нахмурившись, проговорил Дуджек.

– Да, – согласилась колдунья. – Там по большей части рассказывается о его спутнике.

Локон медленно поднялся на ноги. Он шагнул к Тайскренну.

– Аномандер Рейк, властитель тисте анди, которые суть души Беззвездной Ночи. А сам Рейк – Грива Хаоса. Вот кто такой владыка Семени Луны, а ты выставлешь против него четырех высших магов и один отряд чародеев.

На гладком лице Тайскренна теперь поблескивали капельки пота.

– Тисте анди, – проговорил он ровным голосом, – не похожи на нас. Тебе они могут показаться непредсказуемыми, но это не так. Они просто другие. У них нет собственной цели. Они всего лишь переходят от одной человеческой трагедии к другой. Ты и правда думаешь, что Аномандер Рейк останется здесь и будет драться?

– А разве Каладан Бруд отступил? – огрызнулся Локон.

– Он не тисте анди, Локон. Он человек – с примесью крови баргастов, как поговаривают, но, так или иначе, в нем нет ни древней крови, ни верности ее обычаям.

– Ты рассчитываешь, что Рейк предаст чародеев Крепи – нарушит договор, который они заключили? – предположила Рваная Снасть.

– Риск не так велик, как может показаться, – ответил высший маг. – Беллурдан кое-что выяснил в Генабарисе, чародейка. Новые свитки «Блажи Готоса» нашлись в горах за Чернопсовым лесом. В них, среди прочего, есть рассуждения о тисте анди и других народах Древней эпохи. И вспомните: Семя Луны однажды уже отступило, вместо того чтобы принять открытый бой с Малазанской империей.

Волны ужаса прокатывались по всему телу Рваной Снасти, так что даже колени задрожали. Она снова села – походный стул тяжело застонал под нею.

– Ты обрекаешь нас на смерть, – сказала чародейка, – если ошибся в расчетах. И не только нас, высший маг, ты погубишь все войско Однорукого.

Тайскренн медленно повернулся спиной к Локону и остальным.

– Я лишь исполняю приказ императрицы Ласин, – бросил он через плечо. – Наши коллеги придут сюда по магическому Пути. Когда они окажутся здесь, обговорим детали. Это все.

Размашисто шагая, он вернулся в соседнюю комнату и принял прежнюю позу, застыв над столом с картами.

Дуджек словно бы за один миг вдруг постарел. Рваная Снасть быстро отвела от него взгляд, ей было слишком больно видеть в его глазах одиночество, за которым скрывалось подозрение.

«Ну и трусиха ты, подруга, – упрекнула она себя. – Самая настоящая трусиха!»
Наконец верховный кулак откашлялся.

– Чародеи, готовьте свои магические Пути, – сказал он. – Сделка будет честной, как всегда.

* * *

«Надо отдать должное мужеству высшего мага», – подумала Рваная Снасть.

Тайскренн стоял на первом холме, почти в тени базальтовой крепости. Они разделились на три группы, и каждая заняла позицию на одном из холмов посреди равнины под стенами Крепи. Отряд чародеев расположился на самом дальнем, Тайскренн – на ближнем, а три остальных высших мага – на центральном. Рваная Снасть знала их всех. Ночная Стужа, с волосами черными, как вороново крыло, высокая и властная до жестокости – именно это ее качество так привлекало покойного императора. Рядом с ней – ее вечный спутник Беллурдан, сокрушитель черепов, великан из народа теломенов, обладающий такой неимоверной физической силой, что мог бы даже попытаться выбить ворота Семени Луны, если бы до этого дошло. И А'Каронис, повелитель пламени, низенький и кругленький, с пылающим посохом, превосходящим своей длиной копье.

Вторая и Шестая армии заняли равнину и обнажили оружие, готовые ринуться на штурм, едва лишь будет дан сигнал. Семь тысяч опытных бойцов и четыре тысячи новобранцев. Легионы черных морантов выстроились на западной гряде в четверти мили от них.

Полуденный воздух был недвижим. Над солдатами вились заметные издали рои жадных насекомых. Небо затянуло тонким, но сплошным слоем туч.

Рваная Снасть стояла на вершине холма, под одеждой по ее телу катился пот. Она смотрела на солдат на равнине, копошащихся там, внизу, под ногами маленького магического отряда. Согласно правилам, за ней должны были располагаться шестеро чародеев, из которых осталось только двое. Чуть в стороне ждал Локон, закутанный в темно-серый плащ – обычное боевое облачение, – и выглядел он весьма самоуверенно.

Калот легонько толкнул Рваную Снасть локтем и кивнул в сторону Локона:

– Чему это он так радуется?

– Эй, Локон! – позвала Рваная Снасть. Маг обернулся к ней. – Ну что, угадал ты имена трех высших магов?

Улыбнувшись, он снова отвернулся.

– Ненавижу, когда этот тип что-то скрывает, – сказал Калот.

– Он о чем-то догадывается, это наверняка, – проворчала чародейка. – Вот мне интересно, что такого особенного в Ночной Стуже, Беллурдане и А'Каронисе? Почему Тайскренн выбрал именно их – и как Локон об этом узнал?

– Вопросы, вопросы, – вздохнул Калот. – Вообще-то, все трое – опытные маги и не в таких переделках бывали. Во времена императора каждый командовал ротой адептов – в ту пору в стране еще было столько магов, что их набирали целые роты. А'Каронис выслужился во время Фаларской кампании, а Беллурдан с Ночной Стужей и того раньше – они пришли из Фенна, что на материке Квон, во время войны за объединение.

– Все трое – и впрямь опытные бойцы, – проговорила Рваная Снасть, – это ты верно подметил. Однако в последнее время никто из них не участвовал в боевых действиях. Их последний поход – тот, что был в Семиградье...

– Где А'Каронис еще получил хорошую трепку на пустоши Пан'потсун...

– Он тогда остался один – императора только что убили. Все погрузилось в хаос. Т'лан имассы отказались признать новую императрицу и двинулись в Яг-одан.

– Говорят, вернулась их от силы половина – с кем бы они там ни столкнулись, встреча была неприятная.

Рваная Снасть кивнула:

– Ночную Стужу и Беллурдана отправили в Натилот, где они и сидели без дела последние шесть или семь лет...

– Пока Тайскренн не послал теломена в Генабарис, чтобы разобрать какие-то там древние свитки.

– Мне страшно, – призналась Рваная Снасть. – Очень страшно. Ты видел лицо Дуджека? Он что-то понял – и это было для него как кинжал в спину.

– Пора работать! – крикнул Локон.

Калот и Рваная Снасть обернулись. Чародейка оторопела. Последние три года Семя Луны равномерно вращалось вокруг своей оси. Но сейчас вдруг остановилось. У самой вершины напротив них на небольшом выступе открылась ниша. Проход. Пока там было пусто. Но только пока.

– Он знает, – прошептала Рваная Снасть.

– И бежать вовсе не собирается, – добавил Калот.

Внизу, на первом холме, высший маг Тайскренн поднялся и развел руки в стороны. Волна золотого пламени разлилась между его ладонями, а потом покатилась вверх, разрастаясь по пути к Семени Луны. Заклятие врезалось в черный камень, во все стороны полетели обломки, которые затем посыпались вниз. Смертельный град обрушился на город Крепь и на малазанские легионы на равнине.

– Началось, – выдохнул Калот.

Ответом на первую атаку Тайскренна была тишина, если не считать слабого рокота камней, скользивших по черепичным крышам, и далеких криков раненых солдат на равнине. Все взгляды устремились вверх.

Ответ оказался неожиданным для всех.

Черная туча окружила Семя Луны, а затем послышались пронзительные крики. В следующий миг туча проредилась, рассыпалась, и Рваная Снасть поняла, что это такое.

Вороны.

Тысячи и тысячи великих воронов. Они, должно быть, гнездились в расселинах и выбоинах на поверхности Семени Луны. Их карканье постепенно стало громче, обернувшись дикой какофонией ярости. Они разлетелись в стороны от базальтовой крепости, раскинув огромные семифутовые крылья, поймали ветер и вознеслись высоко над городом и равниной.

Страх в сердце Рваной Снасти переплавился в ужас.

Локон хрипло расхохотался и обернулся к ним.

– Это посланцы Семени Луны, дорогие коллеги! – В его глазах плясало безумие. – Птицы-падальщики! – Он отбросил плащ и поднял руки. – Вообразите себе господина, который может накормить аж тридцать тысяч великих воронов!

На уступе возле прохода появилась фигура; она вскинула руки, а ветер разметал серебристые волосы.

«Вот он, Аномандер Рейк, Грива Хаоса. Властитель чернокожих тисте анди, который видел сто тысяч зим и пробовал кровь драконов; тот, что правит последними своими соплеменниками, сидя на престоле Скорбей, в королевстве обреченном и волшебном, лишенном своей собственной земли».

Аномандер Рейк казался крохотным на фоне цитадели, почти незаметным с такого расстояния. Но эта иллюзия вскоре рассыпалась. Чародейка ахнула, когда аура его силы хлынула во все стороны.

«Вот это да: ее видно даже отсюда...»

– Открывайте свои магические Пути! – срывающимся голосом приказала Рваная Снасть. – Живо!

Пока Рейк еще собирался с силами, два шара голубого пламени взлетели с центрального холма. Они врезались в Семя Луны у основания, и цитадель вздрогнула. Тайскренн выпустил еще одну волну золоченого огня, увенчанную янтарной пеной и красноватыми языками дыма.

Владыка Семени Луны ответил незамедлительно. Темная бурлящая лавина скатилась на первый холм. Высший маг рухнул на колени, но все же отразил ее, хотя холм почернел, когда умертвляющая сила прокатилась вниз по склонам и окутала ближайшие ряды солдат. Рваная Снасть видела, как плоть полуночи поглотила беспомощных людей, а потом раздался грохот, который отдался в земле под ногами. Когда мгла растаяла, солдаты остались лежать сгнившими грудями, словно скошенные стебли пшеницы.

«Да это же чародейство Куральд Галейн. Древняя магия, Дыхание Хаоса».

Ее собственное дыхание участилось, грудь сжало: это в нее устремилась сила Тира, ее магического Пути Света. Рваная Снасть придала ему форму, прошептав особые сплетающие слова, а потом высвободила силу. Калот последовал ее примеру, черпая из Мокры, своего магического Пути. Локон погрузился в собственный таинственный источник, и весь отряд вступил в бой.

С этого момента все смешалось в глазах Рваной Снасти, но какая-то ее часть, дрожа на привязи ужаса, продолжала словно бы со стороны наблюдать за размытыми картинками происходящего.

Мир превратился в оживший кошмар: магия взмывала и впивалась в Семя Луны, магия струилась вниз и губила все и вся без разбора. Земля вставала на дыбы и устремлялась к небу грохочущими колоннами. Скалы катились по рядам солдат, как раскаленные камни по снегу. С неба сыпались хлопья пепла и покрывали равно живых и мертвых. Небо стало бледно-розовым, а солнце за морокком поблекло и превратилось в медный диск.

Она видела, как волна магии все-таки пробилась сквозь защиту Локон и разрубила его пополам. В вопле мага звучала скорее ярость, чем боль, но крик мгновенно стих, когда убийственная сила накатилась на Рваную Снасть. Чародейка чувствовала, как ее защита тает под холодной, неистово вопящей волей чар, что стремились ее уничтожить. Она покачнулась, отшатнулась – и выстояла только потому, что Калот добавил силу Мокры к ее слабющему щиту. А потом волна прошла мимо, покатила влево от них по склону холма.

Рваная Снасть упала на колени. Калот стоял рядом и сплетал вокруг нее слова силы, но не смотрел на Семя Луны, его взгляд впился во что-то внизу, на равнине. Глаза мага широко раскрылись от ужаса.

Рваная Снасть слишком поздно поняла, что происходит. Калот спас подругу ценой своей жизни и уже видел, как на него накатывается его собственная смерть. Мага окутала вспышка яркого пламени. Сеть защиты вокруг Рваной Снасти внезапно исчезла. Поток трескучего жара, исходившего от того места, где стоял Калот, повалил ее на бок. Чародейка скорее почувствовала, чем услышала, собственный крик, и моментально ушло чувство отстраненности, а с ним рассыпались и последние защитные барьеры, воздвигнутые в ее душе.

Сплюнув пыль и пепел, Рваная Снасть поднялась на ноги и больше уже не атаковала сама, а только прилагала все силы к тому, чтобы остаться в живых. Где-то у нее в голове отчаянно и настойчиво кричал голос: «Калот смотрел на равнину, а не на Семя Луны – он смотрел направо! Локон поразили чары с равнины!» Она увидела, что рядом с Ночной Стужей возник демон-кенрилл'ах. С пронзительным хохотом огромное существо разорвало Ночную Стужу на куски и уже начало пожирать ее останки, когда подоспел Беллурдан. Теломен страшно взвыл, когда демон полоснул изогнутыми когтями по его груди. Не обращая внимания на раны и хлещущую из них кровь, Беллурдан обхватил ладонями голову демона и раздавил ее.

А'Каронис выпускал из своего посоха один сгусток огня за другим, пока Семя Луны почти не скрылось в языках пламени, но потом призрачные крылья льда сомкнулись вокруг низенького толстого чародея и заморозили его на месте. Уже в следующий миг его фигура рассыпалась в пыль.

Магия неустанно бушевала вокруг Тайскренна, который стоял на коленях на вершине измолотого чарами, почерневшего холма. Но каждую новую волну он отбивал в сторону, и они несли смерть и опустошение войскам на равнине. Громче чародейской бури в воздухе, громче пронзительных криков невидимых за пеплом великих воронов, громче рокота падающих скал и воплей умирающих и раненых, громче жутких воплей демонов, которые набросились на солдат, – громче всего, перекрывая все это, неумолчно рокотал напор высшего мага. Огромные куски камня отрывались от Семени Луны и, объятые пламенем и дымом, падали на Крепь, превращая город в кипящий котел хаоса и смерти.

Уши чародейки заложило, и все тело дрожало так, будто сама плоть судорожно пыталась вздохнуть. Рваная Снасть не сразу поняла, что колдовская буря стихла. Даже голос, который кричал в глубине ее сознания, замолк. Она подняла затуманенные глаза и увидела, что Семя Луны, укрытое дымом и пылающее сквозь дюжину трещин на своей изуродованной поверхности, медленно удаляется, отступает. Потом оно оказалось уже за городом, кренясь набок и вращаясь с видимым трудом. Базальтовая крепость направилась на юг, в сторону далеких Тахлинских гор.

Рваная Снасть оглянулась: она смутно припоминала, что отряд солдат искал прибежища на изрытой вершине холма. Открывшаяся глазам картина поразила ее так, что чародейка потяряла последние силы к сопротивлению. От солдат не осталось ничего, кроме доспехов. «Мы ведь не чужие люди и должны помогать друг другу», – вспомнился ей караульный. Рваная Снасть судорожно всхлипнула, а потом перевела взгляд на первый холм.

Тайскренн лежал на земле, но был жив. Полдюжины пехотинцев взобралось по склону холма и окружило высшего мага. Вскоре его унесли.

Большая часть одежды Беллурдана сгорела, а кожу его покрывали багровые ожоги, но он оставался на центральном холме: собирал по кускам тело Ночной Стужи, страшно, по-звериному, завывая от отчаяния. Эта ужасная картина разрывала сердце Рваной Снасти, словно бы по нему стучали раскаленным молотом. Чародейка быстро отвернулась.

– Будь ты проклят, Тайскренн!

Крепь пала, но какой ценой! За это заплатили жизнями четыре мага и множество солдат из войска Дуджека Однорукого. Легионы черных морантов пришли в движение только теперь. Рваная Снасть скрипнула зубами, ее пухлые губы сжались в тонкую линию и побелели. Нечто странное шевелилось в ее памяти: почему-то чародейка была уверена, что эта сцена еще не сыграна до конца.

Ничего, она подождет.

* * *

«Пути магии лежат по ту сторону сущего. Найди врата и приоткрой их хоть на волос. Что вытечет наружу – твое, придавай ему форму. – Эти слова сопровождали Рваную Снасть, когда она много лет назад, совсем еще юной девушкой вступила на тропу чародейства. – Откройся тому Пути, который придет к тебе, найдет тебя сам. Черпай его силу – столько, сколько смогут вместить твои тело и душа. Но помни: когда тело ослабеет, врата закроются».

Руки и ноги болели. Рваная Снасть чувствовала себя так, словно последние два часа кто-то безжалостно молотил ее палкой. И меньше всего она ожидала горьковатого привкуса на кончике языка: то был верный знак, что на холм пришло нечто жуткое и очень злобное. Как правило, подобное предупреждение могло явиться чародею, только если врата открыты, а сила

беспрепятственно струится по магическому Пути. Она слышала об этом от других магов и сама читала в заплесневелых свитках: в подобные мгновения на смертную землю сходит кто-то из богов.

Но кто бы это мог быть? Учитывая, что сегодня случилось, наиболее подходящим из всех, безусловно, был Худ, бог Смерти. Но интуиция подсказывала Рваной Снасти: нет, это не так. Тут явно происходит нечто другое. Может, дело вовсе даже и не в боге, а в человеке? Чародейка никак не могла определить, кто из окружавших ее людей представлял опасность, и это ее злило. Взгляд невольно возвращался к странной девушке. Но та застыла с отсутствующим видом, словно бы все происходящее несколько ее не занимало.

Наконец внимание колдуньи привлекли голоса за спиной. Сержант Скворец стоял рядом с Быстрым Беном и вторым солдатом, которые склонились над Локоном. Быстрый Бен сжимал в руке какой-то продолговатый предмет, завернутый в шкуру, и смотрел на сержанта снизу вверх так, словно бы просил у него разрешения.

Между двумя мужчинами ощущалось явное напряжение. Рваная Снасть нахмурилась и подошла ближе.

– Что ты делаешь? – спросила она Быстрого Бена, глядя на предмет, который тот держал в изящных, почти как у женщины, руках.

Чародей словно бы и не слышал ее, впившись глазами в сержанта. Зато Скворец бросил на нее быстрый взгляд.

– Ладно, Бен, давай, – проворчал он, а потом отошел и остановился у склона холма, глядя на запад, туда, где возвышались Морантские горы.

Аскетичное, с тонкими чертами лицо Быстрого Бена напряглось. Он кивнул своему спутнику:

– Готовься, Калам.

Солдат, которого называли Каламом, присел на пятки и спрятал руки в рукавах. Эта поза казалась странным ответом на слова Быстрого Бена, однако маг, судя по всему, остался доволен. Рваная Снасть увидела, как он положил тонкую, паучью ладонь на дрожащую, залитую кровью грудь Локона. Прошептав несколько сплетающих слов, Бен закрыл глаза.

– Похоже на заклятие Денула, – заметила Рваная Снасть, глядя на неподвижного Калама. – Впрочем, не совсем, – медленно добавила она. – Он его как-то странно изменил.

Но потом чародейка замолчала: ей пришло в голову, что Калам очень похож на готовую к броску кобру. И его, пожалуй, легко спровоцировать: достаточно будет пары опрометчивых слов либо неосторожного движения в сторону Быстрого Бена или Локона. Калам выглядел грузным, неловким, но она помнила, с какой легкостью он проплыл мимо нее.

«Вот уж и вправду змей. Этот человек – профессиональный убийца, который достиг высочайшего уровня мастерства в искусстве смерти. Это уже не просто ремесло, но призвание, ему нравится убивать».

Чародейка невольно задалась вопросом: уж не он ли источник того неведомого присутствия, тихого обещания угрозы, которое окутывало ее почти сладострастным маревом? Рваная Снасть вздохнула. Ну и денек сегодня.

А Быстрый Бен снова затянул сплетающие слова: на этот раз он произносил заклятие над продолговатым предметом, который уже лежал рядом с Локоном. Она видела, как выходящая сила опутала этот предмет, наблюдала, как маг водит длинными пальцами по швам на шкуре, – и начинала понимать, что происходит. Он полностью контролировал поток энергии. Быстрый Бен был значительно более искусным магом, чем она сама. Этот человек открыл некий магический Путь, который Рваная Снасть даже не смогла опознать.

– Да кто вы вообще такие? – прошептала женщина, делая шаг назад.

Глаза Локона широко открылись, в них не было ни следа боли либо потрясения. Он нашел взглядом чародейку, и на его разбитых губах заиграла легкая улыбка.

– Утраченное магическое искусство, Снасть. То, что ты сейчас увидишь, не практиковали уже тысячу лет. – Впрочем, потом лицо Локона потемнело, а улыбка поблекла. Что-то вспыхнуло в его глазах. – Вспоминай, женщина! Я и Калот. Когда нас накрыло волной, что ты увидела? Ты ведь почувствовала нечто странное, да? Давай думай! Посмотри на меня! Взгляни на мою рану, обрати внимание на положение моего тела! Почему я упал именно так? Куда я смотрел, когда пришла волна?

Она распознала в глазах умирающего огонь – ярость, смешанную с триумфом.

– Я не до конца уверена, – медленно проговорила Рваная Снасть. – Но пожалуй, да, что-то такое я и впрямь почувствовала.

Та часть ее сознания, которая во время битвы холодно и отрешенно наблюдала за происходящим со стороны, внезапно дала о себе знать. Колдунья вспомнила тот момент, когда погиб Калот, и в голове ее раздался громкий крик: «А ведь смертоносная атака пришла с равнины!»

Прищурившись, она посмотрела на Локона.

– Ну что, сообразила? – спросил тот.

– Аномандер Рейк вообще не целился. Он разил всех без разбора. А те волны были *прицельными*. Они прикатились с другой стороны. – Рваная Снасть задрожала. – Стало быть, за всем этим стоит Тайскренн. Но почему он это сделал? С какой стати ему так поступать?

Локон поднял изуродованную руку, вцепился в плащ Быстрого Бена и кивнул в сторону чародейки:

– Используй ее, маг. Я бы на твоём месте рискнул.

Мысли лихорадочно крутились в голове Рваной Снасти: «Дуджек посылал Локона в тоннели. А Скворец и его взвод были там, внизу. Вот, значит, когда они обо всем договорились».

– Локон, да что происходит? – требовательно спросила она, чувствуя, что вся окаменела от страха. – Что значит «использовать» меня?

– Женщина, протри глаза! Неужели так трудно догадаться обо всем самой?

– Тихо, – велел Быстрый Бен.

Он положил сверток на развороченную грудь мага, так что верхний конец его оказался у Локона под подбородком, а нижний выступал на несколько дюймов за обрубок торса. По неподвижной поверхности шкуры безостановочно плясала паутина черной энергии.

Быстрый Бен поводил рукой над предметом, и паутина растеклась в стороны. Блестящие черные нити выписывали хаотические узоры по всему телу Локона, пронзали его насквозь, рисунок постоянно менялся – все быстрее и быстрее. Локон судорожно дернулся, выпучив глаза, а потом уронил голову. Дыхание вырвалось из его легких с долгим шипением. А затем оно с влажным бульканьем стихло.

Быстрый Бен присел на корточки и оглянулся на Скворца. Теперь сержант смотрел на них с непроницаемым выражением лица.

Рваная Снасть утерла пот со лба закопченным рукавом.

– Стало быть, не получилось, – констатировала она. – Ты не смог сделать то, что пытался.

Быстрый Бен встал на ноги. Калам поднял сверток и шагнул к Рваной Снасти. Убийца сверлил ее лицо острым взглядом темных глаз.

– Держи, чародейка, – сказал Быстрый Бен. – Отнеси это в свой шатер и только там разверни. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы это увидел Тайскренн. Ну же, бери!

Рваная Снасть нахмурилась:

– Еще чего не хватало! – Она посмотрела на сверток. – Я ведь даже не знаю, что вы мне такое суετε. И в любом случае мне все это не нравится.

И тут у нее за спиной раздался резкий, возмущенный голос девушки:

– Что ты сейчас сотворил, маг? Я почувствовала, как ты специально не подпускал меня. Это нечестно!

Рваная Снасть обернулась к девушке, а потом бросила взгляд на Быстрого Бена. Да что же это такое? Лицо чернокожего мага было непроницаемым, однако она успела заметить в глазах его некий странный проблеск. Проблеск, похожий на страх.

Но тут вмешался Скворец.

– Не слишком ли много для новобранца ты себе позволяешь? – суровым голосом осведомился он.

Темные глаза девушки скользнули к сержанту. Она пожала плечами и молча отошла.

Калам протянул сверток Рваной Снасти.

– Ответы... – тихо произнес он. Плавный мелодичный выговор выдавал в нем уроженца Семиградья. – Ответы нужны всем нам, чародейка. Высший маг убил твоих товарищей. Взгляни на нас. Мы – все, что осталось от сжигателей мостов. Ответы не так-то просто... получить. Ты готова заплатить за них?

Бросив последний взгляд на столь жестоко изувеченное тело Локона, на его остекленевшие глаза, Рваная Снасть приняла сверток. Он показался ей очень легким. В шкуру завернули что-то небольшое и... подвижное, это чувствовалось даже на ощупь. Она посмотрела в суровое лицо убийцы.

– Я хочу, – медленно сказала она, – чтобы Тайскренн получил по заслугам.

– Тут наши желания совпадают, – улыбнулся Калам. – Ну что, с этого и начнем?

У Рваной Снасти что-то сжалось в животе от этой улыбки.

«Ох, подруга, во что же ты ввязалась?»

Она вздохнула и кивнула:

– Договорились.

Уже повернувшись, чтобы спуститься по склону в лагерь, Рваная Снасть перехватила взгляд девушки. По ее телу прокатилась волна холода. Чародейка остановилась.

– Эй, новобранец, – позвала она. – Как тебя зовут?

– Жаль. Меня зовут Жаль. – И девчонка улыбнулась так, словно это была какая-то шутка, понятная лишь избранным.

Рваная Снасть хмыкнула. Да уж, вполне подходящее имячко. Она сунула сверток подмышку и медленно заковыляла вниз по склону.

* * *

Сержант Скворец пнул ногой шлем и проследил за тем, как тот, кувыркаясь и подпрыгивая, скатился с холма. Затем командир резко развернулся и уставился на Быстрого Бена:

– Готово?

Маг быстро взглянул на Жаль, а потом кивнул.

– Ты привлекаешь к нам ненужное внимание, – сказала Скворцу девушка. – Высший маг Тайскренн заметит.

Сержант приподнял бровь:

– Ненужное внимание? Ты на что это намекаешь?

Однако Жаль не удостоила его ответа.

Сержант хотел было выругаться, но успел вовремя прикусить язык. Как там назвал эту девицу Скрипач? «Жутковатая сучка». Он бросил ей это прямо в лицо, а Жаль только посмотрела на него своими каменными, мертвенными глазами. Скворцу пришлось признать, что хотя сапер и выразился довольно грубо, однако в данном случае лучше и не скажешь. Хуже всего, что эта пятнадцатилетняя соплячка чуть не до потери сознания пугала Быстрого Бена, но маг наотрез отказывался об этом говорить. Что же за подарочек подбросило ему командование?

Скворец перевел взгляд на Рваную Снасть. Она шла внизу по полю боя. Вбóроны с криками взлетали у нее из-под ног и кружили над головой, оглашая равнину тревожным и испу-

ганным карканьем. Сержанту стало не по себе; хорошо, что рядом Калам, на которого всегда можно положиться.

– Худов дух! – пробормотал Скворец. – Эти птицы, кажется, вообразили, что чародейка – просто ужас во плоти.

– Не в ней дело, – возразил Калам, – а в том, что она несет.

Скворец прищурился и поскреб бороду:

– Зря мы вообще ввязались в эту историю. Ты уверен, что это необходимо?

Калам пожал плечами.

– Скворец, – откликнулся у него за спиной Быстрый Бен, – только вспомни, как нас мариновали в тоннелях. Думаешь, высший маг не знал, к чему все идет?

Сержант обернулся к чародею. В дюжине шагов от них стояла Жаль, ей наверняка все было хорошо слышно. Скворец поморщился, однако ничего не сказал.

После недолгого, но тягостного молчания сержант перевел взгляд на город. Последние легионы морантов входили под арку Западных ворот. Из-за истерзанных стен поднимались столбы черного дыма. Скворец знал кое-что о жестокой вражде между морантами и жителями Крепи, некогда вольного города. Два этих народа вели вечные свары за торговые пути и всегда были готовы вцепиться друг другу в глотку. Борьба шла с переменным успехом, но Крепь побеждала гораздо чаще, чем проигрывала. А вот теперь облаченные в черную броню воины из-за западных гор, бойцы, которые скрывали лица за хитиновыми забралами шлемов и переговаривались на странном, щелкающе-жужжащем языке, наконец-то получили возможность взять реванш. Сквозь громкое карканье падальщиков чуть слышно зазвучали вопли горожан: мужчин, женщин и детей, предаваемых мечу.

– Похоже, императрица сдержала данное морантам слово, – тихо произнес Быстрый Бен. – Час отмщения настал. Не думал я, что Дуджек...

– Дуджек получает приказы, которые вынужден исполнять, – отрезал Скворец. – И у него на шее сидит высший маг.

– Час отмщения настал, – повторил Калам. – Сейчас такая бойня начнется, а нам потом за ними убирать.

– Только не нашему взводу, – сказал Скворец. – Мы получили новый приказ.

Оба солдата изумленно уставились на своего командира.

– И ты еще сомневаешься, что нас решили уничтожить? – возмутился Быстрый Бен. – Да они же нас буквально в землю загоняют. Наверняка хотят, чтобы...

– Хватит! – рявкнул Скворец. – Сейчас не время болтать. Калам, найди Скрипача. Нужно забрать снаряжение у морантов. Бен, собери остальных и возьми с собой Жаль. Встречаемся через час у шатра верховного кулака.

– А ты? – спросил Быстрый Бен. – Что собираешься делать ты?

Сержант услышал в голосе чародея плохо скрытую надежду. Ему нужна была поддержка или, может, подтверждение того, что они поступают правильно. Только вот поздно, слишком поздно. И все равно Скворец почувствовал укол сожаления: он не мог дать Быстрому Бену то, чего тот так хотел. Не мог сказать ему, что все наладится, все будет хорошо. Скворец присел на корточки, глядя на Крепь.

– Что намерен делать я? Хочу хорошенько подумать, Быстрый Бен. Я внимательно выслушал и тебя, и Калама, и Колотуна, и Скрипача. И даже Ходок умудрился прожужжать мне все уши. А теперь я хочу как следует все обмозговать. Так что отставь меня в покое, чародей. Делай, что велят, и эту проклятую девчонку заberi с собой.

Быстрый Бен недовольно поморщился, но отступил. Слова Скворца явно пришлись ему не по душе, – возможно, он даже обиделся.

Ну и пусть. Сержант слишком устал, чтобы беспокоиться об этом. Ему нужно было обдумать новый приказ, который он получил. Будь Скворец религиозным человеком, он пролил бы

несколько капель крови в чашу Худа, чтобы воззвать к теням своих предков и получить ответ. До чего же тяжело было у него на душе: солдаты его взвода подозревали, что кто-то в империи желал погубить всех сжигателей мостов, и Скворец склонен был разделять их опасения, хотя, пожалуй, не признался бы в этом даже самому себе.

Крепь осталась позади – ночной кошмар, который пеплом осел на языке. Впереди их ожидало новое назначение: легендарный город Даруджистан. Скворца терзало смутное предчувствие того, что вот-вот начнется очередной ужас.

* * *

А тем временем в лагере, у склона последнего из голых холмов, нагруженные ранеными солдатами повозки загрохотали узкие дорожки между рядами шатров. Всюду царили неразбериха и смятение, воздух дрожал от криков и стонов, в которых звучали боль и ужас. Рваная Снасть шагала мимо выживших воинов, перепрыгивала через лужи крови в колеях, а затем взгляд ее невольно задержался на куче ампутированных конечностей рядом с шатром полевого хирурга – ох и жуткое зрелище! Из обширного лабиринта шатров и временных лачуг марки-тантов раздавался вой – нестройный хор тысяч голосов служил леденящим напоминанием о том, что война всегда несет горе.

А в трех тысячах миль отсюда, в Унте, в военном штабе имперской столицы, какой-нибудь безвестный писарь вычеркнет красными чернилами Вторую армию из списка действующего состава, после чего припишет рядом мелким почерком: «Крепь, конец зимы, 1163 год Сна Огни». Так будет отмечена смерть девяти тысяч мужчин и женщин. А потом их и вовсе предадут забвению.

Рваная Снасть скривилась. А вот некоторые никогда не забудут того, что случилось сегодня. Сжигатели мостов явно подозревают неладное. Мысль о том, чтобы открыто выступить против Тайскренна, зрела в ее душе, подогреваемая яростью: ведь высший маг предал их, это из-за него погиб Калот. Но Рваная Снасть решила не давать воли эмоциям и прислушаться к голосу разума. Колдовская дуэль с высшим магом империи отправит ее напрямик к воротам Худа. Праведный гнев до добра не доведет. Недаром говорил покойный Калот: «Сколько кулаками ни размахивай, а мертвецы от этого не воскреснут».

С тех пор как Рваная Снасть перешла на службу к Малазанской империи, она видела слишком много смертей, но, по крайней мере, они были не на ее совести. Теперь все обстояло иначе, и этого ей хватит надолго.

«Я уже не та, что прежде. Я двадцать лет пыталась смыть с рук кровь».

Однако перед глазами чародейки снова и снова вставала груда пустых доспехов на вершине холма, и эта картина разрывала ей сердце. Эти люди бежали к ней – именно к ней! – в надежде найти защиту от творящихся на равнине ужасов. То была отчаянная попытка, они были обречены на гибель, но Рваная Снасть их понимала. Ведь Тайскренну на них плевать, а ей – нет. Она была одной из них. В прежних битвах эти солдаты дрались как бешеные собаки, чтобы не позволить вражеским легионам убить ее. Но здесь была война магов. Ее территория. «Мы ведь не чужие люди и должны помогать друг другу». Вторая армия всегда славилась взаимовыручкой. Именно это и сделало ее легендарным легионом. Солдаты ждали от Рваной Снасти помощи и имели на это полное право. Они пришли к ней за спасением. И погибли. Чародейка не оправдала их доверия.

«А если бы я тогда пожертвовала собой? С помощью своего магического Пути защищала их, а не спасала собственную шкуру?» Сегодня она выжила благодаря инстинкту самосохранения. Альтруисты на войне гибнут первыми.

«Быть живой, – решила Рваная Снасть, подходя к своему шатру, – совсем не то же самое, что радоваться жизни».

Она тяжело вздохнула, вошла внутрь и закрыла за собой полог, а потом остановилась и осмотрела свои пожитки. Вещей накопилось удивительно мало – это за двести-то девятнадцать лет. Дубовый сундук, в котором лежала ее книга по магии Тира, был по-прежнему надежно запечатан защитными чарами; небольшой набор алхимической посуды и инструментов валялся на столике рядом с ее койкой, словно игрушки, брошенные детьми.

Средихлама лежала Колода Драконов – Фатид. Взгляд чародейки задержался на гадательных картах, прежде чем двинуться дальше. Любопытно, что этот сундук, алхимические инструменты и вся одежда выглядели так, будто принадлежали не ей, а кому-то другому: более молодой женщине, еще не чуждой тщеславия. И только Фатиду Рваная Снасть улыбнулась, словно старому другу.

Чародейка подошла к столу, рассеянно положила сверток, который ей дал Калам, и вытащила из-под стола табурет. Потом села и потянулась к Колоде Драконов, но задержала руку.

Вот уже несколько месяцев что-то останавливало ее от гадания на картах. Наверное, смерть Калота можно было предсказать, однако, видимо, все это время она подсознательно этого боялась. Боль и страх всегда были спутниками Рваной Снасти, именно они сформировали ее душу, однако дни, проведенные вместе с Калотом, наполнили жизнь чародейки светом, счастьем, свободой. Ну что же, должны быть у нее хоть какие-то радости.

– Что, снова струсила, не захотела взглянуть судьбе в лицо? – с горечью пробормотала Рваная Снасть и почувствовала, что вот-вот возненавидит себя.

Прежние демоны вернулись к ней и потешались над крахом ее иллюзий.

«Ты уже однажды отказалась взять в руки Колоду Драконов – в ночь перед тем, как Танцор и человек, который впоследствии основал Малазанскую империю, пробрались в Паяцев замок и перерезали горло его хозяину – твоему любовнику. А теперь история повторяется. Ну же, будь честной сама с собой. Ты ведь не станешь отрицать, что есть в этом некая закономерность?»

От воспоминаний, которые она считала давно похороненными, на глаза навернулись слезы. Рваная Снасть часто заморгала и посмотрела на Колоду Драконов.

– Ну что, старая подруга, хочу ли я, чтобы ты поговорила со мной? Или же слепая вера – это удел исключительно глупцов?

Краем глаза чародейка заметила какое-то движение. Внутри свертка что-то зашевелилось. Тут и там кожа приподнималась. Рваная Снасть пораженно смотрела на сверток. Потом, затаив дыхание, взяла его, положила перед собой, вытащила из ножен у пояса небольшой кинжал и начала осторожно разрезать швы. Предмет внутри замер, словно ждал результата ее усилий. Наконец она откинула отрезанный кусок кожи.

– Привет, Снасть, – произнес знакомый голос.

Широко раскрытыми глазами колдунья смотрела, как из свертка выбирается деревянная кукла в ярко-желтой шелковой одежде. На круглом лице были краской нарисованы знакомые черты.

– Локон?!

– Рад тебя снова видеть, – проговорила кукла, поднимаясь на ноги. Она зашаталась и раскинула искусно вырезанные руки, чтобы удержать равновесие. – Все-таки получилось, – констатировал Локон, сдергивая шляпу, и даже умудрился неуклюже поклониться. – Душа переселилась вполне благополучно.

– Переселение душ! Но это искусство было утрачено столетия назад! Даже Тайскренн... – Женщина замолкла и плотно сжала губы. Ее мысли неслись вскачь.

– Об этом поговорим позже, – заявил Локон и сделал несколько шагов, а потом склонил голову, чтобы осмотреть свое новое тело. – Ну что ж, – вздохнул он, – глупо капризничать, не так ли? – Кукла подняла нарисованные глаза на чародейку. – Ты должна навестить мой шатер,

прежде чем до этого додумается Тайскренн. Мне нужна моя книга. Ты теперь тоже в деле. Назад дороги нет.

– В каком еще деле?

Локон не ответил, но наконец-то отвел от нее свой жутковатый взгляд. Он опустил на колени:

– Я, кажется, чую Колоду Драконов.

По телу Рваной Снасти потекли ручейки пота. Локон и раньше выводил ее из равновесия, но это уже чересчур... Она чувствовала запах собственного страха. Чародейка была рада уже тому, что он хотя бы не пялится на нее. Это один из древних магических Путей, Куральд Галейн, если легенды не лгут. Магия смертоносная, жестокая, дикая и древняя. Сжигатели мостов славились своей отвагой, но ходить по столь близким к Хаосу Путям – это чистое безумие. Разве что они вконец отчаялись.

Тут почти помимо воли Рваной Снасти открылся Тир, ее собственный магический Путь Света, и сила наполнила усталое тело. Чародейка впилась глазами в карты.

Локон, видимо, почувствовал, что с ней происходит.

– Рваная Снасть, – прошептал он с ноткой веселья в голосе. – Давай, Фатид зовет тебя. Прочти то, что должно прочесть.

Скрепя сердце Рваная Снасть потянулась к Колоде Драконов и сама испугалась той волны восторга, которая при этом вскипела в ее душе. Чародейка видела, как задрожала рука, опустившись на колоду. Снасть медленно перетасовала ее, чувствуя, как прохлада лакированных деревянных карт просачивается сперва в кончики пальцев, а затем поднимается вверх.

– Я чувствую, что там уже бушует буря, – сказала она, положив колоду на стол.

В ответ Локон только расхохотался, вызывая и злобно:

– Первый Дом направит путь. Ну же, не мешкай!

Она перевернула верхнюю карту и задержала дыхание:

– Рыцарь Тьмы.

Локон вздохнул:

– Владыка Ночи правит этой игрой. Ну разумеется.

Рваная Снасть рассматривала нарисованную фигуру. Лицо, как обычно, оставалось смазанным; Рыцарь был обнажен, его кожа – черна как смоль. Выше пояса он выглядел как мускулистый мужчина, занесший над головой черный двуручный меч, от которого тянулись, исчезая позади, во тьме, призрачные дымчатые цепи. Нижняя часть его тела была драконьей, черная чешуя бледнела и на брюхе становилась серой. Как всегда, чародейка увидела кое-что новое, чего никогда не замечала раньше, нечто связанное с тем, что происходило именно сейчас. Во тьме над головой Рыцаря висела некая фигура: она уловила эту тень уголком глаза, и та тотчас пропала, когда гадалка сфокусировала взгляд.

«Конечно, ты же никогда так легко не открываешь правду, да?»

– Бери вторую карту! – торопил ее Локон, присевший рядом на столешнице.

Чародейка перевернула вторую карту:

– Опонны.

Двуликие Шуты Удачи.

– Ах, Худ их побери, вечно они влезают! – проворчал Локон.

«Посмотрим, как именно лежит эта двойная карта. Ага, женщина занимает прямую позицию, а ее брат-близнец перевернут вверх тормашками. Значит, цепь удач, чередой успехов. Выражение лица Госпожи было мягким, дружелюбным: ну-ну». И тут пристальное внимание Рваной Снасти привлек любопытный нюанс. Прежде она такого не замечала: там, где правая рука Господина касалась левой руки Госпожи, между их ладонями виднелся крошечный серебряный диск. Чародейка наклонилась поближе и прищурилась. Да это же монета с изображе-

нием мужской головы. Она моргнула. Нет, все-таки женской. А теперь опять мужской... и снова женской. Колдунья резко откинулась назад. Монета вращалась!

– Давай уже дальше! – потребовал Локон. – Чего так долго возишься?

Рваная Снасть поняла, что кукла, скорее всего, едва скользнула взглядом по карте Опоннов и не обратила никакого внимания на монетку. Чародейка глубоко вздохнула. Локон и сжигатели мостов были крепко-накрепко связаны между собой в этом раскладе, она понимала это на уровне интуиции, но вот ее собственная роль еще не была определена. Похоже, эти две карты больше предвещали грядущее ей самой, нежели им. Да, пока известно немного, но, пожалуй, достаточно, чтобы выжить в будущих передрыгах. Женщина резко выдохнула и с размаху хлопнула ладонью по Колоде Драконов.

Локон подпрыгнул, а потом резко обернулся к ней.

– И ты остановилась? – разъярился он. – Ты остановилась на этих шутах? На второй карте?! Какая глупость! Продолжай расклад, женщина!

– Нет, – ответила Рваная Снасть, возвращая обе карты в Колоду Драконов. – Я решила закончить. И ты ничего не можешь с этим поделать. – Она поднялась.

– Сука! Да я могу убить тебя в один миг! Прямо здесь и сейчас!

– Вот и ладно, – сказала Рваная Снасть. – По крайней мере не придется отчитываться перед Тайскренном. Так что давай, Локон, вперед. – Она скрестила на груди руки и молча ждала.

Кукла возмущенно заверещала:

– Нет! Ты мне нужна. И ты ненавидишь Тайскренна даже еще больше, чем я, – заявил Локон. Он склонил голову набок, обдумывая свои последние слова, а потом рассмеялся: – Поэтому ты меня не предашь.

Рваная Снасть тоже призадумалась.

– Да, ты прав. – Она отвернулась и пошла к выходу. Взялась рукой за грубый брезентовый полог шатра, а потом остановилась. – Локон, как у тебя со слухом?

– Не жалуюсь, – проворчала кукла у нее за спиной.

– Ты сейчас что-нибудь слышишь?

«Интересно, слышишь ли ты звон крутящейся монеты?»

– Звуки лагеря, больше ничего. А что? Почему ты спрашиваешь?

Рваная Снасть улыбнулась. Она ничего не ответила, откинула полог и вышла наружу. Пока она шла к штабному шатру, внутри ее затеплилась странная надежда.

Чародейка никогда не считала Опоннов союзниками. Рассчитывать в важном деле просто на удачу – полный идиотизм. Первая карта, которую она выложила, Дом Тьмы, коснулась ее руки ледяным холодом, гудящим от волн жестокости и обезумевшей силы, – и все же был там какой-то странный привкус спасения. Рыцарь мог стать врагом или союзником, но, скорее всего, – ни тем ни другим. Он был весь такой непредсказуемый, погруженный в себя. Но в тени битвы пляшут Опонны, и Дом Тьмы замирает, зависнув в полумраке между днем и ночью. Однако самым удивительным была вертящаяся монета Опоннов.

Локон ничего не слышал. Вот и славно.

Даже теперь, когда чародейка подходила к шатру, где размещалось командование, слабый звон звучал у нее в голове, и, скорее всего, теперь она будет слышать его еще некоторое время. А монета все вращалась и вращалась. Опонны вечно являли мирозданию два сменяющихся лика, но сейчас ставку на удачу сделала Госпожа.

«Вертись, монетка. Вертись».

Глава третья

*Теломен, тартено, тоблакай...
Узри имена народов,
противящихся столь упорно
забвению...
Легенда о них
нарушает мои расчеты
циничные, ослепляет
мой взор сверкающей славой...*

*«Не вторгайся в надежную клеть
их неприступного сердца...
Не вторгайся в пределы бесстрастных,
навек верных земле
менгиров».*

*Теломен, тартено, тоблакай...
Стоят нерушимо столпы
до самого неба,
пятнают стылую землю
памяти нашей...*

*Готос (годы жизни неизвестны). Блажь Готоса
(II: 4)*

Имперская трирема рассекала море, как отточенное лезвие секиры, паруса трещали, и рангоут скрипел на ветру. Капитан Ганос Паран не покидал своей каюты. Ему уже давно до смерти надоело высматривать сушу на восточном горизонте. Земля непременно появится – и совсем скоро.

Сидевший на койке Паран откинулся на покатую стену каюты и, глядя, как лампы покачиваются из стороны в сторону, бездумно втыкал кинжал в единственную ножку стола, которая уже покрылась тысячей крошечных вмятин.

В лицо капитану ударила волна прохладного пыльного воздуха, он обернулся и увидел, как Шик выходит из врат имперского магического Пути. Они с главой когтей не встречались вот уже два года.

– Худов дух! – воскликнул Паран. – Неужели нельзя найти ткань другого цвета? Эта страсть к зеленому – какое-то извращение, но его наверняка можно вылечить.

Верзила Шик был наполовину человеком, а наполовину – тисте анди. Казалось, сегодня он оделся в тот же самый костюм, который Паран видел на нем во время их последней встречи: зеленая шерсть, зеленая кожа. Только бессчетные кольца, унизывавшие его длинные пальцы, поблескивали другими цветами. Начальник когтей пребывал в дурном расположении духа, и замечание Парана отнюдь не улучшило его настроения.

– Воображаете, что я получаю удовольствие от таких путешествий, капитан? Найти корабль в океане – задача, которая по плечу немногим чародеям.

– Должна же быть от вас хоть какая-то польза, – пробормотал Паран.

– Вижу, вы так и не озаботились тем, чтобы улучшить свои манеры, капитан. Признаться, я совершенно не понимаю, почему адъютантесса так верит в вас.

– Хватит уже праздных бесед, Шик. Ну, раз уж вы меня отыскиали, выкладывайте: что вам велели передать?

Коготь нахмурился:

– Она сейчас вместе со сжигателями мостов. У стен Крепи.

– Осада продолжается? А насколько это свежие сведения?

– Получены меньше недели назад. С тех пор я вас разыскивал. В любом случае, – продолжил он, – появился свет в конце тоннеля.

Паран хмыкнул. Потом нахмурился:

– В котором она взводе?

– А вы что, их все знаете?

– Да, – отрезал Паран.

Шик нахмурился еще больше, а потом поднял руку и начал рассматривать свои кольца:

– Во взводе Скворца. Среди его новобранцев.

Паран закрыл глаза.

«Ну что ж, в общем-то, удивляться не приходится. Боги играют со мной. Вопрос в том, какие именно боги? Ах, Скворец, Скворец! Ты ведь командовал армией в те времена, когда Ласин еще называла себя Стервой. Ну что бы тебе тогда не послушать своего спутника и не сделать правильный выбор? Ты же мог остановить Стерву. Глядишь, и моя жизнь сложилась бы иначе. Но теперь ты командуешь взводом, всего только взводом, а она – императрица. А как насчет меня? Я – просто дурак, который пошел за своими мечтами. Они сбылись, но теперь я хочу лишь одного: чтобы все это наконец закончилось».

Он открыл глаза и посмотрел на Шика:

– У Скворца впечатляющий послужной список. Война в Семиграды: прорыв в Арене, священная пустыня Рараку, Пан'потсун, Натилор...

– Все это было давно, – заметил Шик, – еще во времена императора.

– Значит, – сказал Паран, – девчонка во взводе Скворца. Насколько я знаю, следующий пункт после Крепи – Даруджистан, «город городов», как его называют.

– Она уже вовсю проявляет свою силу, – поморщившись, добавил Шик. – Она растлила сжигателей мостов – может быть, даже самого Дуджека Однорукого, а также весь личный состав Второй и Третьей армий в Генабакисе.

– Что за глупые шутки? Ох, чувствую, придется мне повозиться с этой малявкой. Впрочем, хорошо, что наконец-то мы вышли на след. Адьюнктесса согласна со мной, что мы и так уже ждали слишком долго. Не могу поверить, что Дуджек готов стать предателем, – кто угодно, но только не Дуджек. И не Скворец.

– Вам велено действовать по плану, но мне поручили напомнить еще раз: ваша миссия тайная, и сейчас это актуально как никогда. Агент когтей свяжется с вами, капитан, как только вы доберетесь до Крепи. Больше никому не доверяйте. Девчонка уже нашла свое оружие и готовится нанести удар в самое сердце Малазанской империи. О провале задания не может быть и речи! – Странные глаза Шика блеснули. – Если вы чувствуете, что не готовы...

Паран внимательно посмотрел на стоявшего перед ним мужчину.

«Если все так плохо, как ты говоришь, почему бы просто не послать туда нескольких ловких убийц из твоей тайной организации?»

Шик вздохнул, словно бы каким-то образом услышал мысленный вопрос Парана.

– Девчонке явно покровительствует какой-то бог, капитан. Убить ее не так просто. Поэтому план по ликвидации пришлось... подкорректировать. Расширить, точнее сказать. Нужно разобраться с дополнительными угрозами, там несколько нитей, которые причудливо переплетены между собой. А вы поменьше рассуждайте: просто исполняйте полученные приказы. Все риски следует уничтожить, чтобы мы смогли взять Даруджистан, а императрица хочет

любой ценой заполучить этот город. Кроме того, она также чувствует, что Дуджеку Однорукому пора... – Шик улыбнулся, – прошу прощения за невольный каламбур, связать руки.

– И по какой же причине?

– У него есть сторонники. До сих пор ходят упорные слухи, что император прочил старого Дуджека в преемники.

Паран фыркнул:

– Император собирался править вечно, Шик. Так что подозрения Ласин просто смешотворны: она таким образом оправдывает собственную паранойю.

– Капитан, – тихо проговорил глава когтей, – не будьте столь опрометчивым. Значительно более влиятельные люди, чем вы, заплатились жизнью за куда меньшие прегрешения. Императрица ждет от своих слуг покорности и требует преданности.

– Любой разумный правитель требовал бы первого – и ожидал второго.

Шик поджал губы:

– Примите командование взводом, не выпускайте из поля зрения эту девицу, но в остальном не делайте ничего такого, что могло бы позволить ей вас заподозрить. Просто займите свое место и ждите дальнейших указаний. Ясно?

Паран отвел глаза и посмотрел в иллюминатор. Там виднелось голубое небо. Слишком много недомолвок, полуправд и откровенной лжи во всем этом... хаосе.

«Как я разыграю карты, когда придет время? Она должна умереть. Это, по крайней мере, понятно. А остальные? Ох, Скворец, я же помню тебя. Ты тогда стоял совсем близко к трону, и подобный поворот событий не мог тебе привидеться даже в самом кошмарном сне. Неужели и твоя кровь будет на моих руках, когда все это закончится?»

Капитан вдруг осознал, что в глубине души уже не понимает, кто тут на самом деле предатель, кто враг, а кто нет.

«Можно ли отождествлять Малазанскую империю с Ласин? Или же империя – это нечто иное: наследие прошлого, устремления будущего, мечта о всеобщем мире и благоденствии? Или это хищный зверь, который никак не может насытиться? Даруджистан – величайший город мира. Неужели он упадет в руки императрице, охваченный пламенем пожаров? Мудро ли вообще открывать его ворота? Да, Малазанская империя неуклонно расширяла свои границы, но внутри ее люди жили в таком мире и покое, какие их предкам даже и не снились. И если бы не вездесущие когти, если бы не бесконечные войны в дальних землях, ее подданные вовсю наслаждались бы свободой и процветанием. Не об этом ли мечтал император в самом начале? Да и важно ли это сейчас?»

– Вы поняли меня, капитан?

Паран бросил на Шика короткий взгляд и отмахнулся:

– Вполне.

Посланник злобно ощерился и широко раскинул руки. У него за спиной вновь раскрылся имперский магический Путь. Шик шагнул назад и исчез.

А Паран наклонился, оперся лбом о руки и призадумался.

* * *

Сезон ветров был в разгаре, и в портовом городе Генабарисе малазанские грузовые корабли качались на волнах, натягивая швартовы, словно огромные цепные псы. Не приспособленные для таких гигантских судов пирсы надрывно скрипели: казалось, тумбы, к которым были привязаны канаты, вот-вот вырвет с корнем.

Портовые склады были доверху заполнены тюками и ящиками с припасами, доставленными из Семиградья на передовую. Интенданты лазали по ним, как обезьяны, в поисках печатей и меток и переговаривались между собой поверх голов грузчиков и солдат.

Агент когтей прислонился к ящику у основания пирса, скрестив на груди мускулистые руки, и внимательно следил своими маленькими узкими глазками за офицером, который сидел на тюке ярдах в тридцати дальше на пирсе. За последний час тот даже не пошевелился.

Агент никак не мог убедить себя, что перед ним именно тот человек, которого ему поручили встретить. Офицер выглядел ужасно молодым и зеленым, как вонючая вода в этой бухте. На его новенькой форме все еще виднелись следы портновского мела, а на замотанной кожей рукояти длинного меча не было ни единого пятнышка. Похоже, он, помимо всего прочего, еще и из аристократов. Вот уже час офицер просто сидел, сложив руки на коленях, глядя, словно глупый телок, на бешеную беготню вокруг. Хотя он и был в чине капитана, ни один солдат даже не подумал отдать ему честь – не уважают вояки таких супчиков.

Адьюнктесса, наверное, совсем с ума спятила после недавнего покушения на императрицу. Только этим можно было объяснить, что агента не только отправили лично встречать этого мальчишку, но еще и велели оказать ему соответствующий прием.

«Ну не глупость ли? Впрочем, – кисло подумал он, – сейчас вообще всем заправляют идиоты».

Агент когтей громко вздохнул, поднялся и неторопливо зашагал к офицеру. Тот даже ничего не заметил, пока агент не встал прямо перед ним, – лишь тогда капитан удостоил его внимания.

И тут коготь понял, что выводы его преждевременны. Было во взгляде этого человека что-то пугающее. Некий странный блеск в глазах свидетельствовал о том, что где-то в самой глубине их притаилась опасность, из-за чего глаза эти казались намного старше остального лица.

– Ваше имя? – с явной неохотой спросил агент.

– Ну наконец-то, – произнес капитан и поднялся. – Не прошло и года.

«Еще и высокий, ублюдок».

Коготь нахмурился. Он терпеть не мог высоких ублюдков.

– Кого ждете, капитан?

Офицер осмотрел пирс.

– Уже дождался. Пошли. Надеюсь, вы знаете, куда нам надо. – Он наклонился, поднял вещевой мешок и решительно зашагал вперед.

Агент догнал его и пошел рядом.

– Ладно. Пусть будет так.

Они сошли с пирса и свернули направо, в первую же улицу.

– Вчера вечером прибыл на кворле зеленый морант. Вас отвезут прямо в Облачный лес, а оттуда черный заберет вас в Крепь.

Капитан изумленно поглядел на своего спутника, и тот спросил:

– Никогда не слышали о кворлах?

– Нет. Я так понимаю, что это какие-то ездовые животные. Зачем иначе снимать меня с корабля за тысячу лиг от Крепи?

– Их используют моранты, а мы используем морантов. – Провожатый слегка нахмурился. – В последнее время это происходит довольно часто. Зеленые моранты служат курьерами и перевозят людей вроде нас с вами, но в Крепи расположились черные, а представители разных кланов не любят встречаться. Моранты, если вы вдруг не в курсе, разделены на несколько кланов, носят одежду разных цветов и зовутся соответственно. Никогда не спутаешь.

– И я поеду с зеленым морантом на кворле?

– Точно, капитан.

Они поднимались по узкой улице. Малазанские стражники стояли на каждом перекрестке и держали руки на рукоятках мечей.

Капитан ответил на приветственный салют одного из солдат и спокойно осведомился:

– Что, бунтовщики донимают?

– Скажем так: мятежники встречаются, но особых проблем с ними нет.

– А позвольте уточнить, правильно ли я вас понял, – холодно проговорил капитан. – Вместо того чтобы доставить меня на корабле в ближайшую к Крепи точку побережья, вы собираетесь отправить меня по суше в компании неких варваров-полулюдей, больше смахивающих на зеленых кузнечиков? Это что же, в целях маскировки? План хоть куда, особенно если учесть, что дорога займет у нас целый год и, когда мы прибудем в Крепь, все уже провалится в тартарары. Я верно излагаю?

Ухмыляясь, агент покачал головой. Хотя он от души ненавидел высоких людей, точнее, всех, кто был выше его ростом, однако невольно проникся симпатией к этому офицеру. Парень хотя бы говорил напрямую, без всяких там экивоков: для аристократа уже большое достижение. Может, Лорн все-таки не полностью еще мозги растеряла.

– Вы сказали «по суше»? Не совсем, капитан. Скорее по воздуху. – Коготь остановился у ничем не примечательной двери и обернулся к вновь прибывшему. – Кворлы, видите ли, летают. У них есть крылья. Целых четыре штуки. И прозрачные, так что насквозь все видно. Можно даже пальцем такое крыло проткнуть. Только не делайте этого, когда будете в полумиле над землей, ладно? Потому что хотя путь вниз будет неблизким, да только проделаете вы его ужасно быстро. Вы слышали меня, капитан? – Он открыл дверь. За ней начиналась лестница вверх.

Лицо офицера побледнело.

– Ну и порядочки у вас тут, – пробормотал он.

Ухмылка агента стала еще шире.

– Не беспокойтесь, летать на кворлах совершенно безопасно. Надеюсь, вы не думаете, что мы хотим вас угородить?

В ответ капитан только улыбнулся.

Они вошли внутрь и заперли за собой дверь.

* * *

Молоденький пехотинец перехватил Рваную Снасть, когда она шла по огороженной стеной усадьбе, в которой разместился штаб малазанской армии, атаковавшей Крепь. На лице парнишки было написано замешательство, и он некоторое время судорожно хватал ртом воздух, прежде чем сумел выдать:

– Эй, чародейка, погоди!

Она остановилась. Мысль о том, что Тайскренну придется еще немного подождать, грела ей сердце.

– В чем дело, служивый?

Солдат бросил взгляд через плечо, а потом сказал:

– Там у стражников... э-э-э... вроде как возникла проблема. Они меня послали за тобой...

– У каких еще стражников? Ну ладно, отведи меня к ним.

– Хорошо, чародейка. Пошли.

Рваная Снасть свернула вслед за ним за угол главного здания и вошла в узкий проход, соединявший его с внешней стеной. В дальнем конце виднелась фигура какого-то человека, низко склонившего бритую голову. Рядом лежал большой джутовый мешок, покрытый бурыми потеками. Вокруг мешка и его хозяина вились тучи мух.

Парнишка замешкался и обернулся к колдунье, пояснив:

– Так ведь до сих пор и торчит. Патрульным аж дурно становится, когда они мимо проходят.

Рваная Снасть смотрела на сгорбившегося мужчину, и у нее на глаза вдруг навернулись слезы. Не обращая больше внимания на солдата, чародейка ступила в узкий проход. Вонь обрушилась на нее, как стена.

«Проклятие, – подумала Рваная Снасть, – он же здесь с самой битвы. Уже целых пять дней».

Колдунья подошла ближе. Хотя Беллурдан стоял на коленях, но все равно был почти одного роста с женщиной. Высший маг, происходивший из народа теломенов, по-прежнему был одет в то, что осталось от его боевого облачения: изорванные полоски меха обожжены, грубоотканная туника залита кровью. Когда Рваная Снасть остановилась рядом с ним, она заметила, что шея и лицо великана покрыты волдырями от ожогов, а большая часть волос исчезла.

– Ты ужасно выглядишь, Беллурдан.

Он медленно поднял голову. Воспаленные глаза уставились на ее лицо.

– А-а, – пророкотал маг. – Рваная Снасть.

Он вымученно улыбнулся, отчего обожженная кожа на щеке треснула. Открылась рана, засохшая и красная.

Эта улыбка почти сломила ее.

– Тебе нужен целитель, дружище. – Взгляд Рваной Снасти метнулся к джутовому мешку. По ткани ползали мухи. – Пойдем. Ночная Стужа бы тебе голову откусила, если бы увидела в таком виде. – Чародейка почувствовала, что ее начинает бить дрожь, но с мрачной решимостью продолжила: – Мы позаботимся о ней, Беллурдан. Ты и я. Но чтобы это сделать, нам нужно набраться сил.

Теломен медленно покачал головой:

– Это мой выбор, Рваная Снасть. Шрамы снаружи – ничто по сравнению с ранами, которые внутри. – Он глубоко вздохнул. – Ничего, я все вытерплю. И в одиночку возведу курган для своей возлюбленной. Когда придет время. – Беллурдан положил огромную ладонь на мешок. – Тайскренн мне разрешил это сделать. Ты ведь не будешь возражать?

Рваная Снасть рассердилась так сильно, что и сама не ожидала.

– Вот как, значит? Тайскренн тебе разрешил? – Удивительно, насколько грубо, хрипло и язвительно прозвучал ее собственный голос.

Чародейка увидела, что Беллурдан, вздрогнув, отодвинулся, и ей захотелось обнять великана и заплакать, но гнев уже овладел ею.

– Да ведь этот ублюдок убил Стужу, Беллурдан! У владыки Семени Луны не было ни времени, ни желания вызывать демонов. Ну подумай сам! Тайскренн давно вынашивал коварные замыслы...

– Нет! – Голос теломена загрохотал в узком коридоре.

Беллурдан вскочил на ноги, и Рваная Снасть испуганно отшатнулась. Казалось, великан сейчас начнет разносить стены, в глазах его сверкал огонь отчаяния. Он сжал кулаки. А потом теломен уставился на нее. И замер. Вдруг его плечи опустились, ладони раскрылись, а глаза поблекли.

– Нет, – повторил Беллурдан, но на этот раз в его голосе звучала скорбь. – Тайскренн – наш защитник. Он всегда нас защищал, Рваная Снасть. Помнишь, как все начиналось? Император был безумен, но Тайскренн оставался с ним. Он придумал форму мечте об империи и тем самым противостоял безумию Келланведа. Мы просто недооценили владыку Семени Луны, только и всего.

Рваная Снасть смотрела на изуродованное лицо Беллурдана. Она вспомнила растерзанное тело Локона. Чародейка словно бы слышала эхо, но не могла различить слова.

– Я не забыла, как все было в самом начале, – мягко сказала она, раздумывая о своем.

Воспоминания оставались яркими, но, какая бы нить их ни связывала, колдунья никак не могла ее нащупать. Рваной Снасти отчаянно хотелось поговорить с Быстрым Беном, но со дня

битвы она не видела сжигателей мостов. Они оставили женщину вместе с Локоном, и с каждым днем кукла пугала ее все больше и больше. Особенно теперь, когда Локон разбился на нее за то, что она не пожелала до конца гадать на Колоде Драконов, и мстил, ничего ей толком не рассказывая.

– Покойный император умел собирать вокруг себя правильных людей, – продолжила Рваная Снасть. – Но он не был наивным дурачком. Император знал, что рано или поздно его предадут. Наша сила – вот в чем Келланвед особенно нуждался. Я все помню, Беллурдан. – Она покачала головой. – Император умер, но сила-то осталась при нас.

Тут чародейка кое-что поняла, и у нее аж перехватило дыхание.

– Теперь ясно! – пробормотала она себе под нос. – Тайскренн – это нить.

– Император был безумен, – повторил Беллурдан. – Иначе он бы сумел лучше себя защитить.

Рваная Снасть нахмурилась. Теломен отчасти прав, хотя напрасно твердит про безумие. Так что же произошло?

– Извини. Я сейчас спешу, меня вызвал высший маг. Беллурдан, мы же поговорим потом, да?

Великан кивнул:

– Да, если хочешь. Только учти, что скоро я уйду, чтобы возвести курган для Ночной Стужи. Где-нибудь на равнине Рхиви.

Рваная Снасть бросила взгляд за спину. Молоденький солдат по-прежнему маячил у входа в коридор, переминаясь с ноги на ногу.

– Беллурдан, ты не против, если я наложу на ее останки запечатывающее заклятие?

Глаза великана затуманились, и он посмотрел на мешок.

– Стражники недовольны, это правда. – Он на миг задумался, а потом согласился: – Хорошо, Рваная Снасть. Можешь это сделать.

* * *

– Вонь вздымается отсюда к самому трону, – сказал Калам, и его покрытое шрамами лицо скривилось от беспокойства. Он сидел на пятках и кончиком кинжала рассеянно чертил на земле паутину, а потом поднял глаза на своего командира.

Скворец смотрел на закопченные стены Крепи, и его желваки под бородой ходили ходунком.

– Когда я в прошлый раз поднялся на этот холм, – произнес сержант и нахмурился, – там обнаружились лишь пустые доспехи. И полтора мага. – Он некоторое время помолчал, а потом вздохнул. – Продолжай, капрал.

Калам кивнул.

– Я потянул за кое-какие старые ниточки, – сказал он, шурясь на резкий утренний свет. – Кто-то наверху явно решил от нас избавиться. Может, придворные, а может, аристократы воду мутят: говорят, они снова взялись за свое и ведут закулисную борьбу. – Он поморщился. – А теперь сюда еще прислали из Унты новенького капитана, который наверняка спит и видит, как бы нам всем тут глотки перерезать. Четыре капитана сменилось за три года, и хоть бы один попался толковый.

Быстрый Бен стоял в десяти футах от них на гребне холма, скрестив на груди руки. Теперь он заговорил:

– Ты слышал, в чем заключается наш план. Ну же, Скворец, решайся. Неужели не ясно, что этого парня принесло к нам потоком из самого дворца, и...

– Тихо, – буркнул Скворец. – Не мешай мне думать.

Калам и Быстрый Бен обменялись взглядами.

Прошла долгая минута. На дороге внизу военные обозы катились к городу. Остатки Пятой и Шестой армий, потрепанные, почти сломленные Каладаном Брудом и Багровой гвардией. Скворец покачал головой. Не понесли потерь лишь моранты, но они были твердо настроены бросать в бой только отряды черных, а зеленых использовать исключительно для транспортировки. А где же, Худ их дери, золотые моранты, о которых он столько слышал? Да будь они прокляты, эти нелюди-ублюдки! Да после того их «часа отмщения» сточные канавы в Крепи до сих пор были до краев полны крови. Когда похоронные команды закончат свою работу, под стенами города вырастет несколько курганов. Огромных братских могил.

Но тринадцать сотен погибших сжигателей мостов не удостоится и такой чести. Они остались под землей, когда обрушились тоннели. Червям не придется далеко ползти, чтобы полакомиться их трупами. Холод пробирал сержанта до костей, когда он думал о том, что, кроме нескольких выживших соратников, никто палец о палец не ударил, чтобы их спасти. Какой-то мелкий штабной чин прибыл сюда, чтобы передать соболезнования Тайскренна по поводу погибших при исполнении своих обязанностей, а потом выгрузил целую телегу всякой требухи, болтал про героизм и самопожертвование. Тридцать девять солдат выслушали его безмолвно, с каменными лицами. Через два часа приезжего офицера нашли мертвым в собственной комнате: его задушили, причем весьма ловко и профессионально. Просто ужас, до чего они докатились. Да лет пять назад у них в полку не смогли бы даже вообразить такое. Но сейчас никто даже и глазом не моргнул, услышав эту новость.

Калам заявил, что все это подстроено: дескать, хитроумный план, призванный дискредитировать то, что осталось от сжигателей мостов. Кстати, когда душили, использовали гарроту, – похоже, тут когти поработали. Однако Скворца он не убедил. Откуда тут вдруг взяться агенту когтей?

Сержант попытался собраться с мыслями. Он чувствовал, что разгадка лежит где-то на поверхности. Она совсем простая, такая простая, что ее никто не заметил. Но тяжелая усталость застилала глаза, словно густой туман. Скворец вдохнул полной грудью утренний воздух и спросил:

– Уж не новенькая ли наша постаралась?

Калам с ворчанием поднялся. Он устремил глаза вдаль, словно бы вспоминая прошлое.

– Вполне возможно, – наконец ответил он. – Вот только уж больно она юная для когтя.

– Я не верил в существование чистого зла, пока не увидел Жаль, – сказал Быстрый Бен. – Но ты прав: она очень молода. Как долго их учат, прежде чем бросить в дело?

Калам недовольно пожал плечами:

– Не меньше пятнадцати лет. Имей в виду: они берут совсем детей, лет пяти или шести от роду.

– Может, все дело в магии, при помощи которой девчонка выглядит младше своих лет? – предположил Быстрый Бен. – Это высший уровень, но со способностями Тайскренна...

– Не стоит все усложнять и приплетать Тайскренна где надо и не надо, – пробормотал Скворец. – Вполне возможно, что он тут и ни при чем.

Быстрый Бен фыркнул:

– Только не говори, что сам в это веришь, Скворец.

Лицо сержанта застыло.

– Про Жаль разговор окончен. Хватит болтать о всякой ерунде. – Он повернулся к Каламу. – Ладно. Ты подозреваешь, что империя взялась убивать своих. Думаешь, Ласин решила прибраться в доме? Или кто-то из ее ближайшего окружения хочет избавиться от определенных людей? Хорошо, допустим. Но только объясни мне: зачем это нужно?

– Убирают старую гвардию, – мгновенно ответил Калам. – Всех, кто еще верен памяти императора.

– Не сходится, – возразил Скворец. – Что касается покойного Келланведа, то всем на него плевать. Кроме Дуджека, никто в нынешней армии даже имени этого не знает. Император умер! Да здравствует императрица! Ну а мы... мы и так уже вымираем потихоньку. Сами, без помощи Ласин.

– Ей не хватает терпения, она не хочет ждать, – сказал Быстрый Бен.

Калам согласно кивнул:

– Да уж, это верно. К тому же раньше дела в империи обстояли лучше – и она хочет убить саму память об этом.

– Зато теперь у нас есть Локон, этакая змея в рукаве, – оживился Быстрый Бен. – Все получится, Скворец. Поверь, я знаю, о чем говорю.

– Мы все делаем так, как сделал бы император, – добавил Калам. – Мы меняем правила игры. Мы сами приберемся в доме.

Скворец поднял руку:

– Ладно. А теперь помолчите. Оба вы говорите так складно, как будто отрепетировали все заранее. – Он помолчал. – Все это хорошо в теории. Но воплотить замысел в жизнь будет сложно. – Он поморщился, увидев выражение лица Быстрого Бена. – Хорошо, допустим, Локон отлично выполнит свою работу. Но как быть, если вы столкнетесь лицом к лицу с кем-нибудь сильным, злобным и могущественным?

– Вроде Тайскренна? – Маг ухмыльнулся.

– Вот именно. Уверен, что на этот вопрос у тебя уже есть ответ. Позволь, я угадаю? Надо найти кого-то еще более сильного, злобного и могущественного и поскорее заключить с ним сделку. Если вовремя подсуется, то вполне возможно, что мы одержим победу и вообще выйдем из этого дела, благоухая розами. Я правильно излагаю, чародей?

Калам хрюкнул от сдерживаемого смеха. Быстрый Бен отвернулся.

– Давным-давно в Семиградье, еще до того, как явился император...

– То, что было в Семиградье, там и осталось, – осадил его Скворец. – Худова плешь, я же командовал армией, которая гонялась за тобой по пустыне, не забыл? Я видел, как ты работаешь, Бен. И прекрасно знаю, что мастерства тебе не занимать. Но еще я помню, что из всей твоей ложи ты один вышел живым. Что будет на этот раз?

Мага слова Скворца явно задели. Он поджал губы. Сержант вздохнул:

– Ладно, уговорили. Пусть будет так. Запускайте свою свистопляску. И держите на примете эту чародейку. Она нам понадобится, если Локон вдруг заартачится.

– А как насчет Жали? – спросил Калам.

Скворец колебался. Он знал, какой вопрос скрывается за этим на самом деле. Быстрый Бен был признанным мозгом взвода, а Калам – искушенным убийцей. Оба его беспокоили, поскольку полностью отдавались этим своим дарованиям.

– Не трогай девчонку, – наконец сказал сержант. – Пока что.

Калам и Быстрый Бен вздохнули и обменялись усмешками за спиной своего командира.

– Только не зарывайтесь, – сухо добавил Скворец.

Усмешки поблекли.

Взгляд сержанта снова вернулся к повозкам, которые въезжали в город. По дороге к ним приближались двое всадников.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда по коням. Вон едет наш почетный эскорт.

Всадники были из его взвода – Скрипач и Жаль.

– Как ты думаешь, новый капитан уже прибыл? – спросил Калам, забираясь в седло.

Чалая кобыла выгнула шею и попыталась его укусить. Он рывкнул в ответ. Так уж у них повелось: эти двое не ладили с самого начала.

Скворец, не отводя глаз, усмехнулся:

– Может, и прибыл. Поехали к ним. А то, если кто-нибудь следит за нами со стены, могут возникнуть вопросы.

Его веселье быстро рассеялось. Они ведь и вправду только что изменили правила игры. Причем время для этого выбрали самое неподходящее. Скворец один из всей троицы представлял истинные масштабы их следующего задания, потому что знал куда больше, чем Быстрый Бен или Калам. Но усложнять все еще сильнее не было никакого смысла. Ничего, ребята и так скоро будут в курсе.

* * *

Рваная Снасть остановилась в полудюжине футов за спиной высшего мага Тайскренна. Малазанские знамена хлопали на ветру, а флагштоки скрипели над закопченной башенкой, но здесь, под защитой стены, было тихо и спокойно. На западе вздымались Морантские горы, которые тянулись до самого Генабариса. Южный конец хребта срастался с Тахлинами, образуя зазубренную стену, которая возвышалась на тысячу лиг на восток. Справа раскинулась равнина Рхиви, поросшая пожелтевшей травой.

Тайскренн облокотился на мерлон, глядя, как в город въезжают обозы. Снизу доносились рев волов и крики солдат. Высший маг уже несколько минут не шевелился и не говорил ни слова. Слева от него стоял небольшой деревянный столик. Его дубовая поверхность была изрезана глубоко прочерченными рунами. Тут и там на столешнице виднелись подозрительные темные пятна.

Плечи Рваной Снасти дрожали от напряжения. Встреча с Беллурданом потрясла ее, и чародейка не была готова к тому, что сейчас должно было произойти.

– Сжигатели мостов... – пробормотал высший маг.

Она удивленно нахмурилась и подошла к стене, чтобы встать рядом с Тайскренном. Справа по склону холма – того самого холма, который она никогда не забудет, – спускалась группа солдат. Даже с такого расстояния колдунья сразу опознала четверых: Быстрого Бена, Калама, Скворца и ту девушку, Жаль. Пятым был какой-то низенький коренастый мужчина, наверняка сапер.

– Вот как? – с деланным равнодушием сказала чародейка.

– Взвод Скворца. – Тайскренн перевел на нее сосредоточенный взгляд. – Те самые бойцы, с которыми ты говорила сразу после исчезновения Семени Луны. – Высший маг улыбнулся, а потом похлопал Рваную Снасть по плечу. – Идем. Хочу, чтобы ты раскинула мне карты. Давай начнем.

Он подошел к столику.

– Нити Опоннов сплетаются в любопытный лабиринт, их влияние снова и снова сбивает меня с пути. – Тайскренн повернулся к стене спиной и уселся на выступ, а потом поднял глаза. – Рваная Снасть, – твердо сказал он, – в делах империи я – слуга Ласин.

Чародейка вспомнила тот спор накануне битвы. Ничего с тех пор так и не изменилось: все те же пустые слова.

– В таком случае мне, наверное, следует обратиться с жалобой к ней самой.

Тайскренн приподнял бровь:

– Будем считать это неуместной шуткой.

– Я, вообще-то, говорю серьезно. С чего это ты решил, будто я шучу?

– Не играй с огнем, женщина, – сухо ответил высший маг.

Рваная Снасть вытащила Колоду Драконов и прижала ее к животу, поглаживая пальцами верхнюю карту. Какие странные ощущения: прохлада, тьма и чувство огромной тяжести, словно бы на тебя что-то давит. Она положила колоду в центре стола, а потом медленно и неуклюже опустила на колени. И посмотрела в глаза Тайскренну:

– Ну что, с чего начнем?

– Расскажи мне о вертящейся монете.

Рваная Снасть так и застыла на месте, не в силах даже пошевелиться и перевести дыхание.

– Бери первую карту, – приказал Тайскренн.

Натужно и со свистом она выпустила воздух из легких.

«Да будь ты проклят!»

Отзвук смеха зазвенел в голове, и она поняла, что некто каким-то неведомым образом открыл ей Путь. Кто-то из Взошедших тянулся к миру через нее, в его присутствии чувствовались прохлада и скрытая усмешка, почти озорство. Глаза закрылись сами собой, и чародейка потянулась за первой картой. Небрежно шлепнула ее на стол справа от себя. Не открывая глаз, улыбнулась:

– Независимая карта: Держава, она же – Сфера. Означает правосудие и истинное зрение.

Вторую карту Рваная Снасть бросила в левую часть поля.

– Дева, Высокий дом Смерти. Видишь, какая она здесь – вся покрытая шрамами, глаза завязаны, а на руках кровь.

Еле слышно, откуда-то издалека, послышался стук конских копыт; он неуклонно приближался, но вдруг резко затих, словно бы невидимого всадника поглотила земля. А потом звук снова раздался, но уже позади нее.

«Наверняка та самая девчонка», – подумала чародейка и кивнула сама себе.

А вслух сказала:

– Кровь на ее руках – чужая, и преступление тоже совершила не она. Повязка на глазах Девы вся мокрая от слез.

Рваная Снасть шлепнула на стол перед собой третью карту. Под закрытыми веками родился образ. Чародейка похолодела от страха.

– Убийца, Высокий дом Тени. Узел, граф бесконечных вервий, Покровитель Убийц вошел в эту игру. – На миг ей показалось, что она слышит вой Гончих Тени. Чародейка положила руку на четвертую карту и испытала странные ощущения: сперва волну узнавания, а затем что-то вроде приступа ложной скромности. – Опонны: Госпожа в прямом положении, а Господин – в перевернутом. – Она вытащила карту и положила напротив Тайскренна.

«Вот твоя преграда. – Она слегка улыбнулась. – Побейся об нее, высший маг. Госпожа смотрит на тебя с отвращением».

Рваная Снасть понимала, что в сердце Тайскренна, словно горячие угли, пылают вопросы, но он их не задаст. Слишком много силы стоит за этим откровением. Почувствовал ли он присутствие Взошедшего? Может быть, это его испугало.

– Монета, – услышала она собственный голос, – вертится, высший маг. Лицо на ней видит многих, а может, лишь избранных – вот, посмотри сам. – Она положила пятую карту рядом с Опоннами, край к краю. – Еще одна независимая карта: Корона. В прямой позиции она символизирует мудрость и справедливость. Вокруг нее стены прекрасного города, освещенного газовым пламенем, голубым и зеленым. – Чародейка помедлила, сообразив, что это Даруджистан, последний из Вольных городов.

Магический Путь закрылся, Взошедший резко отстранился от нее, словно бы игра ему наскучила. Глаза Рваной Снасти распахнулись, и неожиданное тепло окутало уставшее тело.

– В лабиринте Опоннов, – сказала она, посмеиваясь над истиной, скрытой в этом утверждении, – я не могу пройти дальше, высший маг.

Тайскренн громко выдохнул и откинулся назад.

– Ты зашла куда дальше, чем удавалось мне, чародейка. – Он напряженно взглянул на нее. – Я восхищен твоим мастерством, хотя и не слишком рад тому, что ты мне сообщила. – Тайскренн нахмурился, оперся локтями о колени и сложил перед лицом длинные пальцы. –

Вертящаяся монета, этот вечный звон. Наверняка своеобразный юмор Шутов: даже сейчас я чувствую, что нас сбивают с толку. Дева Смерти – это самая вероятная ловушка.

Теперь пришел черед Рваной Снасти восхищаться его проницательностью. Значит, высший маг – один из адептов. Неужели он тоже слышал смех, которым сопровождалось появление карт на столе? Она от души надеялась, что нет.

– Возможно, ты прав, – сказала чародейка. – Лицо Девы все время меняется: это может быть кто угодно. Чего не скажешь про лица Опоннов или Узла. И да, – она кивнула, – очень возможно, что это ловушка. – Ей было так приятно говорить с ним на равных, но потом колдунья мысленно осадилась себя и досадливо поморщилась: «Всегда лучше, чтобы ярость и ненависть оставались чистыми, ни с чем не смешанными».

– Я хотел бы услышать твои соображения, – произнес Тайскренн.

Рваная Снасть пораженно вздрогнула под проницательным взглядом высшего мага и начала собирать карты.

«Может, какие-то объяснения не повредят? В любом случае так он еще больше запутается».

– Интриги – сильная сторона Покровителя Убийц. Я не почувствовала присутствия его Короля, Престола Тени. Так что подозреваю: Узел в этом деле действует один. Берегись Убийцы, высший маг, поскольку он отличается еще большей изощренностью, чем его хозяин. И хотя Опонны ведут свою партию, это все часть одной и той же большой игры, и разворачивается она в нашем мире. У Близнецов Удачи нет власти во владениях Тени, но Тень – это магический Путь, известный умением выходить за свои прежние границы. Здесь правила сплошь и рядом нарушаются, как тебе известно.

– Что да, то да, – проговорил Тайскренн, с кряхтением поднимаясь. – Рождение этого ублюдочного владения всегда меня беспокоило.

– Оно еще молодо. – Рваная Снасть собрала карты и спрятала их в карман плаща. – Прежде чем оно окончательно оформится, пройдут века – если это вообще когда-нибудь случится. Вспомни другие новые Дома, которые погибли так же быстро, как и родились.

– Но от этого несет слишком большой силой, – возразил Тайскренн и начал снова рассматривать Морантские горы. – Я надеюсь, – сказал он, когда Рваная Снасть подошла к лестнице, ведущей вниз, в город, – что моя благодарность чего-то да стоит. В любом случае, чародейка, я у тебя в долгу.

Рваная Снасть немного помедлила, а потом, так ничего и не ответив, начала спускаться. Тайскренн был бы куда менее великодушен, если бы узнал, что она обманула его.

Мысли чародейки вновь вернулись к карте Девы. А ведь, похоже, она все правильно угадала. Топот коней, который Рваная Снасть слышала снизу, не был иллюзией. Взвод Скворца только что въехал в город через ворота в стене под ними. И среди прочих всадников была Жаль. Простое совпадение? Возможно, но колдунья была уверена, что это не так. Вертящаяся монета как раз тогда на мгновение затихла, но потом звон ее зазвучал вновь. Правда, Рваная Снасть слышала этот самый звон днем и ночью, так что уже перестала замечать, и ей пришлось сосредоточиться, чтобы снова его расслышать. Но она ощутила толчок, почувала, как изменилась тональность, словно бы сама монета вдруг ненадолго... растерялась, что ли.

Дева Смерти и Убийца Высокого дома Тени. Между ними явно была какая-то связь, и это беспокоило Опоннов. Очевидно, все по-прежнему оставалось в движении.

– Ну и дела, – пробормотала колдунья, когда добралась до нижней площадки лестницы.

Она увидела молоденького пехотинца, с которым говорила накануне. Тот стоял в шеренге новобранцев посреди двора. Никого из офицеров рядом не было. Рваная Снасть подозвала парнишку к себе.

– Да, чародейка? – Он подошел и вытянулся перед ней в струнку.

– Почему вы тут выстроились?

– Нам будут выдавать оружие. Сержант сейчас вернется с повозкой.

Рваная Снасть кивнула:

– У меня есть для тебя задание. Не беспокойся, я прослежу, чтобы ты получил свое оружие – и самое лучшее, а не ржавую железяку, какие выдадут твоим друзьям. Если командир заинтересуется, по какой причине ты отсутствовал, отправляй его ко мне.

– Хорошо, чародейка.

Рваная Снасть испытала укол сожаления, глядя в ясные, полные искреннего восхищения глаза юноши. Скорее всего, он погибнет в ближайшие несколько месяцев. Много злодеяний пятнали знамя Малазанской империи, но то, как там относились к зеленым новобранцам, было одним из самых худших. Она вздохнула:

– Разыщешь сержанта Скворца из взвода сжигателей мостов и лично передашь ему послание: «Толстая колдунья, которая умеет гадать на картах, хочет с ним поговорить». Запомнил, рядовой?

– Так точно. – Мальчик аж побледнел от волнения.

– Повтори.

Солдат сосредоточенно, с каменным лицом повторил ее слова.

Рваная Снасть улыбнулась:

– Отлично. А теперь беги и не забудь получить у Скворца ответ. Я буду у себя.

* * *

Капитан Паран обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на черных морантов. Взвод только что добрался до гребня плато. Паран провожал их глазами, пока солдаты не исчезли из виду, а потом снова перевел взгляд на город, что возвышался на востоке, за широкой плоской равниной.

Отсюда Крепь казалась почти мирной, хотя земля под стенами ее была усыпана обломками базальта, а в воздухе еще был разлит смрад сражения, такая смесь огня и дыма. Около стены уже возвели леса, и там толпились крошечные фигурки рабочих: судя по всему, заделывали огромные проломы. Из северных ворот к холмам змеей протянулась череда повозок, над которыми вилась целая туча ворон. Вдоль этой гряды холмов выстроилась шеренга курганов, слишком ровных, чтобы быть творением природы.

До Парана уже доходили некоторые слухи. Пятеро погибших чародеев, в том числе – двое высших магов. Вторая армия понесла такие потери, что уже начали поговаривать, будто ее вообще расформируют, а остатки сольют с Пятой и Шестой. Семя Луны отступило на юг, за Тахлинские горы, к озеру Азур, оставляя за собой хвост дыма и кренясь на сторону, как потрепанная грозная туча. Но одна новость была особенно страшной: сжигателей мостов больше нет. Одни утверждали, будто погибли все до единого; другие возражали, что несколько взводов успели выбраться наверх, прежде чем обрушились тоннели.

Паран был не в духе. Он уже несколько дней провел среди морантов. Эти жутковатого вида воины предпочитали помалкивать, а если и общались, то лишь между собой, на своем невразумительном наречии. Все сведения, которые капитан получил в Генабарисе, устарели, и это ставило молодого офицера в неловкое положение. Да уж, в такой переплет он еще не попадал.

Ну и куда теперь? Паран поправил вещмешок и приготовился к долгому ожиданию, однако вдруг заметил, что на дальний край плато поднялся всадник. Он вел в поводу второго коня и направлялся прямо к капитану.

Паран вздохнул. Иметь дело с когтями всегда неприятно. Слишком уж они самоуверенные. За исключением того агента в Генабарисе, он ни с кем из них не сумел найти общий язык.

И уже очень давно, больше двух лет, рядом с Параном не было никого, кого он мог бы назвать своим другом.

Когда всадник подъехал поближе, Паран невольно отшатнулся: половина лица у когтя обгорела, правый глаз прикрывала повязка, да и голову он держал под каким-то странным углом. Прибывший жутковато ухмыльнулся, а затем спешился и хрипло поприветствовал капитана:

– Ага, а вот и наш новенький!

– Это правда, про сжигателей мостов? – требовательно спросил Паран. – Они действительно все погибли?

– Почти. Осталось пять взводов из сорока, да и в тех людей немного. – Он сощурил левый глаз и поправил свой выдавший виды шлем. – Вы и не представляете, куда попали. Вы же новый капитан, которого прислали во взвод Сквиорца, да?

– Вы хорошо знаете сержанта Сквиорца? – Паран нахмурился. Этот коготь не был похож на остальных, которые обычно держали свои мысли при себе и вообще не отличались общительностью, что капитана вполне устраивало.

Одноглазый запрыгнул обратно в седло.

– Поехали. Поговорим по дороге.

Паран подошел к другой лошади и приторочил свой мешок к седлу. Оно было семиградского образца: высокое и с изогнутой вперед длинной лукой – он видел несколько таких в Генабакисе. Эту деталь капитан сразу же отметил. Семиградье было вечной проблемой империи. Недаром нынешняя кампания с самого начала пошла наперекосяк: большая часть Второй, Пятой и Шестой армий состояла из уроженцев Семиградья. И это явно не простое совпадение.

Паран сел на лошадь, и они легким аллюром поехали по плато.

– У сержанта Сквиорца тут много сторонников, – заговорил коготь. – Хотя он и ведет себя так, будто сам этого не знает. Вам следует помнить то, что уже напрочь позабыли в Малазе: Сквиорец ведь когда-то командовал ротой...

Паран резко обернулся. Об этой подробности боевой биографии Сквиорца и впрямь нигде не упоминалось. С точки зрения имперской истории, такого попросту никогда не было.

– Давненько это было, еще в те времена, когда Дассем Ультор командовал всеми войсками, – беспечно продолжил коготь. – Это ведь именно Седьмая рота Сквиорца разгромила клику чародеев из Семиградья на пустошах Пан'потсуна. Там-то он и закончил войну. Конечно, все полетело в тартарары, когда Худ забрал дочь Ультора. А вскоре после этого, когда погиб сам Ультор, всех его людей разжаловали. Тогда проклятые штабные крысы и развалили армию. И с тех пор только и делают, что грызутся друг с другом, а на саму войну им плевать. – Коготь наклонился вперед, навалившись на луку седла, и выразительно сплюнул через левое ухо коня.

Паран вздрогнул, увидев этот жест. В давние времена он означал начало племенной войны в Семиградье. Теперь же стал символом малазанской Второй армии.

– Вы хотите сказать, – уточнил Паран, – что история, которую мне сейчас поведали, тут всем известна?

– Ну, не в подробностях, а лишь в общих чертах, – признал коготь, – но среди бойцов Второй армии есть ветераны, которые сражались за Ультора не только в Семиградье, но даже в Фаларе.

Капитан призадумался. Человек, который ехал рядом с ним, хоть и был когтем, тоже принадлежал ко Второй армии и хранил ей верность, поскольку прошел вместе с ее бойцами огонь и воду. Любопытно...

Он взглянул на своего спутника и увидел, что тот ухмыляется.

– Что это вас вдруг развеселило?

Коготь пожал плечами:

– Сжигатели мостов сейчас немного на взводе. Им присылают таких зеленых новобранцев, что по всему видно: подразделение собрались распустить. В общем, парень, – он решительно отбросил церемонии, – передай тем, с кем держишь связь там, в Малазе, что они дождутся бунта, если станут и дальше так обращаться со сжигателями мостов. Я это пишу в каждом докладе, но меня, кажется, не слушают. – Его ухмылка стала шире. – Может, они решили, что я переметнулся на другую сторону, а?

Паран пожал плечами:

– А почему именно вас отправили меня встречать?

Коготь расхохотался:

– Можно подумать, что было из кого выбирать! Меня послали, потому что я последний коготь во Второй армии. А в Пятой и в Шестой никого из наших вообще не осталось в живых. Про тисте анди Бруда я молчу: они могут вычислить когтя за тысячу шагов. Моего собственного командира придушили два дня назад – ничего себе история, да? Так что ты мне достался в наследство, капитан. Когда доберемся до города, каждый пойдет своей дорогой, и мы с тобой, скорее всего, больше никогда не увидимся. Как только ты объявишь, что прибыл командовать Девятым взводом, солдаты тебе либо в лицо рассмеются, либо кинжал в глаз воткнут – тут народ даже ставки делает на то, что же именно с тобой сотворят. Печально, но так оно и есть.

Впереди замаячили ворота Крепи.

– И еще кое-что, – добавил коготь, глядя на мерлоны над воротами. – Брошу тебе косточку, капитан, на случай, если вдруг Опонны тебе улыбнутся. Здесь всем заправляет высший маг Тайскренн. Дуджек этому совсем не рад, особенно после битвы с Семенем Луны. Отношения между этими двоими не очень, но высший маг уповает на личную поддержку императрицы, благодаря чему и удерживается наверху. Однако солдаты верны Дуджеку и пойдут за ним куда угодно. Так что предупреждаю: тут посеяли такой ветер, что вот-вот придется пожать бурю.

Паран недоверчиво уставился на собеседника. Правда, Шик описал ему положение вещей, но капитан пропустил его слова мимо ушей: уж больно все походило на сценарий, придуманный специально для того, чтобы виселицы Ласин не стояли без дела.

«А тут вон, оказывается, какой узел завязался. Я совсем не хочу впутываться в ваши интриги. Дайте мне только выполнить свое задание – больше ничего и знать не желаю».

Когда они въехали в тень ворот, коготь снова заговорил:

– Между прочим, Тайскренн смотрел на нас, когда мы подъехали. Он тебя, часом, не знает, капитан?

– Нет, – ответил молодой офицер, а про себя добавил: «Надеюсь, что нет».

Когда они уже оказались в самом городе и на них обрушилась целая какофония звуков, у Парана аж глаза остекленели от изумления. Крепь представляла собой настоящий сумасшедший дом: здания со всех сторон были закопчены огнем, развороченные мостовые заполонили как мирные жители, так и военные; повсюду грохотали повозки, громко ржали лошади, орали люди. Капитан поневоле призадумался, уж не настал ли его смертный час.

«Итак, что мы имеем? – Он попытался рассуждать спокойно. – Мне нужно принять командование взводом, в котором за три года сменилось четыре капитана, а потом выполнить секретное задание, причем так, чтобы никто ничего даже и не заподозрил. Да еще вдобавок действовать придется на фоне растущей, как грозовая туча, вероятности полномасштабного восстания: лучший военный ум Малазанской империи противостоит высшему магу, борется за место под солнцем, не особо стесняясь в средствах».

Подобный расклад изрядно встревожил Парана.

Он покачнулся от сильного хлопка по плечу. Оказывается, коготь направил своего коня поближе и наклонился к спутнику:

– Что, капитан, растерялся? Не бойся, тут у всех ум за разум заходит, да и немудрено. Хочешь добрый совет? Займись тем, что видишь перед самым носом, а про остальное пока забудь. Все придет в свое время. Отыщи для начала сжигателей мостов. С этим проблем не будет: спроси у любого пехотинца, он покажет.

Паран кивнул.

Коготь помолчал, а затем добавил:

– Я тут подумал, капитан. Учти, это всего лишь догадка, но мне почему-то кажется, что ты здесь не просто так, а сумеешь кое-что изменить. Нет, не трудись отвечать. Просто, если вдруг попадешь в беду, передай весточку Току-младшему, это я. Я служу вестовым в курьерском корпусе Второй армии. Хорошо?

Паран снова кивнул.

– Спасибо, – произнес он. И как раз в этот момент у них за спинами послышался громкий треск, а потом раздался хор разгневанных голосов. Однако ни тот ни другой даже не обернулись.

– Что ты сказал, капитан?

Паран улыбнулся:

– Лучше поезжайте восвояси, от греха подальше. Я уж и сам как-нибудь найду Девятый взвод, не заблужусь.

– Нисколько не сомневаюсь, капитан.

Ток-младший помахал ему рукой, а затем повернул коня в какой-то проулок. Через секунду Паран потерял когтя из виду. Он глубоко вздохнул, а затем начал озираться в поисках подходящего солдата, который мог бы стать ему проводником.

* * *

Паран знал, что детство и юность, проведенные на родине в кругу аристократов, научили его хитрости и притворству, а именно эти качества и требовались, чтобы успешно выполнить задание Лорн. Но за последние два года он все яснее понимал, во что превратился, и это его огорчало. Куда подевался пылкий, искренний юнец, который дерзко говорил с адъютантессой императрицы в тот далекий день на Итко-Канском побережье? Он упал прямо в руки Лорн, как кусок глины. И она принялась лепить из него то, что умела лучше всего.

Теперь Парана особенно пугало иное обстоятельство: он привык к тому, что его используют. Он перестал быть самим собой, ибо уже столько раз притворялся кем-то другим, видел тысячу лиц, слышал тысячу голосов, которые боролись с его собственными. Молодой благородный юноша, который так искренне верил в честь и имел твердые принципы, превратился в какую-то совершенно чуждую личность, холодную, жесткую и изворотливую. Это существо скрывалось в самых глубоких тенях его сознания и наблюдало за происходящим. Никаких размышлений, никаких выводов – только ледяное, отстраненное наблюдение.

Паран уже и не надеялся, что тот молодой человек когда-нибудь снова увидит дневной свет. Скорее уж он будет просто все глубже и глубже погружаться в темноту, пока не растворится в ней без следа.

Хотя не все ли ему равно? Паран уже и сам этого толком не знал.

Капитан вошел в казарму, в которой когда-то размещался гарнизон Крепи. Лишь одна немолодая женщина в солдатской форме валялась на койке, так что ее замотанные тряпками ступни высывались за край кровати. Матрас сняли и швырнули в угол, женщина лежала на голых досках, зажмурившись и закинув руки за голову.

Паран ненадолго задержал на ней взгляд, а потом осмотрел помещение. Больше здесь никого не было. Он снова поглядел на женщину:

– Ты ведь капрал, не так ли?

Она даже не пошевелилась.

– Ага, и что?

– Я так понимаю, – сухо заметил Паран, – что о субординации тут вообще все позабыли. Ее глаза открылись и лениво осмотрели офицера.

– Наверное, – сказала она и снова смежила веки. – Ты кого-то ищешь или что?

– Я ищу Девятый взвод, капрал.

– Зачем? У них опять неприятности?

Паран улыбнулся про себя.

– Скажи, капрал, ты – обычный сжигатель мостов?

– Все «обычные» погибли.

– Кто твой командир? – продолжал расспросы Паран.

– Мураш, но его тут нет.

– Это я вижу. – Капитан подождал, а потом вздохнул. – Ладно, и где этот Мураш?

– Поищи в таверне Нобба на этой же улице. Когда я видела его в последний раз, он проигрывал последнюю рубашку Колотуну. Мураш любит в карты играть, да вот только не умеет. – Она начала ковыряться в зубах.

Паран удивленно поднял брови:

– Ваш командир играет в карты с подчиненными?

– Мураш – сержант, – объяснила женщина. – Наш капитан погиб. Да и все равно Колотун не из нашего взвода.

– Ага, ясно. И в каком же он взводе?

Женщина ухмыльнулась и проглотила то, что выковыряла пальцем из зубов.

– В Девятом.

– Как тебя зовут, капрал?

– Хватка, а тебя?

– Капитан Паран.

Хватка встрепенулась и села, широко раскрыв глаза:

– Ого! Так ты и есть тот самый новый капитан, молодой и зеленый, который еще и меча из ножен не доставал?

Паран усмехнулся:

– Верно.

– Ты хоть знаешь, какие тут народ против тебя ставки делает? Шансы, прямо скажем, не очень-то.

– Что ты имеешь в виду?

Женщина широко улыбнулась.

– Ох, попомни мои слова, – ответила она, снова укладываясь на спину и закрывая глаза, – что первая кровь, которую ты увидишь, будет твоей собственной, капитан Паран. Возвращайся-ка ты лучше на Квон-Тали, там безопасно. Давай беги, императрице нужно пятки вылизать.

– Они и так уже достаточно чистые, – произнес Паран. Он никак не мог решить, что делать в этой ситуации. С одной стороны, хотелось вытащить меч и разрубить Хватку пополам. С другой – расхотелось, и в этом желании отчетливо звенела нотка истерики.

Тут у него за спиной хлопнула входная дверь, и тяжелые шаги застучали по половицам. В комнату ворвался краснолицый сержант с огромными, лихо закрученными усами. Он подошел к койке, не обращая внимания на Парана, и сердито уставился на женщину:

– Хватка, чтоб тебе пусто было, ты же говорила, что Колотуну сегодня не везет! А теперь этот кривоногий подонок меня обчистил!

– Колотуну нынче и вправду не везет, – ответила Хватка. – Только тебе не везет еще больше. Об этом же ты меня не спрашивал? Мураш, познакомься с капитаном Параном, новым офицером Девятого взвода.

Сержант развернулся на каблуках и оглядел Парана.

– Худов дух! – пробормотал он и снова перевел взгляд на Хватку.

– Я ищу Скворца, сержант, – мягко сказал Паран.

Что-то в тоне капитана заставило Мураша обернуться. Он открыл было рот, чтобы высказать все, что он думает о новичке, но встретил твердый взгляд Парана и передумал.

– Тут какой-то мальчишка принес послание, и Скворец отчалил. Но его люди сейчас сидят у Нобба.

– Спасибо, сержант, – холодно поблагодарил Паран и вышел из казармы.

Мураш глубоко вздохнул и посмотрел на Хватку.

– Два дня парень продержится, – заявила она, – а потом его кто-нибудь прикончит. Старый Камнерож на это двадцать монет поставил.

Мураш помрачнел:

– Что-то мне подсказывает: плакали его денежки.

* * *

Паран вошел в таверну Нобба и остановился в дверях. В зале было полно солдат, их голоса сливались в глухой гул. Но только у некоторых пламенел на форме значок сжигателей мостов, все остальные были из Второй армии.

За большим столом под выступающей галереей, на которую выходили двери комнат второго этажа, играли в карты полдюжины сжигателей мостов. Широкоплечий человек с черными волосами, заплетенными в косички и собранными в хвост, весь униженный талисманами и фетишами, сидел спиной к залу и с бесконечным терпением сдавал карты. Несмотря на рев толпы, Паран слышал, как он монотонно подсчитывает очки. Остальные картежники поливали сдающего потоком брани, но без особого результата.

– Баргаст, – пробормотал Паран, рассматривая мужчину. – Единственный среди сжигателей мостов. Значит, это Девятый взвод. – Он глубоко вздохнул и шагнул в толпу.

Когда Паран остановился за спиной у баргаста, его дорогой плащ уже был залит прокисшим элем и горьким вином, а на лбу поблескивал пот. Баргаст только что закончил тасовать карты и положил колоду в центре стола, показав при этом бесконечную голубую татуировку, покрывавшую спиралями всю руку и только кое-где рассеченную белесыми шрамами.

– Вы из Девятого взвода? – громко спросил Паран.

Мужчина с обветренным лицом того же цвета, что и его кожаная фуражка, поднял взгляд, но потом снова сосредоточился на картах. И небрежно поинтересовался:

– Вы, наверное, капитан Паран?

– Да. А вас как зовут?

– Я Колотун. Это, – он кивнул на крупного человека справа от себя, – Молоток, взводный целитель. Баргаста зовут Ходок, но вовсе не потому, что он ни одной юбки не пропустит. Остальные не стоят вашего внимания: они из Второй армии да и вообще играть не умеют. Садитесь, капитан. Скворец и остальные отлучились на время. Но они скоро вернутся.

Паран нашел пустой стул и поставил его между Молотком и Ходком.

Колотун проворчал:

– Эй, Ходок, ты выбрал уже игру или нет?

Глубоко вздохнув, Паран обернулся к Молотку:

– Скажите мне, целитель, какова средняя продолжительность жизни у офицеров, которые служат в подразделении сжигателей мостов?

Колотун фыркнул:

– До сражения с Семенем Луны или после?

Молоток чуть приподнял тяжелые брови, отвечая капитану:

– Где-то две кампании. Вообще-то, от многих вещей зависит. Стальные яйца – это хорошо, но недостаточно. Хотите добрый совет? Надо позабыть все, чему тебя учили, и прыгнуть к сержанту на коленки, как малое дитя. Будешь его слушать, дольше проживешь.

Колотун стукнул по столу:

– Эй, Ходок, не спи! Так во что мы играем дальше?

Баргаст нахмурился.

– Я еще думаю, – прогудел он.

Паран откинулся на спинку стула и расстегнул ремень.

Ходок наконец-то определился, и Колотун, Молоток и трое солдат из Второй армии разочарованно застонали, потому что баргаст всегда только эту игру и выбирал.

Целитель обратился к капитану:

– Я так понимаю, что вы уже успели наслушаться всяких ужасов о сжигателях мостов, верно?

Паран кивнул:

– Да, офицеры откровенно их побаиваются. Говорят, смертность у вас такая высокая, потому что половина капитанов умирает с кинжалом в спине.

Он немного помолчал и уже собрался было продолжить, когда заметил, что вдруг наступила тишина. Игра остановилась, и все глаза устремились к нему. Под рубашкой на теле Парана выступил пот. Однако не сдаваться же? И он заговорил снова:

– И я уже готов в это поверить, судя по тому, что успел здесь увидеть. Но я вам так скажу – всем вам: если получу нож в спину, то уж лучше – за дело. Иначе я буду крайне разочарован. – Он застегнул ремень и поднялся. – Передайте сержанту, что я в казарме. Хочу поговорить с ним перед официальным построением.

Колотун медленно кивнул.

– Принято, капитан. – Он помолчал. – Эй, капитан! Не хочешь ли сыграть с нами?

Паран покачал головой:

– Спасибо, но нет. – Ухмылка затаилась в уголке его рта. – Не годится офицеру отбирать деньги у собственных солдат.

– А вот эту заявку ты лучше когда-нибудь подтверди делом, – сказал Колотун, и глаза его сверкнули.

– Я об этом подумаю, – ответил Паран и вышел из-за стола. Проталкиваясь через толпу, он почувствовал нарастающее ощущение собственной ничтожности, которое застало его врасплох. Он провел детство среди аристократов, да и потом, во время учебы в академии, вращался в кругу себе подобных. За эти годы Паран привык быть высокомерным и гордым. И вдруг понял, что сейчас эта его гордыня трусливо спряталась где-то в дальнем уголке сознания – потрясенная и онемевшая.

До той судьбоносной встречи с Лорн офицерская карьера казалась ему легким путем: в военно-морской академии многие вопросы решались подмигиваниями и едва заметными кивками головы. Но имперские войны шли в тысяче лиг от столицы, и здесь, понял Паран, всем было плевать на его происхождение, влияние при дворе и прочее. Об этом лучше даже не заикаться, если только не хочешь побыстрее отправиться на тот свет. Кабы не миссия, которую возложила на него адъютантесса, он бы ни за что не согласился командовать этими людьми.

Паран открыл дверь таверны и вышел на улицу. Ничего удивительного, поморщился он, что армии старого императора, создавая Малазанскую империю, так легко покорили феодальные королевства. Капитан вдруг обрадовался пятнам на своей новенькой форме: теперь он не выглядел тут чужим.

Паран шагнул в переулок, ведущий к боковой двери в казарму, и вступил в глубокую тень: его путь проходил под высокими стенами домов и навесами балконов.

Крепь была обречена. Он достаточно знал ее историю, чтобы понять: былая слава города уже не возродится. У властей Крепи еще было достаточно силы, чтобы заключить союз с Семем Луны, но капитан подозревал, что владыка базальтовой крепости пошел на это по каким-то своим соображениям. Да, местная знать выглядела весьма импозантно и даже помпезно, но все это, по большому счету, была мишура, которая вот-вот осыплется. Паран невольно задумался о собственной семье: похоже, такова судьба всех аристократов, их время заканчивается...

Звук за спиной, чуть заметный шорох, заставил капитана обернуться. Какая-то окутанная теньми фигура шагнула к нему. Паран вскрикнул, хватаясь за меч. Когда фигура оказалась рядом, на него дохнуло ледяным ветром. Молодой человек отшатнулся, заметив, что в обеих руках незнакомца блеснули клинки. Он развернулся боком и уже наполовину достал свой меч из ножен. Но тут левая рука нападавшего рванулась вверх. Паран откинул голову и выдвинул вперед плечо, чтобы отбить удар, которого не было. Вместо этого длинный кинжал вошел в его грудь, которую словно бы обожгло огнем. Второй клинок вонзился ему в бок, и в рот хлынула кровь. Паран закашлялся и застонал. Он зашатался, прислонился к стене, а потом сполз на мостовую, тщетно цепляясь рукой за мокрые камни. Его ногти оставляли в плесени глубокие борозды.

В голове крутилась одна-единственная мысль: «Жаль, что все закончилось так глупо». А потом он и вовсе погрузился во тьму.

Паран расслышал едва различимый звон, словно что-то маленькое и металлическое покапало по твердой поверхности. Потом, судя по звуку, неизвестный предмет завертелся, и темнота стала отступать.

– Как тут грязно, – тонким голосом произнес какой-то мужчина. – Я удивлен.

Где же Паран прежде слышал подобный характерный выговор? Он вспомнил, что во времена его детства отец вел дела с торговцами из Дал-Хона, которые точно так же произносили слова.

Ответ прозвучал прямо над ухом Парана:

– Никак за нами следят? – Этот выговор он тоже узнал: явно уроженец Кана. Голос, кажется, принадлежал девушке или даже ребенку, но капитан понял, что это голос его убийцы.

– Просто совпадение, – ответил другой незнакомец, а потом хихикнул. – Кто-то – точнее, *что-то*, вошло на наш магический Путь. Без приглашения. Мои гончие охотятся.

– Лично я не верю в совпадения.

И снова хихиканье.

– Я тоже. Два года назад мы начали собственную игру. Обычное сведение счетов. Кажется, здесь, в Крепи, мы столкнулись с игрой, которую ведет кто-то другой.

– Да? И кто же именно?

– Вскоре я получу ответ на этот вопрос.

– Не отвлекайся, Амманас. Наша основная цель – Ласин и падение империи, которой она правит, но которой абсолютно точно не заслуживает.

– Как всегда, я полностью на тебя полагаюсь, Котильон.

– Мне нужно идти, – сказал девичий голос, удаляясь.

– Разумеется. Так это и есть тот человек, которого Лорн отправила за тобой?

– Думаю, да. В любом случае это заставит ее вступить в бой.

– А мы этого хотим?

Разговор затих, когда оба его участника отошли дальше, и теперь единственным звуком, который по-прежнему слышал Паран, оставалось мерное гудение, словно бы в воздухе вращалась монета: она все вертелась и вертелась – и даже не думала останавливаться.

Глава четвертая

*Особенными были все они
в те дни, когда
история размашисто писалась
татуировок сетью
и узором старых ран
красноречивых...
Только что-то полыхало
в их взглядах —
те арки, что растаяли в огне,
те призрачные судьбы,
что истлели:
они суть прошлое,
и каждый обречен
встать в строй
на тихом берегу
той речки,
о названии которой
они молчат...*

Ток-младший (р. 1141). Сжигатели мостов (IV: 1)

Рваная Снасть мрачно посмотрела на Скворца.

— Локон сошел с ума, — заявила она. — Он всегда был немного с приветом, но теперь и вовсе спятил: прогрызает дыры в собственном магическом Пути и пробует на вкус Хаос. Но хуже всего то, что это делает его еще сильнее, еще опаснее.

Они собрались во временном жилище Рваной Снасти, которое состояло из гостиной — где они сейчас сидели — и спальни, отделенной крепкой деревянной дверью, что было по нынешним временам настоящей роскошью. Прежние обитатели поспешили вынести из дома все ценное, что смогли, и оставили только самую тяжелую и громоздкую мебель. Рваная Снасть сидела за столом вместе со Скворцом, Быстрым Беном и Каламом, а также сапером по имени Скрипач. Воздух в комнате стал жарким, душливым.

— Конечно, Локон сошел с ума, — ответил Быстрый Бен, глядя на сержанта, который сохранял на лице невозмутимое выражение. И торопливо добавил: — Но этого и следовало ожидать. Фенеров хвостик, госпожа, у него же тело куклы! Конечно, он от этого двинулся.

— Куда двинулся? — спросил мага Скворец. — Он же должен прикрывать нам спины, не так ли?

— Бен держит его под контролем, — сказал Калам. — Локон идет по следу в лабиринте, он выяснит, кто в Малазанской империи хочет нас погубить.

— Опасность в том, — вставил Быстрый Бен, оглядываясь на Рваную Снасть, — что его могут обнаружить. Локону приходится странствовать по магическим Путям необычными способами — все обычные теперь закрыты.

Рваная Снасть обдумала эти слова, потом кивнула:

— Тайскренн уже давно бы нашел его или, по крайней мере, сообразил, что кто-то что-то разнюхивает. Но Локон использует силы Хаоса, тропы, которые проложены *между* Путиами. А это опасно и может порядком навредить не только ему самому, но и всем нам.

— А нам-то почему? — удивился Скворец.

– Это ослабляет магические Пути, разрывает ткань, что, в свою очередь, позволяет Локону вламываться в них по собственному желанию... а потом уходить, – пояснил Быстрый Бен. – Но у нас нет выбора. Нужно держать Локона на длинном поводке. Пока что.

Чародейка вздохнула, массируя виски:

– Тот, кого вы ищете, – Тайскренн. Я уже говорила вам...

– Этого мало, – отрезал Быстрый Бен. – Необходимо выяснить подробности. Сколько агентов он использует? Каковы детали плана, да и вообще, в чем этот самый план заключается? Он действует по приказу Ласин или же наш высший маг сам приглядывается к престолу? Проклятие! Все это нам нужно знать!

– Хорошо, хорошо, – кивнула Рваная Снасть. – Предположим, Локон распутает для вас этот клубок. И что потом? Вы попытаетесь убить Тайскренна и всех, кто в этом замешан? И рассчитываете, что я стану вам помогать?

Она переводила взгляд с одного гостя на другого, но лица всех четверых оставались непроницаемыми. Это порядком рассердило Рваную Снасть, и она вскочила.

– Я знаю, – сухо сказала чародейка, – что Тайскренн, скорее всего, убил А'Карониса, Ночную Стужу и Калота. Он, вероятно, был в курсе, что тоннели вокруг вас обвалятся, и он мог решить, что Вторая армия Дуджека стала опасной, поэтому следует провести чистку. Но если вы решили, что я буду помогать вам, не зная, что именно вы задумали, то ошибаетесь. Я уверена, что вы скрываете от меня нечто очень важное. Если речь идет только о том, чтобы остаться в живых, то почему бы вам просто не дезертировать? Сомневаюсь, что Дуджек станет вас преследовать. Если, конечно, подозрения насчет Однорукого и Второй армии не имеют под собой оснований – если вы не готовитесь поднять бунт, провозгласить Дуджека императором и пойти на Генабарис. – Она замолчала, переводя взгляд с одного мужчины на другого. – Неужели Тайскренн просто предвидел это и спутал вам карты? Вы и меня втягиваете в заговор? Если так, то я хочу знать все подробности. У меня есть на это право, верно?

Скворец пробурчал что-то невразумительное, а потом потянулся за кувшином с вином, который стоял на столе, и снова наполнил всем кубки.

Быстрый Бен глубоко вздохнул, потер загривок и тихо сказал:

– Рваная Снасть, мы не собираемся прямо выступить против Тайскренна. Это было бы самоубийством. Нет, мы лишим его поддержки – осторожно, аккуратно, а потом устроим так, что он... впадет в немилость. Если, конечно, сама императрица тут ни при чем. Но нам нужно знать больше, нам просто необходимо получить ответы на множество вопросов, прежде чем мы определимся с планом действий. Тебе не обязательно впутываться в наши дела больше, чем ты уже впуталась. Чем меньше знаешь, тем для тебя же самой безопаснее. Локон хочет, чтобы ты прикрывала ему спину, если все остальное не сработает. Но, скорее всего, в этом не будет необходимости. – Маг поднял глаза и выдавил из себя улыбку. – Предоставь Тайскренна мне и Каламу.

«Это все прекрасно, но ты мне так и не ответил».

Рваная Снасть прищурилась и посмотрела на чернокожего сжигателя мостов:

– А правда, что ты когда-то был когтем?

Калам пожал плечами.

– Я думала, что от них невозможно уйти живым.

Он снова пожал плечами.

Сапер по имени Скрипач проворчал что-то невразумительное и поднялся со стула. Он начал ходить туда-сюда по комнате, беспокожно сновал на своих замотанных тряпками ногах от стены к стене, словно лиса в западне. Никто не обращал на него внимания.

Скворец протянул кубок Рваной Снасти:

– Положись на нас, чародейка. Вообще-то, Быстрый Бен не из тех, кто способен наломать дров... во всяком случае, не слишком много. – Он помрачнел. – Признаюсь, у меня есть некоторые сомнения, но я приучился доверять ему. Понимай это как знаешь.

Рваная Снасть сделала большой глоток, вытерла губы.

– Ваш взвод сегодня ночью отправляется в Даруджистан. Тайно, так что я не смогу с вами связаться, если дело вдруг примет скверный оборот.

– Может, это и к лучшему. По крайней мере, Тайскренн ничего не заподозрит, – сказал Быстрый Бен. – Локон – наш единственный надежный канал. Связывайся с нами через него, Рваная Снасть.

Скворец оценивающе посмотрел на чародейку:

– У меня такое чувство, что ты не доверяешь Локону.

– Да, так оно и есть, – кивнула женщина.

Сержант замолчал, его взгляд уперся в столешницу. Несмотря на невозмутимое выражение на лице Скворца, чувствовалось, что внутри у него бушует целая буря эмоций.

«Он привык держать все в себе, но делать это становится все сложнее и сложнее, – подумала чародейка. – Ох, смотри, Скворец, как бы тебе крышу не снесло, когда страсти вырвутся наружу».

Двое выходцев из Семиградья ждали, глядя на своего командира. Только Скрипач продолжал нервно расхаживать туда-сюда. Его форма до сих пор была перемазана грязью подземных тоннелей. Чужая кровь обильно заляпала спереди мундир сапера: похоже, кто-то умер прямо у него на руках. Под неровной щетиной на щеках и подбородке Скрипача виднелись плохо залеченные волдыри от ожогов, а тонкие рыжие волосы торчали во все стороны из-под кожаной фуражки.

Прошла долгая минута, потом сержант решительно кивнул. Не отрывая взгляда от стола, он произнес:

– Хорошо, чародейка. Будь по-твоему. Быстрый Бен, расскажи ей про Жаль.

Рваная Снасть удивленно приподняла брови. Она скрестила на груди руки и обернулась к магу.

Быстрый Бен явно был не в восторге от подобной перспективы. Он замялся и с надеждой взглянул на Калама, но великан отвел глаза.

– Давай уже, маг, излагай, – проворчал Скворец.

Быстрый Бен встретил настойчивый взгляд Рваной Снасти с почти детским выражением: испуг, вина и досада одновременно отразились на его узком лице.

– Ты помнишь девчонку, которая была с нами?

Чародейка хрипло расхохоталась:

– Забудешь ее, как же! Есть в ней что-то... странное. Даже опасное. – Рваная Снасть подумала, не рассказать ли гостям о том, что открылось ей, когда она гадала Тайскренну.

«Может, поведать им про Деву Смерти? – Но что-то удержало чародейку. – Хотя ясно, что именно, – сообразила она, – я все еще не доверяю этим людям». А вслух поинтересовалась:

– Вы в чем-то подозреваете Жаль?

Лицо мага стало пепельным. Он откашлялся:

– Ее завербовали два года назад в самом сердце империи, в Итко-Кане. Девчонка сама записалась в армию, новобранцев ведь набирают постоянно.

Рядом загудел голос Калама:

– И примерно в это же время там случилось страшное и загадочное происшествие. Подробности той истории закопали очень глубоко. Сначала туда приехала лично адъютантесса, а следом за ней примчались когти и заткнули рты почти всем городским стражникам, которые могли хоть что-то рассказать. Я потянул за старые ниточки и вытащил кое-какие удивительные подробности.

– Не просто удивительные, – вмешался Быстрый Бен, – но и весьма знаменательные, если знать, на что обращать внимание.

Рваная Снасть улыбнулась про себя. Эти двое явно привыкли говорить дуэтом. Она снова поглядела на мага, который продолжил:

– Судя по всему, кавалерийский эскадрон там попал в переplet. Никто не выжил, но и трупов нападавших тоже обнаружено не было. Трудно сказать, с чем именно они столкнулись, но, судя по всему, там каким-то образом были замешаны...

– Огромные собаки, – нетерпеливо закончил фразу Калам.

Чародейка посмотрела на взводного убийцу и нахмурилась.

– А теперь сложи все вместе, – сказал Быстрый Бен, снова привлекая ее внимание. – Адьюнктесса Лорн – личная помощница Ласин, которая занимается истреблением магов. Ее появление свидетельствует о том, что, когда началась бойня, там не обошлось без колдовства. Это не просто чары. Высшая магия. – Чародей пристально посмотрел на Рваную Снасть и замолчал.

Она снова глотнула вина.

«А ведь Фатид показал мне все это. Собаки и магия. – В ее памяти возник облик Узла, каким она увидела его во время гадания. – Высокий дом Тени, которым управляют Престол Теней и Узел, а им служат...»

– Семь Гончих Тени. – Рваная Снасть посмотрела на Скворца, но тот даже не поднял глаз, а лицо его оставалось невыразительным, словно камень.

– Хорошо, – нетерпеливо буркнул Быстрый Бен. – Гончие Тени вышли на охоту. Это лишь догадка, но очень похоже на правду. Деятнадцатый эскадрон Восьмой кавалерийской дивизии был уничтожен полностью, вместе с лошадьми. Мало того, все прибрежные поселения на лигу вокруг полностью обезлюдели.

– Ясно. – Чародейка вздохнула. – Но какое отношение к этому имеет Жаль?

Маг отвернулся, и заговорил Калам:

– Локон пойдет не по одному следу, а сразу по нескольким. Мы вполне уверены, что Жаль как-то связана с Домом Тени...

– Судя по всему, – сказала Рваная Снасть, – Путь Тени – с момента его появления в Колоде Драконов – слишком часто пересекается с имперским Путем, чтобы это можно было считать простой случайностью. Почему магический Путь, лежащий между Светом и Тьмой, вызывает такую... одержимость Малазанской империей?

Глаза Калама блеснули, словно бы он в глубине души о чем-то догадывался.

– Странно, не так ли? В конце концов, этот Путь снова возник только после того, как император погиб от руки Ласин. О Престоле Тени и о его спутнике, Покровителе Убийц – Котильоне, – до смерти Келланведа и Танцора никто даже и не слышал. Более того, похоже, что какие бы... э-э-э... разногласия не возникли между Домом Тени и императрицей Ласин, они... кхм... весьма личного характера...

Рваная Снасть закрыла глаза.

«Проклятие, неужели все настолько очевидно?»

– Быстрый Бен, – спросила она, – а разве доступный Путь Тени существовал не всегда? Я имею в виду Рашан, Путь Иллюзий?

– Рашан – это ложный магический Путь, чародейка. Тень того, что он якобы представляет, уж прости за каламбур. Рашан сам по себе – иллюзия. Одним богам ведомо, откуда он взялся, кто его вообще создал и зачем. Но истинный Путь Тени был закрыт, недоступен на протяжении тысячелетий – все изменилось только девять лет назад, в одна тысяча сто пятьдесят четвертом году Сна Огни. Самые древние записи Дома Тени вроде бы указывают, что его престол занимал кто-то из тисте эдур...

– Тисте эдур? – перебила его Рваная Снасть. – А это еще кто такие?

Маг пожал плечами:

– Возможно, родичи тисте анди? Я знаю далеко не все, чародейка.

«Да неужели? А мне кажется, что, вообще-то, ты знаешь слишком много».

Быстрый Бен выразительно пожал плечами, чтобы подчеркнуть свои последние слова, а потом добавил:

– Так или иначе, мы считаем, что Жаль связана с Домом Тени.

И тут Скворец напугал всех, неожиданно вскочив на ноги.

– Лично я в этом сильно сомневаюсь! – рявкнул он, бросив на Быстрого Бена взгляд, который сразу показал Рваной Снасти, что они уже много раз спорили об этом. – Да, Жаль любит убивать, и, когда она рядом, чувствуешь себя так, будто у тебя под рубашкой ползают ядовитые пауки. Я это знаю, и вижу, и чувствую так же, как любой из вас. Но это не значит, что девчонка – какой-то демон. – Он обернулся к Каламу. – Жаль убивает так же, как и ты сам, Калам. У вас обоих в жилах лед, а не кровь. Ну и что с того? Я смотрю на тебя и вижу человека, потому что люди способны на такое, что никаким демонам даже и не снилось. Знаешь, почему мы прицепились к этой девчонке? Мы смотрим на Жаль и видим свое собственное отражение. И это нам очень сильно не нравится, Худ меня побери!

Скворец сел так же резко, как и встал, и потянулся к кувшину с вином. Когда он снова заговорил, голос сержанта зазвучал уже тише:

– Это мое личное мнение. Я не специалист по демонам, но я видел достаточно мужчин и женщин, которые вели себя как демоны, если было нужно. Ну не глупо ли? Мой взводный маг до безумия испугался пятнадцатилетней девчонки. Мой взводный убийца прячет нож в ладони, как только она оказывается в двадцати шагах от него. – Скворец посмотрел в глаза Рваной Снасти. – Поэтому Локон получил два задания вместо одного, и, если ты думаешь, что Быстрый Бен и Калам правы, лучше тебе не ввязываться в это – я знаю, чем все заканчивается, когда в дело вмешиваются боги. – Глубокие морщины на миг залегли возле его глаз, ибо к Скворцу вернулись воспоминания. – Я знаю, – прошептал он.

Рваная Снасть медленно выдохнула, поскольку задержала дыхание в тот самый миг, когда сержант вскочил. Теперь ей было совершенно понятно, что ему нужно: Скворец хотел, чтобы Жаль оказалась просто человеком, обычной девчонкой, которую искалечил этот уродливый мир. Потому что это сержант был в силах понять, с этим он мог что-то сделать.

– В Семиградье, – тихо сказала чародейка, – говорят, что первый меч императора – прославленный командир его армий Дассем Ультор – якобы принял предложение бога. Худ сделал Дассема своим Рыцарем Смерти. Но потом что-то случилось, что-то... пошло не так. И Дассем отрекся от этого титула, поклялся отомстить Худу – самому Владыке Смерти. Тут уж все остальные Взошедшие начали вмешиваться, направлять события. Борьба достигла высшей точки, когда погиб Дассем и был убит император. Тогда кровь полилась на улицах, храмы пошли войной друг на друга, магия вырвалась из-под контроля. – Она замолчала, заметив, что воспоминания об этом времени отразились на лице Скворца. – Ты был там.

«И ты не хочешь, чтобы это вновь повторилось здесь и сейчас. Думаешь, если сможешь убедиться, что Жаль не служит Тени, твоей решимости хватит, чтобы изменить реальность. Тебе нужно в это верить, дабы не сойти с ума, поскольку есть такие вещи, которые можно перенести только один раз в жизни. Ах, Скворец, я не могу облегчить твою ношу. Видишь ли, сержант, я думаю, что Быстрый Бен и Калам правы».

Но вслух она произнесла:

– Если Дом Тени и впрямь завербовал эту девушку, след будет виден – Локон его непременно найдет.

– Ну что, теперь, когда ты знаешь правду, то не станешь ввязываться во все это? – спросил сержант. – Испугалась небось?

Рваная Снасть улыбнулась:

– Представь себе, стану. Ибо я боюсь только одного – умереть в неведении.

«Смелый ответ, – мысленно похвалила она себя. – Похоже, этим людям удалось пробудить во мне все самое лучшее... или, может быть, самое худшее. Поживем – увидим».

Глаза Скворца блеснули, и он кивнул.

– Ну что же, с этим разобрались, – угрюмо проворчал сержант и откинулся на спинку стула. – Что у тебя на уме, Скрипач? – спросил он сапера, который все еще расхаживал у него за спиной.

– У меня дурное предчувствие, – пробормотал тот. – Я ощущаю зло. Не здесь, но где-то совсем рядом. Просто... – Он остановился, склонил голову набок, потом вздохнул и снова начал нервно ходить туда-сюда. – Ох, плохо дело.

Рваная Снасть внимательно следила за этим странным жилистым человечком. Что это, врожденный талант? Интуиция – очень редкий дар.

– Я думаю, сержант, тебе стоит к нему прислушаться.

Скворец бросил на нее измученный взгляд.

Калам ухмыльнулся, и сеточка морщин прорезалась вокруг его темных глаз.

– Скрипач спас нам жизнь в тоннелях, – объяснил он. – Тоже все твердил про дурное предчувствие.

Рваная Снасть откинулась на стуле, скрестила на груди руки и спросила:

– А где сейчас Жаль?

Скрипач крутанулся на месте и широко раскрытыми глазами уставился на чародейку. Он открыл было рот, но сразу же снова его захлопнул.

Остальные трое вскочили на ноги так резко, что стулья попадали на пол.

– Нам надо идти, – прохрипел Скрипач. – Там нож, и на нем кровь.

Скворец проверил свой меч в ножнах.

– Калам впереди на двадцать шагов. – Он обернулся к Рваной Снасти, когда убийца выскользнул наружу. – Мы ее потеряли пару часов назад. Это часто случается между заданиями. – Его лицо вытянулось. – Кстати, вполне может и не быть никакой связи с этим окровавленным ножом.

Внезапно сила наполнила комнату, и Рваная Снасть повернулась к Быстрому Бену. Маг открыл свой магический Путь. Колдовство, так и сочившееся во все стороны, обладало каким-то странным, бурлящим привкусом, которого она не узнала, и это ее очень напугало. Женщина посмотрела в блестящие глаза чернокожего чародея.

– Странно, что мы с тобой не были знакомы раньше, – прошептала она. – В этом мире слишком мало истинных мастеров, чтобы наши пути никогда не пересекались. Кто ты, Быстрый Бен?

Скворец перебил ее:

– Все готовы?

В ответ на вопрос Рваной Снасти маг только пожал плечами, а Скворцу коротко сказал:

– Я готов.

Сержант шагнул к двери.

– Береги себя, чародейка.

И все четверо поспешно ушли. Рваная Снасть подняла стулья и снова наполнила кубок вином.

«Высокий дом Тени и нож во тьме. Началась новая игра – или же старая только что сделала новый поворот».

* * *

Паран открыл глаза, щурясь от ослепительно-яркого и горячего солнечного света, но небо над ним было... каким-то неправильным. Он не увидел солнца; желтое сияние было резким, однако не имело источника. Жара опускалась на капитана, тяжело сдавливая грудь.

Воздух наполнился стоном, но не ветром – его-то как раз и не было. Паран попытался обдумать, что же произошло, собрать воедино свои последние воспоминания, но прошлое исчезло, бесследно испарилось, остались только отдельные обрывки: каюта корабля; глухой стук, с которым его кинжал входил в деревянную ножку стола; человек с белыми волосами язвительно улыбается, а его длинные пальцы унизаны кольцами.

Паран перекатился на бок и попытался найти источник стога. В дюжине шагов от него на плоской равнине, лишенной не только травы, но даже земли, высилась арка, которая вела в...

«В никуда. Я уже видел прежде подобные ворота. Не такие большие, наверное. Но... до чего же они странные. И сделаны явно не из камня. А из чего? О господи, да это же тела, голые человеческие тела. Может, скульптуры? Нет... настоящие».

Тела шевелились, стонали, медленно извивались на месте. Кожа почернела, словно покрытая торфом, глаза распахнуты, рты открыты в слабом, бесконечном стоге.

Паран поднялся было на ноги, но зашатался, поскольку у него закружилась голова, и снова рухнул на землю.

– Уж больно он нерешительный, – произнес чей-то равнодушный голос.

Моргая, Паран перекатился на спину. Над ним стояли юноша и девушка, очень похожие друг на друга, – близнецы. Молодой человек был одет в свободное шелковое одеяние белого и золотистого оттенков; узкое лицо было бледным и абсолютно бесстрастным. Его сестра закуталась в блестящий пурпурный плащ, а в ее светлых волосах вспыхивали рыжеватые пряди.

Юноша невесело улыбнулся Парану и произнес:

– Нам давно нравился твой... – Он удивленно раскрыл глаза.

– Меч, – закончила девушка с самодовольной ухмылкой.

– Его лезвие даже тоньше, чем, скажем, монета, не так ли? – Улыбка юноши стала издевательской. – Большинство тех, кто попадает сюда, – сказал он, оглядываясь на жуткую арку ворот, – тут не задерживается. Говорят, когда-то существовал культ, приверженцы которого топили свои жертвы в болотах... Я полагаю, Худ находит такое эстетически привлекательным.

– Ничего удивительного, – протянула девушка, – у Смерти нет вкуса.

Паран попытался сесть, но не преуспел. Он уронил голову и почувствовал странную тяжесть во всем теле.

– Что случилось? – прохрипел он.

– Тебя убили, – беззаботно ответил юноша.

Паран закрыл глаза:

– Но почему тогда я не прошел во врата Худа?

– Потому что вмешались мы, – пояснила молодая женщина.

«Да ведь это же Опонны, Близнецы Удачи. И их заинтересовал мой меч, неопробованный клинок, который я купил столько лет назад и самонадеянно назвал...»

– И чего же двуединые Опонны от меня хотят?

– О, нам нужна только эта жалкая, невежественная сущность, которую ты зовешь своей жизнью, милый мальчик. Беда со Взосшедшими в том, что они пытаются мошенничать в любой игре. Но *мы*, конечно, любим... неопределенность.

В воздухе зазвенел далекий вой.

– Ого! – сказал юноша. – Я бы сказал, пора определяться. Нам лучше удалиться, сестра. Прости, капитан, но, кажется, ты все-таки пройдешь через эти врата.

– Может быть, – заметила девушка. – А может быть, и нет.

Брат накинудся на нее:

– Мы же договорились! Никаких драк! До чего же все это грубо и неприятно. Я терпеть не могу столь отвратительные сцены! К тому же те, кто идут сюда, играют нечестно.

– Так мы и не будем ввязываться в драку, – огрызнулась сестра. Она обернулась к воротам и, повысив голос, воскликнула: – Владыка Смерти! Мы хотим говорить с тобой! Эй, Худ!

Паран повернул голову и увидел, как из ворот вышла и медленно приблизилась к ним какая-то согбенная, хромающая фигура. Капитан прищурился. Один образ сменял другой: старуха, ребенок с текущей по подбородку слюной, искалеченная девушка, низкорослый уродливый трелль, иссушенный тисте анди...

– Да определись уже! – буркнула сестра.

Чудовище склонило набок череп с растянутыми в загробной улыбке грязно-желтыми зубами.

– Вы сами не умеете выбирать, – проговорило оно дрожащим голосом, – поскольку лишены фантазии.

– Ты не Худ, – нахмурился брат.

Кости шевельнулись под скрипящей кожей.

– Мой господин занят.

– Занят? Мы не потерпим оскорблений! – возмутилась девушка.

Чудовище захихикало было, но потом резко замолкло.

– Как неудачно. Сладкозвучный хохот, глубокий и гортанный, мне бы подошел больше. Ну да ладно, отвечаю: а мой господин не потерпит того, что вы вмешались в естественный переход этой души сквозь врата.

– Но этот человек погиб от руки бога, – возразила сестра, – что делает его нашим законным трофеем.

Создание закричало, подвинулось ближе, чтобы взглянуть на Парана. Глазницы его слабо поблескивали, словно бы в тени прятались старые жемчужины.

– И чего же вы, Опонны, хотите от моего господина? – спросило оно, рассматривая капитана.

– Я – ничего, – сказал брат, отворачиваясь.

– А твоя сестра?

– Смерть должна обождать, когда нет полной ясности. Даже боги боятся неуверенности, – ответила девушка. – Позвольте нам на некоторое время вернуть этого человека к жизни.

Существо опять захихикало и снова резко замолкло.

– Баш на баш?

– Конечно, – отозвалась сестра. – Я найду для вас другую смерть, столь же безвременную. И даже бессмысленную.

Жуткое создание помолчало, потом кивнуло, и голова его при этом скрипнула.

– Ладно, но только в тени этого смертного.

– Договорились.

– В моей тени? – спросил Паран. – Что это значит?

– Увы, большое горе, – ответило чудовище. – Кто-то близкий тебе пройдет через врата Смерти... вместо тебя.

– Нет. Забери лучше меня! Умоляю!

– Замолчи уже! – рявкнуло страшилище. – От пафоса мне становится дурно.

Вой зазвучал снова, на этот раз намного ближе.

– Нам лучше уйти, – сказал брат.

Чудовище приоткрыло было челюсти, чтобы расхохотаться, но потом с треском их захлопнуло.

– Нет уж, – пробормотало оно, – с меня довольно.

После чего заковыляло обратно к воротам и остановилось только один раз, чтобы обернуться и помахать на прощание.

Девушка закатила глаза.

– Нам пора, – тревожно произнес брат.

– Да-да, – протянула сестра, разглядывая Парана.

Капитан вздохнул и отвел взгляд.

– Не оставляйте меня одного с загадками, – попросил он.

Но Опонны, когда он снова посмотрел на них, уже исчезли. Молодой человек снова попробовал встать. И опять безуспешно.

В воздухе вновь запахло опасностью, капитан почувствовал, что атмосфера накалилась. Тяжело вздохнув, Паран завертел головой. Он увидел двух Гончих Тени – огромных мускулистых тварей, которые сидели и смотрели на него, высунув темные языки.

«Это они перебили тогда солдат в Итко-Кане. Вот эти проклятые, ужасные звери».

Оба пса замерли, наклонив к капитану головы, словно заметили ненависть в его глазах. Паран почувствовал, как сердце холодеет от их жадного взгляда. И не сразу заметил, что сам оскалил зубы.

Пятно тени отделилось от двух Гончих, пятно в форме полупрозрачного человека.

Тень заговорила:

– Так это ты посланник Лорн? А я, признаться, ожидал кого-то более... толкового. Хотя, следует признать, умер ты достойно.

– Судя по всему, я пока еще не умер, – возразил Паран.

– Ну да, – проговорила тень, – и теперь мне придется заканчивать работу. Столько дел, столько дел.

Паран подумал о том, что Опонны сказали прислужнику Худа. «Даже боги боятся неуверенности...»

– В день, когда ты умрешь, Престол Тени, – тихо произнес он, – я буду ждать тебя по ту сторону этих ворот. С улыбкой. Боги же *могут* умереть, не так ли?

Что-то громко треснуло под аркой ворот. Престол Тени и Гончие Тени вздрогнули.

А Паран, удивляясь собственной отчаянной храбрости, продолжил поддразнивать самих Взошедших.

«Я же всегда презирал начальство и власть, не так ли?»

– Учитывая, что я застрял на полпути между жизнью и смертью, я ничем не рискую, давая подобное обещание.

– Ты лжец. Единственный магический Путь, который может теперь тебя коснуться, – это...

– Смерть, – сказал Паран. – Правда, – добавил он, – кое-кто... вмешался – и поспешил уйти, прежде чем ты и твои громогласные псы прибыли сюда.

Король Высокого дома Тени метнулся вперед:

– Кто это был? Что он задумал? Кто противостоит нам?

– Сам ищи ответы на свои вопросы, Престол Тени. Ты же понимаешь, не так ли, что если сейчас отправишь меня через эти врата, то твой... противник начнет использовать другие средства. Не зная, кто станет очередным инструментом, как ты вычислишь его следующий шаг? Будешь шараться от каждой тени.

– Да, легче проследить за тобой, – согласился бог. – Мне нужно поговорить со своим спутником...

– Как хочешь, – перебил Паран. – Если бы только я мог встать...

Бог хитро усмехнулся и расхохотался:

– Если ты встанешь, то пойдешь. И только в одну сторону. Тебе дали отсрочку; и если Худ явится, чтобы поднять тебя на ноги, тебя поведет его рука, а не наша. Великолепно. А если будешь жить, моя тень последует за тобой.

Паран хмыкнул:

– Сколько народу теперь собралось в моей тени.

Его взгляд снова упал на Гончих Тени. Псы пристально смотрели на него, а их глаза мерцали, как угольки.

«Я еще до вас доберусь».

Алый свет стал ярче, как будто его раздуло это мысленное обещание.

Бог снова заговорил, но мир вокруг Парана вдруг потемнел, поблек и угас. Голос пропал, а вместе с ним – все чувства и ощущения, кроме одного: капитан отчетливо слышал возобновившийся звон вертящейся монеты.

* * *

Неизвестно, сколько прошло времени. Паран бродил по лабиринтам воспоминаний, казалось бы давным-давно утраченных: вот он маленький ребенок, который цепляется за платье матери и делает первые неуверенные шаги; вот ночью, когда на дворе бушует гроза, он бежит по холодным коридорам в спальню родителей, шлепая крохотными ножками по каменным плитам пола; вот он держит за руки двух своих сестер, они стоят все вместе на мощеном дворе и кого-то ждут. Образы рассыпались у него в голове, и картина представала под иным углом. И вовсе не за мамино платье он цеплялся, а за подол старой служанки. И мчался, перепуганный бурей, не в спальню родителей, а в комнату слуг; да и там, во дворе, они с сестрами простояли чуть ли не целое утро, ожидая приезда матери и отца, по сути малознакомых людей, которые почти не уделяли своим детям внимания.

В его сознании проплывали отдельные сцены, мгновения, исполненные таинственного смысла, скрытой значимости, фрагменты загадки, которую он не мог распознать, собранные чужой рукой с неведомой целью. Паран мысленно содрогнулся от ужаса, когда почувствовал, что кто-то перебирал важнейшие события его жизни, переворачивая их и бросая в новую тень настоящего. Чья-то уверенная рука... *играла*. Ну да, играла с ним, с самой его жизнью.

«Какая странная у меня смерть...»

Тут он услышал голоса:

– Вот проклятие! – Перед открытыми, пустыми глазами Парана возникло чье-то лицо. Да это же капрал Хватка. – Не повезло парню, – сказала она.

Рядом заговорил сержант Мураш:

– Никто в Девятом взводе его бы так не отделал. Да и в городе нападать бы не стали.

Хватка протянула руку и коснулась раны на груди капитана, ее пальцы на удивление осторожно пробежали по его разорванной плоти.

– Это точно не работа Калама.

– Ты тут побудешь? – спросил Мураш. – Я схожу приведу Колотуна, Молотка и всех, кого еще найду.

– Валяй, – ответила женщина, обнаружив вторую рану в восьми дюймах под первой. – А этот удар, не такой сильный, ему нанесли уже потом, правой рукой.

«Вот уж действительно, до чего странная смерть», – вновь подумал Паран.

Что его здесь задержало? Ведь он был... там? Не почудились же ему жара и жгучий желтый свет, не имеющий источника? И говорящие фигуры – призрачные, едва различимые – там, под аркой из... из человеческих тел с закрытыми глазами и распахнутыми ртами. Хор мертвецов... Получается, Паран побывал где-то в другом месте, но вернулся к этим настоящим голосам, настоящим рукам, касавшимся его тела? Как он вообще что-то видит сквозь пустые,

стеклянные глаза? Почему чувствует мягкие руки Хватки на своем теле? И откуда эта боль, которая поднимается из глубин, словно левиафан?

Женщина убрала руку и, опершись локтями на бедра, присела на корточки рядом с Параном:

– Ну не странно ли, капитан, что у тебя до сих пор идет кровь? Ранили-то тебя по меньшей мере час назад.

Боль всплыла на поверхность. Паран с трудом разомкнул липкие губы и попытался сплюнуть. Его челюсть щелкнула, и он рывком втянул в себя воздух. А потом закричал.

Хватка молниеносно отскочила, и в ее руке, словно по волшебству, оказался меч. Она отступила к дальней стене переулка.

– Милостивая Шедуль!

Сапоги застучали по мостовой справа от нее, и Хватка рывком повернула голову:

– Целителя! Этот ублюдок еще жив!

* * *

Часы на городской башне пробили три часа ночи. Гудение колокола звучно разносилось над пустыми улицами покоренной Крепи, где был введен комендантский час. Начал моросить дождь, и все вокруг затянуло мутной дымкой, сквозь которую кое-где пробивался золотистый свет фонарей. В двух кварталах от старого дворца, перед большой, просторной усадьбой, в которой расквартировали Вторую армию, двое караульных, закутавшись в непромокаемые плащи, стояли на посту у главных ворот.

– Ну и паршивая ночь нынче выдалась, – поежился первый часовой.

Другой переложил пику на левое плечо и харкнул в канаву.

– Какая пронизательность! – Он покачал головой. – Если вдруг совершишь еще какое-нибудь потрясающее открытие, ты уж поделись со мной, ладно?

– Да что я не так сказал? – обиделся первый.

Второй солдат вдруг замер.

– Тихо, кто-то идет.

Стражники напряженно ждали, сжимая в руках оружие. С противоположной стороны улицы появилась какая-то фигура и шагнула в круг света от факелов.

– Стой! – прорычал второй часовой. – Подходи медленно и давай без глупостей. Ты кто такой?

Человек сделал шаг вперед.

– Калам, сжигатель мостов, Девятый взвод, – тихо произнес он.

Часовые по-прежнему держались настороженно, но сжигатель мостов спокойно стоял на месте, даже и не думая приближаться. Его темное лицо поблескивало под дождем.

– Чего тебе тут надо? – спросил стражник.

Калам хмыкнул и бросил взгляд назад на улицу.

– Возникло у нас одно дело, но лучше бы Тайскренну о нем не знать. Понимаешь, солдат? Нужна ваша помощь.

Часовой ухмыльнулся и снова сплюнул в канаву.

– Калам, говоришь? Так ты, выходит, капрал из взвода Скворца? – В его голосе прозвучало уважение. – Ладно, тебе мы поможем.

– Ясное дело, поможем! – пробурчал другой стражник. – Я и сам воевал в Натилоге. Так что тебе нужно? Если хочешь, чтобы дождь ослепил нас на часок, только скажи.

– Мы пронесем внутрь одного человека, – ответил Калам. – Но если вас вдруг спросят, ничего такого на вашем дежурстве не было.

– Клянусь вратами Худа, мы ничего не видели и не слышали, – откликнулся второй часовым. – Тихо было и спокойно, только дождь накрапывал.

Издаലെка слышались шаги. Калам жестом позвал кого-то за собой, а потом скользнул внутрь, как только первый стражник отпер ворота.

– Как по-твоему, что они задумали? – спросил он, когда Калам исчез.

Его товарищ пожал плечами:

– Надеюсь, приготовили какую-то пакость Тайскренну, чтобы этому убийце и предателю пусто было. От сжигателей мостов всего можно ожидать. – Стражник замолчал, когда подошли два товарища Калама, которые несли раненого.

Глаза второго солдата широко раскрылись, когда он увидел, в каком чине раненый, и заметил пятна крови на его перевязи.

– Оппонново счастье! – присвистнул караульный, обернувшись к одному из сжигателей мостов, человеку в потрепанной кожаной фуражке. – Это кто же так отделал вашего приятеля?

Сжигатель мостов сурово посмотрел на него:

– Если следом за нами появится девушка, не стойте у нее на пути, ясно?

– Какая еще девушка? Горожанка?

– Нет, она тоже из Девятого взвода и сегодня, кажется, хочет крови, – ответил человек в фуражке, когда они с товарищем вносили капитана в ворота. – Если что, забудьте про пост, – бросил он через плечо. – Просто постарайтесь спасти собственные шкуры.

Когда сжигатели мостов прошли внутрь, караульные растерянно уставились друг на друга. Потом первый солдат потянулся было запереть ворота, но другой его остановил.

– Не закрывай, – пробормотал он. – Давай-ка отойдем куда-нибудь в тенедек, да подальше от ворот, чтобы нас не заметили.

– Ну и паршивая ночь нынче выдалась! – вновь сказал первый часовым.

– Да сколько уже можно твердить одно и то же! – раздраженно произнес его товарищ и двинулся прочь от ворот.

Первый солдат беспомощно пожал плечами и поспешил вслед за напарником.

* * *

Рваная Снасть долго и пристально смотрела на карту, которая лежала в центре поля. Чародейка выбрала спиральный расклад, прошла по всей Колоде Драконов, и вот она – самая последняя карта, которая могла полностью изменить всю картину, в зависимости от того, как ляжет.

Спираль превратилась в колодец, этакий тоннель, уводящий вниз, и на дне, которое казалось далеким и укрытым тенями, колдунью ждало изображение Пса. Она чувствовала, что это гадание пришлось очень ко времени. Если раньше Оппонны вели свою игру, то сейчас Высокий дом Тени вмешался и бросил им вызов. Взор Рваной Снасти притягивала первая карта, которую чародейка поместила в самом начале спирали. Каменщик Высокого дома Смерти занимал скромное положение среди других карт, но сейчас выгравированная на дереве фигура приобрела вес и значение. Брат Солдата из того же Дома, Каменщик был изображен как худой сидящий мужчина в поношенной одежде. Его могучие руки со вздувшимися жилами сжимали инструменты каменотеса, а вокруг поднимались грубо обработанные менгиры. Рваная Снасть обнаружила, что может различить на камнях полустертые знаки. Правда, этого языка она не знала, но символы походили на письменность Семиградья. В Доме Смерти Каменщик был строителем курганов, воздвигателем камней, обещанием смерти не одной или двум, но многим особам. Послание на менгирах не предназначалось ей: Каменщик вырезал эти слова для самого себя, а время сгладило резьбу – даже его собственное лицо было покрыто сетью

трещин, серебристая борода поредела и спуталась. Такую роль принял на себя человек, который когда-то работал с камнем, но потом оставил это занятие.

Сегодня чародейка зашла в тупик. Расклад сбивал ее с толку: такое чувство, словно бы началась совершенно иная игра и на сцену каждый миг поднимаются новые актеры. В центре спирали лежал Рыцарь Высокого дома Тьмы, который уравнивал начало и конец. Как и в прошлый раз, когда колода открыла ей эту фигуру – наполовину человека, наполовину дракона, – что-то парило в чернильно-черном небе над Рыцарем, невидимое и неуловимое. Рваной Снасти иногда даже казалось, что это темное бельмо на ее собственных глазах.

Черный меч Рыцаря указывал в сторону Пса на вершине спирали, и внезапно чародейка поняла, что это означает. Будущее сулило столкновение между Рыцарем и Высоким домом Тени. Подобная перспектива напугала Рваную Снасть, но одновременно она и испытала облегчение – грядет битва. Эти Дома не заключат союза. Редко можно было увидеть такую ясную и прямую связь между ними: представив масштаб возможных разрушений, колдунья похолодела от страха. Кровавое пролитие на таком высоком уровне силы вызовет отголоски, которые прокатятся по всему миру. Неизбежно пострадают люди. И эта мысль снова привела ее к Каменщику из Высокого дома Смерти. Сердце Рваной Снасти гулко забилося в груди. Она сморгнула пот с глаз и с трудом несколько раз глубоко вздохнула.

– Кровь, – пробормотала она, – всегда течет вниз.

«Каменщик строит курган – он ведь служитель Смерти, в конце концов, – и он коснется меня. Неужели этот курган... мой? Может, нужно отступить? Оставить сжигателей мостов на произвол судьбы, сбежать от Тайскренна, сбежать от империи?»

Старые воспоминания, которые она подавляла вот уже почти два века, нахлынули, словно бурный поток. Эта картина потрясла ее. Рваная Снасть снова шагала по грязным улочкам родной деревни – дитя, рожденное с даром, малышка, которая увидела вооруженных всадников, скакавших, чтобы растоптать их тихую жизнь. Девочка, которая убежала от этого знания, никому не сказав ни слова, – а потом и впрямь настала та страшная ночь, полная криков и смерти.

На нее нахлынуло чувство вины, его призрачный облик был мучительно знаком Рваной Снасти. Столько лет прошло, а лицо того мужчины все еще могло разбить на куски ее мир, опустошить то, что ей так нужно было наполнить, испепелить ее призрачное ощущение безопасности стыдом двухсотлетней давности.

Образ этот снова опустился на дно липкой трясины, но успел изменить ее. На этот раз Рваная Снасть не убежит. Ее взгляд в последний раз вернулся к Псу. Глаза гончей пылали желтым огнем, впивались в чародейку, словно для того, чтобы заклеить саму ее душу.

Рваная Снасть окаменела на стуле, когда сзади ее вдруг обдало волной холода. Чародейка медленно обернулась.

– Прости, что не предупредил, – сказал Быстрый Бен, выходя из завихрений своего Пути. Комнату наполнил какой-то странный пряный запах. – Нас отправляют в Даруджистан, – потерянно проговорил маг. – Я позвал Локона. Он придет по своему магическому Пути.

Рваная Снасть задрожала от тревожного предчувствия. Она отвернулась к Колоде Драконов и начала собирать карты.

– Положение только что сильно усложнилось, – сказал Быстрый Бен у нее за спиной. Чародейка криво улыбнулась.

– В самом деле? – пробормотала она себе под нос.

* * *

Ветер бросал дождь в лицо Скворцу. Где-то в темноте глухо прозвенел колокол: четыре часа ночи. Сержант плотнее закутался в плащ и устало перенес вес тела на другую ногу. Вид с крыши восточной башни дворца почти полностью скрывала пелена дождя.

– Ты уже несколько дней ходишь сам не свой, – сказал он человеку, который стоял рядом. – Говори уже, что стряслось.

Скрипач стряхнул с лица дождевую воду и покосился на восток.

– Не то чтобы стряслось, сержант, – угрюмо проворчал он. – Просто у меня нехорошее предчувствие. Вот взять, к примеру, эту чародейку...

– Рваную Снасть?

– Ага. – Звякнул металл: сапер расстегнул перевязь, на которой висел меч, и пробормотал: – До чего же мне надоело оружие!

Скворец смотрел, как Скрипач швырнул перевязь и короткий меч в ножнах на покрытую галькой крышу у себя за спиной.

– Только не забудь его, как в прошлый раз, – сказал сержант, пряча улыбку.

Скрипач поморщился:

– Вот так всего один раз оплошаешь, и потом это тебе до самой смерти поминать будут.

Скворец ничего не ответил, но плечи его задрожали от смеха.

– Худовы кости, – продолжил Скрипач, – и чего меня понесло в солдаты? Человек я по натуре мирный, родился в одном из проулков Малаза. Как подросток, обучился камни тесать, их же полным-полно на равнине за Паяцевым замком. – Он взглянул на сержанта. – Ты ведь тоже был каменотесом, как и я. Только тебе, в отличие от меня, военная наука легко дается. Мне дорога была либо в армию, либо в шахту – и иногда я думаю, что сделал неправильный выбор.

Все веселье Скворца разом прошло.

«Хорошенькая наука! – подумал он. – Как убивать людей? Как посылать их на смерть, завоевывая чужие земли?»

– Так что там насчет Рваной Снасти? – отрывисто спросил сержант.

– Я чувствую, что колдунья боится, – ответил сапер. – Сдается мне, гонятся за ней старые демоны – и уже почти нагнали.

Скворец хмыкнул.

– Редко когда найдешь мага с безупречным прошлым, – заметил он. – Говорят, Рваная Снасть не по доброй воле оказалась в армии. Она пыталась сбежать, но ее поймали и поставили перед выбором: или служба Малазанской империи, или смерть.

– Зря мы вообще с ней связались. С какой стати она вдруг так к нам прониклась?

– Рваная Снасть потеряла свой отряд. Ее предали. Кроме службы империи, у нее в жизни ничего больше не осталось.

«Как и у каждого из нас».

– Такое чувство, что у нее глаза на мокром месте и она в любую минуту готова разрыдаться. Думаю, чародейка сломалась, сержант. Если Тайскренн на нее как следует надавит, она мигом нас сдаст.

– Мне кажется, ты недооцениваешь Рваную Снасть, Скрипач, – возразил Скворец. – Она дамочка крепкая и с принципами. Это мало кто знает, но ей не один раз предлагали титул высшего мага, да только она упорно отказывалась. Так сразу и не скажешь, но если они упрутся лоб в лоб с Тайскренным, то еще очень большой вопрос, чья возьмет. Она – мастер магического Пути, а этого не достигнешь, не обладая твердым характером.

Скрипач тихо присвистнул и оперся руками на парапет.

– Ладно, беру свои слова обратно.

– У тебя все?

– Нет, – с каменным лицом ответил сапер.

Скворец похолодел. Он знал, что означает этот ледяной тон.

– Говори.

– Сегодня что-то случится, сержант. – Скрипач обернулся, и его глаза блеснули в темноте. – И дело будет грязное.

Оба обернулись, поскольку дверца люка на крыше громко стукнула. В потоке света, исходящего снизу, появился верховный кулак Дуджек Однорукий. Он поднялся на последнюю ступеньку и шагнул на крышу.

– А ну-ка помогите мне с этим проклятым люком! – крикнул он двум военным.

Они подошли, и гравий заскрипел под их сапогами.

– Есть новости про капитана Парана, верховный кулак? – спросил Скворец, когда Скрипач присел и, побряхтывая, с усилием закрыл крышку.

– Никаких, – ответил Дуджек. – Бесследно исчез. И кстати, пропал также и твой взводный убийца, Калам.

Скворец покачал головой:

– Я знаю, где Калам сейчас и где он был всю ночь. А вот капитан... Колотун и Молоток последними видели его, когда тот уходил из таверны Нобба, а потом он будто растворился в воздухе. Верховный кулак, клянусь, мы не убивали этого капитана Парана. Честное благородное слово!

– Не надо громких заявлений, – пробормотал Дуджек. – Проклятие, Скрипач, это что, твой меч там валяется? В луже?!

Скрипнув зубами, сапер поспешил к своему оружию.

– Про него скоро будут сказки рассказывать, – заметил Дуджек. – Шедунуль благослови его шкуру! – Он помолчал, приводя в порядок мысли. – Ладно, забудем об этом. Хорошо, вы не убивали Парана. Тогда где же он?

– Мы ищем его, – ровным тоном ответил Скворец. – Но информации слишком мало.

Верховный кулак вздохнул:

– Ясно. Ты хочешь знать, кому еще могло понадобиться убивать Парана? А тогда придется объяснить, кто его прислал. Ну, он человек адъютантессы Лорн, причем уже давно. Однако капитан точно не коготь. Он отпрыск растреклятого благородного семейства из Унты.

Скрипач снова застегнул пояс и теперь стоял в двадцати шагах от них на краю крыши, уперев руки в бока.

«Хороший человек. Проклятие, да все они хорошие!»

Скворец сморгнул с глаз капли дождя.

– Из столицы? Может, кто-то из тех кругов постарался? Никто не любит старую знать, даже сами аристократы.

– Возможно, – согласился Дуджек, но без особой уверенности в голосе. – В любом случае его прислали командовать твоим взводом, причем не только на время выполнения данного задания. Паран получил постоянное назначение.

Скворец спросил:

– Засылка в Даруджистан – его собственная идея?

Верховный кулак покачал головой:

– Нет, но чья именно, никто не знает наверняка. Может, адъютантессы, а может, и самой императрицы. Так или иначе, мы отправляем вас туда. – Он на миг нахмурился. – Я должен выдать последние инструкции. – Дуджек обернулся к сержанту. – Тебе, Скворец, если учесть, что Паран исчез.

– Могу я говорить прямо, верховный кулак?

Дуджек хрипло хохотнул:

– Думаешь, я не знаю, что ты хочешь сказать, Скворец? От этого плана смердит за милю. Полнейший кошмар с точки зрения тактики...

– А вот тут я с вами не согласен.

– Что?

– По-моему, план как раз-таки отлично подходит для достижения поставленной цели, – глухо проговорил сержант, взглянув сперва на светлевший на востоке горизонт, а потом – на солдата на краю крыши. И про себя добавил: «Ведь истинная цель заключается в том, чтобы мы все погибли».

Верховный кулак внимательно посмотрел на сержанта, а потом сказал:

– Пойдем.

Он отвел Скворца к тому месту, где стоял Скрипач. Сапер приветствовал их кивком головы. Вскоре все трое стояли у края и смотрели на город. Тускло освещенные улицы Крепи вились между громадами зданий и словно бы не хотели расставаться с ночью; за завесой дождя приземистые силуэты строений, казалось, дрожали перед приходом рассвета.

Через некоторое время Дуджек тихо произнес:

– Очень одиноко тут, правда?

Скрипач хмыкнул:

– Да уж, с этим не поспоришь.

Скворец прикрыл глаза. Что бы ни происходило в тысячах лиг отсюда, все решалось именно здесь. Такова уж империя, и она всегда будет такой – в любом месте, при любых правителях. Все они – только инструменты, не ведающие, чьи руки их направляют. Сержант уже давно уяснил эту истину, и она всегда его раздражала. Самое лучшее – это вымотаться до предела, устать так, чтобы не осталось уже сил ни о чем думать.

– На меня оказывают давление, – медленно произнес верховный кулак, – хотят, чтобы я распустил сжигателей мостов. Я уже получил приказ слить Вторую армию с Пятой и Шестой. Вот что я скажу вам, ребята: прилив несет новые воды к нашему берегу, и они пахнут горечью. – Он помолчал, а потом добавил: – Если вернешься со своим взводом живым из Даруджистана, сержант, разрешаю вам уйти на все четыре стороны.

Скворец резко повернул голову, а Скрипач словно бы окаменел. Дуджек кивнул:

– Да, вы все правильно слышали. Что до остальных сжигателей мостов – не беспокойся, сержант, я о них позабочусь. – Верховный кулак взглянул на восток, оскалив зубы в невеселой усмешке. – Они меня обложили со всех сторон. Но разрази их гром, не сумеют загнать в угол. У меня тут десять тысяч солдат, которым я многим обязан...

– Прошу прощения, – вмешался Скрипач, – но эти десять тысяч солдат пойдут за вами в огонь и в воду. Только скажите слово – и...

– Тихо! – прикрикнул Дуджек.

– Виноват.

Скворец молчал, его мысли перемешались в бурном водовороте. Однорукий только что предложил им *дезертировать*. Это слово звенело у него в голове, как погребальный плач. И он чувствовал: Скрипач сказал правду. Если верховный кулак Дуджек решит, что пришло время сделать ход, меньше всего сам Скворец захочет оказаться в этот момент в бегах, где-нибудь за тысячи лиг от центра событий. Они были близки с Дуджеком, и, хотя оба это скрывали, прошлое нет-нет да и всплывало на поверхность. В былые времена Дуджек служил под командованием Скворца, и, хотя сам Скворец не держал обиды на судьбу, он знал, что верховный кулак все еще не смирился с тем, что его старого товарища разжаловали в сержанты. Так или иначе, если придет время, Скворец хотел быть рядом с Дуджеком.

– Верховный кулак, – произнес наконец сержант, понимая, что оба – и Дуджек, и Скрипач – ждут его слов, – вообще-то, осталось еще достаточно сжигателей мостов. Да, рук на мече меньше, но клинок по-прежнему острый. Не в наших привычках облегчать жизнь тем, кто

пошел против нас – кем бы они ни были. Просто тихо сбежать... – Сержант вздохнул. – Это ведь вполне устроит наших врагов, верно? Но сжигатели мостов не отступят. Мне кажется, это дело чести.

– Я тебя понял, – сказал Дуджек. А потом хмыкнул. – Ага, а вот и они.

Скворец проследил за взглядом верховного кулака, который что-то высматривал на восточном горизонте.

* * *

Склонив голову набок, Быстрый Бен прошипел сквозь стиснутые зубы:

– Гончие Тени вышли на его след.

Калам грубо выругался и вскочил на ноги.

Сидя на кровати, Рваная Снасть затуманенными глазами смотрела, как огромный мужчина мечется по комнате, а половицы даже не скрипят под ним. Рослый и широкоплечий Калам словно бы парил над землей, и это вызывало в ней чувство нереальности происходящего, особенно если учесть, что в центре комнаты чернокожий маг, поджав ноги, завис в нескольких дюймах над деревянным полом.

Рваная Снасть поняла, что совершенно вымоталась. Слишком много всего случилось в последние недели, и все – практически одновременно. Она внутренне встряхнулась и перевела взгляд на Быстрого Бена.

Маг был связан с Локоном, а марионетка шла по следу кого-то – *чего-то*, – ушедшего по Пути Тени. Локон добрался до самых врат Владения Тени, а потом вошел в них. На какое-то время Быстрый Бен потерял связь с куклой, и эти бесконечные минуты тишины порядком истрепали всем нервы. Когда аура Локона снова вернулась к магу, заключенный в куклу чародей был уже не один.

– Он выходит, – объявил Быстрый Бен. – Меняет магические Пути. С Опонновым счастьем, глядишь, и оторвется от Псов Тени.

Рваная Снасть поморщилась, когда он все помянул имя Шутов. Сейчас где-то там, в глубине, переплеталось столько невидимых течений, что это могло привлечь к ним ненужное внимание.

Усталость разлилась по комнате, как запах горьких благовоний, смешанный с потом; атмосфера была напряженной. Быстрый Бен опустил голову. Рваная Снасть понимала, что его душа сейчас идет по магическим Путям, цепляется за плечо Локона крепчайшей хваткой.

Расхаживая по комнате, Калам оказался рядом с чародейкой. Он остановился и посмотрел на нее.

– Что там с Тайскренном? – резко спросил капрал, сжимая и разжимая кулаки.

– Он знает, что что-то случилось. Тайскренн вышел на охоту, но добыча ускользнула от него. – Рваная Снасть улыбнулась убийце. – Я чувствую, что он двигается осторожно. Очень осторожно. Он ведь не знает, кто его добыча: заяц или волк.

Выражение лица Калама оставалось мрачным.

– Или гончий пес, – пробормотал он и снова закружил по комнате.

Рваная Снасть уставилась на убийцу. Неужели именно это и делает Локон? Ведет за собой Гончую Тени? Неужели они все заманивают Тайскренна в смертельную ловушку?

– Надеюсь, что нет, – заявила она, сурово глядя на убийцу. – Это было бы глупостью.

Калам ничего не ответил, тщательно отводя глаза. Рваная Снасть поднялась.

– Даже не глупостью, а настоящим безумием. Ты хоть понимаешь, какая сила может тут высвободиться? Многие считают, что Гончие Тени намного древнее, чем сами Владения Тени. Но дело не только в них – сила привлекает силу. Если один из Возшедших разорвет ткань там

или здесь, то вслед за ним, учуяв кровь, придут другие. Когда наступит рассвет, все смертные в этом городе могут погибнуть.

– Успокойся, госпожа, – сказал Калам. – Никто не хочет выпускать Пса Тени в город. Во мне просто говорил страх. – Он по-прежнему избегал ее взгляда.

Признание убийцы поразило Рваную Снасть. Калам не поднимал глаз от стыда. Страх – это ведь проявление слабости.

– Ох, Худов клобук! – вздохнула она. – Да я и сама вот уже второй час сижу тут и только о том думаю, как бы ненароком постель не испачкать.

Калам никак не ожидал от нее такой реакции. Убийца остановился, посмотрел на чародейку, а потом рассмеялся – так искренне, что Рваная Снасть невольно прониклась к нему симпатией.

Дверь в спальню открылась, и вошел Молоток; его круглое лицо покраснелось и блеснуло от пота. Целитель глянул на Быстрого Бена, а потом подошел к Рваной Снасти и присел перед ней на корточки.

– По всем статьям, – тихо проговорил он, – капитан Паран должен сейчас лежать в офицерской могиле под пятью футами мокрой земли. – Он кивнул подошедшему Каламу. – Первая рана была смертельной. Удар нанесли профессионально, прямо под сердце, – добавил Молоток, многозначительно глядя на взводного убийцу. – Вторая бы тоже наверняка его прикончила, просто не сразу.

Калам скривился:

– Стало быть, капитан должен был умереть. Но не умер. И что это значит?

– Вмешательство, – ответила Рваная Снасть, у которой в животе все сжалось от неприятного чувства. Из-под отяжелевших век она пристально посмотрела на Молотка. – Твоих сил магического Пути Дэнула хватило?

Целитель иронично усмехнулся.

– Я справился без труда, поскольку мне помогли, – объяснил он. – Раны уже закрывались, ткани срослись. Я лишь слегка ускорил процесс, только и всего. Паран получил тяжелую травму – телесную и духовную. Как ни крути, пройдут недели, прежде чем он оправится физически. И уже одно это будет нелегко. А о другом я уж и не говорю.

– Что ты имеешь в виду? – осведомилась Рваная Снасть.

Калам отошел к столу и принес кувшин и три глиняных кубка. Когда он начал разливать вино, Молоток сказал:

– Лечение никогда нельзя разделять между плотью и ощущением плоти. Это трудно объяснить. Магический Путь Дэнула касается всех видов исцеления, поскольку любая рана наносит организму вред на всех уровнях. Шок – это шрам, который соединяет пропасть между телом и сознанием.

– Очень интересно, – проворчал Калам, протягивая целителю кубок. – Так что там с Параном?

Молоток сделал долгий глоток и вытер губы:

– Какая бы сила ни вмешалась, она не заботилась ни о чем, кроме заживления плоти. Капитан запросто может подняться на ноги уже через пару дней, но потрясение пройдет очень не скоро.

– Ты не смог его исцелить? – спросила Рваная Снасть.

Молоток покачал головой:

– Все это вещи, тесно связанные между собой. А неведомая сила разорвала эти связи. Я ведь понятия не имею, сколько потрясений, травмирующих событий пережил за свою жизнь Паран. По какому шраму мне идти? И от незнания я могу только навредить ему своими действиями.

Рваная Снасть подумала о молодом человеке, которого сжигатели мостов притащили в ее комнату час назад. После того как капитан издал тот крик в переулке, благодаря чему Хватка поняла, что он жив, раненый потерял сознание да так и не приходил в себя. О Паране чародейка знала только то, что он являлся отпрыском знатного рода, прибыл из Унты и был назначен новым командиром взвода на время даруджистанской миссии.

– В любом случае, – заключил Молоток, осушив кубок, – Колотун за ним приглядывает. Капитан может очнуться в любую минуту, но никто не скажет, в каком состоянии будет его разум. – Целитель ухмыльнулся Каламу. – Кстати, Колотуну этот бедолага понравился.

Его ухмылка стала шире, когда убийца выругался. Рваная Снасть подняла бровь.

Увидев ее изумление, Молоток объяснил:

– Колотун вечно возится с бродячими собаками – и другими, кхм, убогими созданиями. – Он бросил взгляд на Калама, который снова начал ходить туда-сюда по комнате. – Такой вот он у нас добросердечный.

Рваная Снасть улыбнулась. Но ее улыбка поблекла, когда она кое-что поняла.

– Парана используют, – холодно заявила чародейка. – В качестве оружия, такого живого меча.

Молоток помрачнел:

– Тогда в его исцелении нет никакого милосердия – один только голый расчет.

Все вздрогнули, когда внезапно заговорил Быстрый Бен:

– Покушение на него – дело рук Тени.

В комнате воцарилась тишина.

Рваная Снасть вздохнула. Прежде это было только подозрением. Чародейка увидела, как Молоток и Калам обменялись выразительными взглядами, и догадалась, о чем они подумали. Кем бы ни была Жаль, но, когда девчонка вернется, ей придется ответить на несколько прямых вопросов, и миндальничать они с ней не станут. Теперь Рваная Снасть знала наверняка, что Жаль принадлежит Дому Тени.

– И это значит, – безмятежно продолжил Быстрый Бен, – что, кто бы ни вмешался, чтобы спасти Парана, он явно противостоит Дому Тени. – Маг повернул голову, и его темные глаза остановились на чародейке. – Нам нужно будет узнать все, что знает Паран, как только он придет в себя. Однако...

– К тому времени нас здесь уже не будет, – закончил Калам.

– Мало мне Локона, – пробормотала Рваная Снасть, – так теперь вы еще хотите, чтобы я нянчилась и с этим вашим капитаном.

Быстрый Бен поднялся и отряхнул пыль с кожаных штанов.

– Локон вернется не скоро. Эти Гончие Тени – упрямые твари. Ему потребуется время, чтобы оторваться от них. Или, если дело примет самый скверный оборот, – чародей сумрачно ухмыльнулся, – он сцепится с ними, и тогда Владыке Тени будет над чем поразмыслить.

Калам повернулся к Молотку:

– Зови уже давай Колотуна. Нам пора идти.

Услышав последние слова Быстрого Бена, Рваная Снасть похолодела. Она поморщилась от привкуса пепла во рту и молча наблюдала за тем, как сжигатели мостов собираются уходить. Согласно новому приказу их взвод отправляли в Даруджистан. Даруджистан был следующим пунктом в списке завоеваний империи, последним Вольным городом, самоцветом в венце этого континента – дорогой и желанной добычей. Взвод Скворца должен проникнуть в город, открыть путь войскам. Там им придется рассчитывать только на себя. Как ни странно, Рваная Снасть почти завидовала им. Хотя в то же время и боялась, что сжигатели мостов погибнут.

Охваченная страхом, она вспомнила о кургане Каменщика. И вдруг поняла: этот могильный холм достаточно велик, чтобы вместить их всех.

* * *

Когда на горизонте замерцал багровый отблеск зари, скорчившиеся в своих высоких седлах черные моранты стали похожи на липкие от крови алмазы. Скворец, Скрипач и верховный кулак смотрели, как к ним приближается дюжина всадников. Дождь уже почти прекратился, и над ближайшими крышами начал собираться туман, обволакивавший черепицу.

– Где твой взвод, сержант? – спросил Дуджек.

Скворец кивнул Скрипачу, который обернулся и направился обратно к люку.

– Все ждут внизу, – ответил сержант.

Блестящие, тонкие, как кожа, крылья кворлов – по четыре у каждого – на кратчайший миг словно бы замерли, и вот уже двенадцать морантов, все как один, оказались прямо над крышей башни. Ровное жужжание крыльев прерывалось командами морантов, которые те отдавали на своем странном щелкающем языке. Они пронеслись всего в пяти футах над головами солдат и без церемоний опустились прямо за ними.

Скрипач уже скрылся внизу. Дуджек положил руку на пояс, взглянул на морантов, а потом что-то пробормотал себе под нос и тоже направился к люку.

Скворец подошел к ближайшему моранту. Лицо солдата прикрывало черное хитиновое забрало, и голова повернулась к сержанту с молчаливым вниманием.

– Тут был среди вас один воин, – проговорил Скворец, – однорукий. Его пять раз награждали за доблесть. Он еще жив?

Черный морант ничего не ответил.

Сержант пожал плечами и переключил свое внимание на кворлов. Хотя прежде Скворец уже летал на них, эти создания не уставали его удивлять. Гигантские крылатые насекомые балансировали на четырех тонких ножках, торчавших из-под седел. Кворлы стояли на крыше, расправив крылья, которые дрожали так быстро, что вокруг них повисла дымка из водяных капель, и вытянув свои странные, длиной в двадцать футов, разноцветные чешуйчатые хвосты. Ноздри Скворца задрожали, когда до него долетел уже знакомый едкий запах. Гигантская клиновидная голова ближайшего кворла была украшена огромными фасетчатыми глазами и подвижными мандибулами. Две дополнительные конечности – руки, как он предполагал, – были поджаты. Внезапно голова ближайшего кворла повернулась так, что левый глаз оказался направлен прямо на человека.

Сержант продолжал смотреть, гадая, что же видит кворл и о чем тот думает – если, конечно, он вообще способен думать. Из любопытства сержант кивнул кворлу.

Клиновидная голова склонилась набок, а затем отвернулась. Скворец изумленно заметил, что кончик хвоста кворла на миг свернулся. Никогда раньше он не видел ничего подобного.

Союз между морантами и Малазанской империей полностью перестроил имперскую военную машину. Здесь, в Генабакисе, тактика изменилась – и теперь все больше зависела от транспортировки по воздуху солдат и припасов. Такая зависимость казалась Скворцу опасной.

«Мы слишком мало знаем об этих морантах: никто никогда не видел их лесных городов. Я, например, даже не могу различить, кто из них мужчина, а кто женщина».

Большинство малазанских ученых полагали, что их новые союзники принадлежали к человеческой расе, однако проверить это было невозможно – моранты забирали своих павших с поля боя. Скворец боялся даже представить себе, что ждет империю, если моранты когда-нибудь захотят власти. Впрочем, насколько ему было известно, их кланы, названные по цветам (черные, зеленые, золотые и прочие), и так вели непримиримую борьбу, постоянно соперничая между собой, причем соотношение сил то и дело менялось: попробуй-ка разберись в их причудливой иерархии.

Верховный кулак Дуджек вернулся к Скворцу, и суровое выражение его лица слегка смягчилось. Из люка слышались спорящие голоса.

– Твои бойцы пришли, – сказал Дуджек. – Орут за что-то на ту девчонку-новобранку – и даже не говори мне, в чем там дело, я этого знать не хочу.

Скворец тяжело вздохнул. В глубине души он надеялся, что Жаль дезертирует.

«Ага, как бы не так. Значит, его ребята все-таки нашли девушку, или она сама нашла их».

Как бы там ни было, судя по всему, сжигатели мостов были совсем не рады ее видеть. И Скворец не винил их. Неужто она и впрямь попыталась убить Парана? Кажется, именно это и подозревали Быстрый Бен и Калам.

Громче всех рычал Калам, который, видимо, вспомнил о том, что носил звание капрала. Заметив вопросительный взгляд Дуджека, Скворец быстро подошел к люку, встал у края и посмотрел вниз. Все были там, выстроились угрожающим полукругом вокруг Жали, которая прислонилась к лестнице с таким видом, словно бы все эти разборки ей смертельно наскучили.

– Тихо! – рявкнул Скворец. – Проверьте припасы и живо все сюда, наверх!

Увидев, как его подчиненные забегали, сержант удовлетворенно кивнул и вернулся к верховному кулаку. Дуджек потирал культию левой руки и рассеянно хмурился.

– Проклятая погода, – пробормотал он.

– Молоток может снять боль, – предложил Скворец.

– Да не нужно, – отмахнулся Дуджек. – Просто я старею. – Он поскреб подбородок. – Все ваши тяжелые припасы уже доставили на место высадки. Ну что, сержант, готовы к полету?

Скворец оглядел рифленные двойные седла, которые дыбились на спинах кворлов, словно горбы, а потом решительно кивнул.

Они смотрели, как из люка появились один за другим все бойцы взвода, закутанные в дождевые плащи и с тяжелыми тюками за спиной. Скрипач и Колотун шепотом переругивались, и последний бросил гневный взгляд на Ходока, который наступал ему на пятки. Баргаст, сверху донизу обвесивший свое мускулистое тело многочисленными талисманами, амулетами и трофеями, смахивал на свинцовое дерево, которое канцы наряжают на День Скорпионов. Ну до чего же все-таки странные эти баргасты. Быстрый Бен и Калам шли по обе стороны от девушки, оба злые и явно на взводе. Сама Жаль держалась абсолютно невозмутимо: не обращая ни на кого внимания, она медленно направилась к кворлам. Ее ранец был не больше свернутого одеяла, а дождевик, доходящий ей до щиколоток, был не армейского образца и походил на обычный плащ. Жаль опустила капюшон. Несмотря на усиливающийся утренний свет, ее лицо скрывала тень.

«Это все, что осталось от моего взвода». Скворец вздохнул.

Дуджек тихо спросил:

– Ну как там девчонка, сержант?

– Пока еще дышит, – холодно ответил Скворец.

Верховный кулак медленно покачал головой:

– Ох, до чего же она все-таки молодая...

Скворец призадумался, поскольку слова Дуджека пробудили в нем воспоминания. Дело было еще до осады Крепи, во время Моттской кампании, когда их ненадолго приписали к Пятой армии. Жаль тогда только-только поступила к ним новобранцем. Он видел, как девчонка хладнокровно поставила на нож трех местных наемников, которых взяли в плен в Сером Псе, – якобы затем, чтобы развязать им языки на допросе, но, как с содроганием понял сержант, истинная причина заключалась совсем не в этом. Потрясенный, он в ужасе смотрел, как Жаль взялась резать им пах, одному за другим. Он помнил, как поймал взгляд Калама и сделал отчаянный жест, который заставил чернокожего убийцу рвануться вперед, обнажив свой меч. Калам пролетел мимо Жали и тремя быстрыми движениями перерезал пленникам глотки. И

была одна ужасная деталь, которая до сих пор разрывала Сквиорцу сердце: истекавшие кровью наемники, умирая, *благодарили* Калама.

А Жаль просто вложила свой клинок в ножны и спокойно пошла прочь.

Хотя она пробыла во взводе уже два года, его люди по-прежнему именовали ее новобранцем и, наверное, так и будут звать вплоть до смертного часа. В этом заключался особый смысл, и Сквиорец прекрасно все понимал: звание сжигателя мостов еще требовалось заслужить. Жаль оставалась новенькой, поскольку одна мысль о том, что она войдет в их ряды на равных, была ненавистна всем бойцам его взвода. Да и сам сержант поневоле разделял их чувства.

Сохраняя обычное невозмутимое выражение лица, Сквиорец мысленно ответил Дуджеку: «Совсем еще молодая, говоришь? Согласен, молодым можно многое простить в силу их неопытности. Но ты видел, какие у нее глаза? Ох, лучше в них вообще не смотреть. В этих страшных глазах нет ничего, присущего юности, совсем ничего».

– Ну, вам пора выступать, – проворчал Дуджек. – Садитесь в седла!

Верховный кулак обернулся, чтобы сказать что-нибудь на прощание Сквиорцу, но, когда увидел выражение лица сержанта, слова буквально застряли у него в горле.

* * *

Когда восток начал затягивать небо алым плащом, в городе прозвучали два приглушенных раската грома – первый через несколько минут после второго. Последние слезы этой ненастной ночи скатились по водостокам и зажурчали в уличных канавах. Рывтины заполнились грязноватыми лужами, в которых отражались редкие тяжелые тучи. В узких переулках Краэльского квартала Крепи холодная и сырая ночь упорно цеплялась за темные ниши. Здесь покрытые плесенью кирпичи и истертые булыжники мостовой поглотили второй раскат грома, так что эхо не смогло заглушить перестук водяных капель.

По проулку, идущему вдоль внешней стены, мчался пес размером с мула. Его массивная голова была опущена вниз. Достаточно было взглянуть на его серо-черную шерсть, сухую и пыльную, чтобы понять: этот зверь не попал под ночной дождь. Морду собаки покрывали серые подпалины, а глаза светились янтарным блеском.

Пес этот, седьмой среди Гончих Тени, носил имя Зубец и сейчас шел по следу. Его добыча была хитрой и ловко ускользала. Но Зубец чувствовал, что она уже близко. Он знал, что охотится не на обычного человека, – ни один смертный не смог бы так долго избегать его клыков. Еще больше Зубца поражало то, что он до сих пор еще даже не видел свою добычу. Но она нарушила границы, бесстыдно вошла во Владения Тени по следу самого Престола Тени и задела все нити паутины, которую сплел господин Зубца. Единственным ответом на такое оскорбление была смерть.

Пес понимал, что скоро на него самого начнется охота и, если загонщиков окажется много, если они будут сильны, Зубцу придется хорошенько потрудиться, чтобы продолжить поиски. Были в городе те, кто заметил грубый разрыв ткани. И меньше чем через минуту после того, как Зубец сошел с магического Пути через ворота, шерсть на загривке зверя поднялась дыбом: он почуял, что где-то неподалеку поднимается волна магии. До сих пор гончей удавалось скрываться от ищущего взгляда, но долго это не продлится.

Бесшумно и осторожно Пес Тени двигался через лабиринт лачуг и времянок, лепившихся к стене Крепи, не обращая внимания на редких горожан, которые вышли подышать свежим после дождя воздухом. Он переступал через бездомных, растянувшихся на его пути. Местные собаки бросали на гигантскую гончую один лишь взгляд и тут же испуганно пятились, прижимая уши и подметая хвостами грязную землю.

Когда Зубец завернул за угол осевшего каменного дома, утренний ветерок заставил его повернуть голову. Он замер, осматривая противоположную сторону улицы. Тут и там еще

висели клочья тумана, и сквозь них были видны человеческие фигуры: это мелкие торговцы, одевшись потеплее, уже выкатывали на мостовую свои тележки. У Пса Тени оставалось все меньше времени.

Взгляд Зубца пробежал по улице и уперся в большую, окруженную стеной усадьбу. Четверо солдат торчали у ворот, без интереса поглядывая на прохожих и переговариваясь между собой. Зубец поднял голову, когда обнаружил закрытое ставнями окно на третьем этаже.

Предвкушение и радость охватили Пса Тени. Он нашел конец тропы. Опустив голову, Зубец двинулся вперед, не сводя глаз с четырех стражников.

* * *

Ночное дежурство закончилось. Напарники, которые пришли заступить на вахту, сразу заметили, что ворота открыты нараспашку.

– Это как же понимать? – спросил один из них, глядя на мрачные лица солдат, которые стояли у стены.

– Ночка такая нынче выдалась... – неопределенно ответил тот, что был постарше. – В общем, лучше лишних вопросов не задавать.

Двое сменщиков обменялись взглядами, а потом первый кивнул и ухмыльнулся:

– Знаю я такие ночи. Ладно, идите спать. Койки вас уже заждались.

Немолодой солдат взялся за пику и, казалось, успокоился. Он взглянул на своего товарища, который упорно смотрел в дальний конец улицы, словно бы увидел там нечто интересное.

– Думаю, теперь это уже вряд ли случится, – сказал новоприбывшим первый солдат, – но, если вдруг появится молодая женщина из взвода сжигателей мостов, спокойно пропустите ее и лучше отвернитесь, сделайте вид, что ничего не заметили.

– Смотрите, какая собака, – проговорил его товарищ.

– Понятно, – кивнул сменщик. – Жизнь во Второй армии...

– Вы только гляньте на пса, – не успокаивался парнишка.

Остальные обернулись и посмотрели на улицу. Немолодой солдат изумленно распахнул глаза и выронил пику, прошипев проклятие. Остальные не успели сделать и этого – страшный зверь был уже совсем рядом.

* * *

Рваная Снасть лежала на кровати в первой комнате своего временного жилища. Она так устала, что никак не могла уснуть и смотрела в потолок, прокручивая в голове события последней недели. Хотя сперва чародейка и разозлилась, что сжигатели мостов втянули ее в свои планы, однако теперь на смену этому чувству пришло приятное возбуждение.

А ведь еще совсем недавно она хотела собрать вещи и уйти по своему магическому Пути прочь от Малазанской империи, подальше от безумия и жадности Локона, от всех этих бесконечных сражений. Но то был всего лишь порыв отчаяния, который уже прошел.

Однако, что уж греха таить, Рваная Снасть осталась не только из человеколюбия, желая помочь сжигателям мостов, которые снова и снова доказывали, что они ребята толковые и знают, что делают. Нет, она хотела увидеть падение Тайскренна. Эта истина пугала ее. Жажда мести отравляет душу. И похоже, чародейке довольно долго придется ждать, когда ее враг наконец-то окажется повержен. Она боялась, что если так долго будет пить этот яд, то начнет смотреть на мир блестящими от безумия глазами Локона.

– Слишком много, – пробормотала она, – слишком много всего и сразу.

Шум у двери напугал ее. Рваная Снасть села.

– А-а, – протянула чародейка, – ты вернулся.

– Живой и здоровый, – сказал Локон. – Уж прости, что обманул твои надежды, Рваная Снасть! – Марионетка взмахнула маленькой ручкой в перчатке, и дверь за ней сама собой захлопнулась, а щеколда скользнула на место. – Не пойму, и чего все так их боятся, этих прославленных Гончих Тени, – проговорил Локон, выходя на середину комнаты, и сделал пируэт, прежде чем сесть на пол, расставив ноги и раскинув руки. Он хихикнул. – А на деле всего лишь обычные шавки, тупые и медлительные, долго обнюхивают каждое дерево. И никак не могут найти хитроумного Локона.

Рваная Снасть снова легла и закрыла глаза:

– Быстрый Бен недоволен тем, что ты ведешь себя столь неосторожно.

– Глупец! – Локон сплюнул. – Пусть смотрит! Пусть верит, что магические знания дают ему надо мной власть, а я тем временем хожу, куда сам пожелаю. О, как он упивается сознанием того, что якобы может командовать мною, – я пока что позволю ему пребывать в заблуждении, отчего моя месть будет только слаще!

Подобные речи чародейка уже слышала раньше и понимала, что все это говорится ради нее, таким образом Локон пытается ослабить ее решимость. К несчастью, этот пройдоха частично преуспел: Рваная Снасть и впрямь начала сомневаться. Может, он говорит правду: а вдруг? Не исключено, что Быстрый Бен действительно потерял контроль над куклой, но только сам этого еще не знает.

– Прибереги свою месть для человека, который отобрал у тебя ноги, а потом и все тело, – сухо сказала Рваная Снасть. – Тайскренн по-прежнему глумится над тобой.

– Он заплатит первым! – завизжал Локон. Потом сторбился, обхватил себя руками и прошептал: – Всему свой черед.

За окном раздались первые крики.

Рваная Снасть вскочила, а Локон завопил:

– Гончая Тени меня нашла! Не дай ей меня увидеть, женщина!

Марионетка поднялась на ноги и поспешно заковыляла к своей коробке у дальней стены.

– Убей Пса Тени – у тебя нет другого выхода!

Локон рывком открыл коробку и залез внутрь. Крышка со стуком опустилась на место, и коробку окутала аура защитного заклятия.

Рваная Снасть в нерешительности стояла возле кровати. Снизу затрещало дерево, и весь дом задрожал. Кричали люди, звенело оружие. Чародейка вытянулась, ужас наполнял ее руки и ноги расплавленным свинцом.

«Разве можно убить Пса Тени?»

Ставни задребезжали в такт разлетающимся в разные стороны телам этажом ниже, а потом тяжелые шаги добрались до лестницы, и вопли стихли. Она слышала, как солдаты продолжают кричать где-то на территории усадьбы.

Рваная Снасть потянулась к своему магическому Пути Тира. Сила хлынула в нее и смела парализующий страх. Вся усталость мигом улетучилась. Чародейка выпрямилась и посмотрела на дверь. Дерево затрещало, а потом доски вдруг полетели внутрь, словно их запустили из катапульты, но отскочили от магического щита Рваной Снасти. Двойной удар разломал их, во все стороны посыпались обломки и щепки. У нее за спиной разбилось стекло, ставни распахнулись. В комнату хлынул ледяной ветер.

Появился Пес Тени, его глаза пылали желтым пламенем, а мускулы на высоких плечах мягко перекачивались под кожей. Сила этого создания накатилась на Рваную Снасть, как волна, и чародейка ахнула. Пес Тени был очень стар, старше любого существа, которое она когда-либо видела за всю свою жизнь. Монстр задержался в дверях, нюхая воздух. С его черных губ на пол капала кровь. Наконец зверь уставился на окованную коробку у стены слева от хозяйки дома. И шагнул вперед.

– Нет, – сказала Рваная Снасть.

Пес Тени замер. Его массивная голова медленно и размеренно повернулась к чародейке, словно он только что заметил ее. Он ощерился, открывая поблескивающие клыки величиной с человеческий палец.

«Будь ты проклят, Локон! Мне нужна твоя помощь! Ну пожалуйста, хватит уже прятаться!»

Белые полосы сверкнули под приподнявшимися веками пса. Зверь прыгнул.

Он летел так быстро, что Рваная Снасть даже не успела поднять руки, а монстр уже оказался рядом и пробился через ее внешние чары так легко, словно они были сделаны из воздуха. Ее последняя защита, несколько слоев высших щитов, встретила удар пса, будто каменная стена. Чародейка почувствовала, как во все стороны расходятся трещины, глубокие разломы пробегают по ее рукам и груди, а потом раздался треск, и хлынула кровь. Сила Гончей Тени подбросила ее в воздух. Магические щиты на спине смягчили удар, когда колдунья врезалась в стену у окна. Дождем посыпалась штукатурка, повсюду разлетелись обломки разбитого кирпича. Пес припал к земле, вернее, к полу, потряс головой, поднялся на лапы, громко фыркнул, а потом снова прыгнул.

Рваная Снасть еще не пришла в себя после первого удара и только слабо выставила перед лицом окровавленную руку, больше ни на что не хватило сил.

Когда Пес Тени взлетел в воздух, раскрыв пасть, волна серого света ударила зверя в бок и отбросила на кровать справа от Рваной Снасти. Дерево хрустнуло. С возмущенным рычанием зверь снова поднялся и теперь уже обернулся к Локону, который стоял на своей коробке, подняв руки. Лицо его блестело от пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.